

Таймаз Абубакаров

РЕЖИМ
ДЖОХАРА ДУДАЕВА:

ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ

*Записки дудаевского министра
экономики и финансов*

ТАЙМАЗ АБУБАКАРОВ

**РЕЖИМ
ДЖОХАРА ДУДАЕВА:
ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ**

*ЗАПИСКИ
ДУДАЕВСКОГО МИНИСТРА
ЭКОНОМИКИ И ФИНАНСОВ*

**МОСКВА
«ИНСАН»
1998**

ББК 63.3(2)64
А13

Абубакаров Т.

**А13 Режим Джохара Дудаева: правда и вымысел.
Записки дудаевского министра экономики
и финансов. — М.: ИНСАН, 1998. — 192 с.
ISBN 5-85840-292-5.**

В книге на основе фактов показано как происходило становление и развитие режима Джохара Дудаева, дана характеристика важнейших сторон его внутренней и внешней политики, особенно в области экономики и финансов. Сделана попытка дать объективный анализ, уйти от упрощенного подхода к оценке дудаевского правления.

Предназначается для политологов, экономистов, социологов и широкого круга лиц, интересующихся перипетиями современной политики.

ББК 63.3(2)64

ISBN 5-85840-292-5

© Т.Абубакаров, 1998
© В.Якимов. Вводная статья, 1998
© ИНСАН, оформление, 1998

*Памяти
Абдурахмана Авторханова
посвящается*

*“У всякого народа - свой предел;
и когда придет их предел,
то они не замедлят ни на час
и не ускорят...”*

(КОРАН, Сура 7. Преграды, 32 (34));

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Прежде всего несколько слов о самом авторе книги. Он — профессиональный экономист. Окончил экономический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова и там же защитил кандидатскую диссертацию. После преподавал в Чечено-Ингушском государственном университете им. Л.Н.Толстого, где прошел путь от ассистента до первого проректора.

Накануне августовских событий 1991 г. был назначен на должность министра экономики, прогнозирования и труда в правительстве Чечено-Ингушской Республики. В правительстве Джохара Дудаева занимал в течение более трех лет пост министра экономики и финансов.

Говоря «Россия», официальный Грозный подразумевает ее за вычетом Чечни, а официальная Москва, напротив, — обязательно с Чечней. Отсутствие ясной и твердой договоренности по этому вопросу не позволяет серьезно рассчитывать на какое-либо существенное продвижение в ведущихся между ними ныне переговорах, чего бы последние не касались и на каком бы уровне они не велись. Сегодняшняя действительность это подтверждает в полной мере.

На первый взгляд кажется, что в продолжающемся противоборстве упомянутых позиций не будет доброго конца. Однако зададимся вопросом: так ли уж объективно неизбежны занятые позиции противоборствующих сторон? И вообще: если задача не решается при данном подходе, то не следует ли подойти к ней с иной стороны? Правомерен и вопрос: «подпираются» ли противоборствующие позиции адекватным образом общественным настроением в России и Чечне? И кто вообще берется отвечать на такой вопрос?

Да, конечно, стоящая задача нормализации отношений между Москвой и Грозным не должна рассматриваться упрощенно. Это

так. Вместе с тем пагубно было бы и искусственно ее усложнять и преподносить как неразрешимую в принципе.

Книга, которую вы взяли в руки, читатель, написана человеком, в силу своей прошлой служебной деятельности не понаслышке знающим условия и технологию принятия и претворения в жизнь многих ответственных решений чеченского правительства во времена президентства Дудаева. Поэтому приводимые в книге факты, суждения и оценки рассматриваемых в ней событий воспринимаются как достоверные, компетентные.

Правда, многие из тех, кто входил в ближайшее окружение Дудаева, в том числе и автор настоящей книги, не представлены сегодня в чеченских властных структурах. Думаю, что это не случайно — профессионалы дудаевского призыва на собственном опыте убедились в неэффективности экспериментов, делающих экономику заложницей голой политики.

У меня сложилось впечатление, что Таймаз Абубакаров, оставаясь сторонником независимости Чечни, не является тем не менее безоглядным приверженцем немедленного отделения ее от России любой ценой.

Конечно, в центре книги не сам Дудаев. Но читая ее, немало узнаешь и о нем. Его давно уже нет, но интерес к этой личности, по-прежнему, сохраняется. И это понятно — ведь вся история российско-чеченского противостояния новейшего времени, в котором, к большому сожалению, все еще кажется не поставлена последняя точка, связана с именем Дудаева.

Как бы не смотреть на Дудаева и на его окружение, но они из числа тех, кто могут или могли бы ходить с гордо поднятой головой, чего не скажешь о С.Хаджиеве, Д.Завгаеве и других чеченских ставленниках Кремля, имена которых еще вчера были на слуху.

Книга в целом призвана удовлетворить понятный интерес читателя — и российского, и чеченского — к событиям совсем недавнего и трагического прошлого в российско-чеченских отношениях в тех их аспектах, которые связаны с тогдашней государственной службой автора книги.

Желаю книге доброй судьбы!

*Виктор ЯКИМОВ,
к.э.н., Старший научный сотрудник
Института гуманитарно-политических
технологий им. Авторханова,
ноябрь 1997 года*

ЧЕЧЕНСКИЙ СЕПАРАТИЗМ КАК СЛЕДСТВИЕ РЕАЛЬНОГО СОЦИАЛИЗМА

От какого социализма избавлялись чеченцы

Заклятым «друзьям» чеченцев удалось создать устойчивый миф о криминальном характере и упадочном состоянии экономики Чеченской Республики в период правления Дудаева. Миф оказался настолько удобным и приятным во всех отношениях, что любое несогласие с ним считается в России признаком дурного тона, или, даже, невежества. Нетрудно догадаться о политической закваске этого мифотворчества. Куда сложнее разобраться с фактической стороной дела.

Достоверной статистики по экономике Чечни никогда не существовало в принципе, а с 1991 года чеченская статистика стала вдобавок и недоступной, по крайней мере для большинства пишущей и вещающей российской братии. Нет также независимых экспертных оценок. Что касается сведений комиссии Государственной Думы Федерального Собрания РФ по Чечне (так называемая комиссия С.Говорухина), собранных наспех и приуроченных к разбирательству чеченской проблемы в Конституционном Суде РФ, то едва ли можно сомневаться в их политической ангажированности. Даже в тех редких случаях, когда «знатоки» Чеченской Республики бравируют неведомо откуда взявшимся «статистическим» материалом, их все-таки выдает неприкрытая профессиональная нечистоплотность. Так, очень часто появляются данные о том, что при Дудаеве национальный доход сократился якобы на 60-70 процентов. Дело даже не в самих цифрах, а в том, что совершенно некорректно само по себе сравнение по национальному доходу, ибо в советский период (сравнения даются именно с показателями этого времени) доход этот исчислялся в масштабах союзных, а не автономных республик.

Другая ошибка — данные по Чеченской Республике напрямую, без уточнения сравниваются с данными по бывшей Чечено-Ингушской АССР. Однако действуя безоглядно по принципу «цель оправдывает средства», адепты античеченского психоза сыграли, сами того не замечая, против подлинных интересов России. Предвоенные шапкозакидательские настроения (вспомним болтовню бывшего тогда министром обороны России П.Грачева перед

миллионами телезрителей о расправе с Чечней за два часа силами одного воздушно-десантного полка) и трагические последствия самой прошедшей войны — наглядное тому доказательство.

Знание того, что на самом деле происходило с чеченской экономикой при Дудаеве, важно не только в смысле активного противодействия разного рода отравителям русско-чеченских отношений, но и в плане критического осмысления эксперимента на выживание, поставленного в Чеченской Республике объединенными усилиями кремлевских и грозненских политиков, эксперимента, который в известном смысле можно было бы назвать «чеченской робинзонадой». Явление это тем более интересно, что впервые за последние четыреста лет чеченцы получили возможность (хотя и формальную) самостоятельно вершить свою судьбу, в том числе и экономическую. Не могу сказать, что все наши действия были последовательно рациональными. Мягко говоря, многое делалось в духе романтизма — этого неизбежного спутника всякой робинзонады.

События, имевшие место в Чеченской Республике, начиная с 1991 года, привели к тому, что ее экономика стала как бы самостоятельным осколком советской экономики, унесенного жизненными обстоятельствами за пределы экономического пространства бывшего СССР и сменившего его СНГ. Не имея четких и консолидирующих механизмов обновления жизни и вместе с тем не желая возвращаться к прежним порядкам, Чеченская Республика три года (1992–1994) дрейфовала в океане жестоких реалий современного мира. Обретения, сделанные ею в этом «свободном плавании» не укладываются в какую-нибудь универсальную формулу экономического бытия. Здесь было все — от родимых «пятен социализма» до причуд новоявленного капитализма.

Дело, однако, не в том, что все это было. В конце концов ни одной стране бывшего социалистического лагеря не удалось избежать схожего сценария общественного развития. Проблема была в другом — неумное стремление к сиюминутной политической свободе приходило здесь в острое противоречие с экономическим базисом республики, который создавался в другую эпоху и для решения во многом совершенно иных, прямо противоположных задач. Попытки разрешить это противоречие путем проведения долгосрочных экономических и иных преобразований, увязанных с политическими реалиями и перспективами, расхищались о призрачный монумент государственного

суверенитета и свободы вообще. Это был как раз тот самый случай, когда экономика стала заложницей политики.

Разрыв между экономикой и политикой произошел, впрочем, еще задолго до появления Дудаева на политической сцене республики. К началу 90-х годов экономика Чечено-Ингушетии оказалась в состоянии тотального кризиса, перечеркнувшего все программные установки местной коммунистической олигархии. Не была решена ни одна из заявленных ею задач. И в самом деле — коммунисты десятилетиями твердили о необходимости преодоления моноструктурного характера экономики в республике, в частности за счет размещения современных трудоемких отраслей (приборостроение, электроника и т.д.), но дальше общих деклараций дело не продвинулось. Основной составляющей экономики республики по-прежнему были предприятия нефтехимического комплекса, занимавшие в ее структуре более 75 процентов. К концу 80-х годов доля этого комплекса стала даже возрастать — в силу того, что другие экономикообразующие отрасли стали сдавать свои и без того слабые позиции. В итоге полная занятость населения — одна из любимых коммунистических догм — так и осталась благим пожеланием. Все формы безработицы, столь красочно описанные в свое время основоположниками научного коммунизма, стали обыденным явлением Чечено-Ингушетии. К 1991 году не менее 40 процентов трудоспособного населения — в основном сельских жителей — было вовлечено в отходничество (на языке того времени — в шабашничество). Свою стойкую неспособность решить эту проблему власти объясняли неуправляемым ростом вайнахов (чеченцев и ингушей), то есть рассуждали в духе теорий Т.Р.Мальтуса — злейшего врага марксизма. И это по отношению к народу, численность которого — не без вины коммунистов — лишь к 1992 году впервые за всю его историю перешагнула отметку в один миллион человек! Видимо патологическое неприятие чеченцев коммунисты ставили выше идейных расхождений со своими историческими оппонентами.

Экономическое положение Чеченской Республики традиционно в решающей мере определялось состоянием дел в нефтяной промышленности. В 1993 году в республике прошли праздничные мероприятия по случаю 100-летия этой отрасли. Установлено, что за вековую историю из чеченских недр было добыто более 500 млн. тонн нефти, в том числе за годы правления коммунистов — 350 млн. тонн. Чеченская нефть, как известно, стала одной из важнейших составляющих победы СССР в войне

с гитлеровской Германией. Пик нефтедобычи за счет нещадной эксплуатации недр был достигнут в 1971 году — 21 млн. тонн, что в точности соответствовало производственным мощностям предприятий нефтепереработки. С той поры объемы добычи ежегодно снижались и к 1991 году упали до 4 млн. тонн с перспективой дальнейшего падения до 1,5-2,0 млн. тонн к 2000 году. Развитие других отраслей экономики не могло компенсировать более чем пятикратный упадок нефтяной промышленности. В целом за 1971-1991 годы экономика республики даже не топталась на месте, а пятилась назад. Столь плачевный итог коммунистического правления не могли скрыть никакие приписки и статистические манипуляции со стороны местных партийных боссов. Поэтому, хотя и в косвенной форме, они вынуждены были признать провал своей хозяйственной политики и приступить к разработке концепции долгосрочного экономического развития республики. Время, однако, было упущено и к 1991 году Чечено-Ингушетия подошла не имея в активе сколько-нибудь законченной программы экономических преобразований. Те несколько проектов, что спешно и, как всегда, келейно разработали коммунисты, — не в счет. Во-первых, все они были нацелены на прежнюю структуру экономики и предусматривали преимущественно экстенсивный рост. Так поддержание и развитие нефтехимического комплекса планировалось осуществить путем переброски в г.Грозный высокосернистой казахстанской (тенгизской) нефти, что грозило небывалыми экологическими бедствиями. Кроме того, выяснилось, что суммарные издержки по очистке и транспортировке этой нефти, перекрывают возможные доходы от ее переработки и реализации. Во-вторых, данный вариант, как и другой, связанный со строительством в республике объектов биохимии, в частности по производству биовитаминных концентратов, ничего в сущности не меняли в ситуации с занятостью населения — оба проекта предполагали использование не местной, а привозной рабочей силы (по крайней мере в первые 7-10 лет).

Ясно, что такая социально-экономическая перспектива могла воодушевить общественность республики разве что на решительный протест, что в действительности и произошло — благо подоспела эпоха горбачевской перестройки и гласности. Между прочим, общественность республики не знала тогда, что финансирование строительства гудермесского завода биовитаминных концентратов планировалось осуществлять за счет средств, выделяемых под

программу реабилитации чеченцев и ингушей, пострадавших от сталинской депортации в 1944 году. Вся программа реабилитации была засекречена, а стоимость ее определена в 250 млн. рублей в масштабе цен 1990 года. В этой циничной задумке заключалась вся суть коммунистической политики в отношении вайнахского народа — реабилитировать, чтобы медленно убивать!

Отсутствие у местных коммунистов понятной и приемлемой для большинства населения экономической стратегии перекликалось с катастрофическим ухудшением текущей социально-экономической ситуации. Республика, находящаяся в благоприятных природно-климатических условиях, не могла в полном объеме обеспечить себя даже продовольствием. В 1985-1990 годах сюда из других регионов СССР завозилось до половины потребляемой мясо-молочной продукции, три четверти продовольственного зерна, более одной трети сахара, вся рыбная продукция. Даже потребление овощей и фруктов стало зависеть от завоза. Однако и внешние поставки не обеспечивали необходимые для данной местности количество и качество питания. Его калорийность составляла менее половины нормы. Недостаточное и неполноценное питание стало одной из причин массового распространения различных болезней, в том числе и туберкулеза.

Положение с продовольствием стало особенно нетерпимым, когда с переходом многих регионов СССР к модной в те годы политике регионального хозрасчета произошло разрушение сложившегося механизма привязки республики к продовольственным фондам страны, а другого механизма местная власть просто не знала. Аналогичная ситуация сложилась и в снабжении населения продукцией непродовольственного назначения. Попытки коммунистов осуществить прорыв в производстве товаров народного потребления на основе навязывания непрофильным предприятиям ширпотребовской продукции в пропорции «рубль на рубль» (производство товаров народного потребления в объеме, эквивалентном по стоимости фонду заработной платы) с треском провалились, усилив, вопреки ожиданиям, товарный голод. Пустые магазины и пышный расцвет черного рынка стали знаковыми признаками социализма в отдельно взятой Чечено-Ингушетии. Подрыв государственной торговли, а также кооперации привел к аномальным явлениям в сфере денежного обращения. Вымывание из республики наличных денег и задержки вследствие этого зарплаты, пенсий и пособий обрели такой размах, что эта проблема уже в те годы

стала головной болью в работе совпартхозактивов всех уровней. И так повсюду, куда не кинь взор! Взять хотя бы строительство и связанную с ним так называемую дискриминацию русскоязычного населения.

Чеченские русские: беженцы или беглецы?

Сколько обвинений еще прозвучит после в адрес Дудаева по поводу того, что в его правление было свернуто жилищное строительство. При этом упорно замалчивается одна малоизвестная, но существенная деталь — в период строительства в Чечено-Ингушетии социализма за счет казенных средств было построено менее четверти квадратного метра жилья в расчете на одного коренного жителя! Чеченцы и ингуши, во всяком случае, строили практически все жилье сами — за свой счет и ценой систематического личного недопотребления. Государственное жилье предназначалось в основном для русскоязычного населения и управленческого аппарата, создававшегося здесь под лозунгом укрепления кадрового потенциала путем вытеснения местных кадров варягами из России. Это были те, кто ныне взял за правило поносить Дудаева за никем и никак не доказанную якобы дискриминацию им населения по национальному признаку. Единственное решение чеченских властей, а точнее говоря — грозненской мэрии, которое, и то с большой натяжкой, можно было бы назвать дискриминационным, состояло в том, чтобы исключить из реестра приватизируемого жилья домовладения, принадлежавшие до 1944 года чеченцам и перешедшие в период их депортации во владение русскоязычного населения. Согласно принятому решению также ограничивалось отчуждение такого жилья путем дарения, мены и т.д. Допускалась купля-продажа, но только с согласия между настоящими и бывшими владельцами жилья, если последние вообще объявлялись и могли в законном порядке, то есть через суд, доказать свои права на это жилье. Во всех остальных случаях оно сохранялось за теми, кто по праву наследования проживал в нем после 1944 года. Разве восстановление исторической справедливости, проведенное без ущемления гражданских прав, является более дискриминационным, чем попрание всякой справедливости, осуществленное ценой неприкрытого геноцида целого народа?

Кстати, если судить о «дискриминации» некоренного населения по такому признаку как его миграция в Россию (а других признаков никто из наших критиков назвать и не может), то она

началась буквально в первые же месяцы восстановления Чечено-Ингушской АССР, то есть еще за 35 лет до прихода Дудаева к власти. Как ни старалось местное русскоязычное руководство обеспечить рост или на худой конец стабилизировать численность некоренного населения, в том числе и путем искажения данных всесоюзных переписей населения, сделать им ничего не удалось — невозвратная миграция за пределы республики ежегодно возрастала и достигла своего апогея в 1994-1996 годы, то есть как раз в период наведения так называемого конституционного порядка.

Если посмотреть на социальную структуру русскоязычных мигрантов, то бросается в глаза преобладание в каждой миграционной волне отставных военнослужащих, работников госпартаппарата, многочисленного отряда приехавших по оргнабору — категорий людей, всегда считавших чеченский край местом, хотя и весьма доходным, но не перспективным для постоянного проживания. Такая логика поведения, как известно, характерна для представителей имперских наций вообще и колониальных администраций, в частности, в условиях, когда статус титульной нации приобретает коренное население, что подтверждается историей распада всех колониальных империй, в том числе и советской. Сегодня русские бегут уже отовсюду, включая Россию, и не потому наверное, что их целенаправленно травят, а потому, что они, потеряв статус «старших братьев», оказались в одинаковых социально-экономических и иных жизненных условиях, что и бывшие «младшие братья». Однако для последних такое положение является нележкой, но привычной ношей, которую не скинешь где попало. Русские в этом отношении менее толерантны. Случившееся повсеместно в СНГ ухудшение условий жизни они переводят почему-то в плоскость примитивных политических спекуляций вокруг так называемого «русского национального фактора». Является фактом, что ни в одной из бывших союзных республик СССР, кроме России, нет в таких значительных масштабах как здесь массовых забастовок, демонстраций, голодовок и прочих форм активного протеста против трудностей жизни, порожденных опять-таки очередным зигзагом в русской политике. Во всяком случае не национальные меньшинства развалили в 1917 году российскую, а в 1991 году — советскую империю.

В пояснении нуждается также вопрос о масштабах исхода русскоязычного населения из Чечни. Сложившееся в российском обществе представление о численности беженцев из Чеченской

Республики является в какой-то мере результатом преднамеренной дезинформации и не соответствует реальной картине. Чтобы убедиться в этом достаточно обратиться к российской прессе, которую даже при большом желании невозможно заподозрить в симпатиях к кавказцам вообще и к чеченцам, в частности. Речь идет о данных, опубликованных «Московским Комсомольцем» в номере от 9 ноября 1997 года. Анализируя проблему беженцев из Чечни, газета отмечает, что по состоянию «на 1 апреля 1997 года по всей России зарегистрировано 151170 беженцев (по закону — «вынужденных переселенцев» из Чечни). Общий контекст газетной публикации исключает возможность интерпретации приведенных данных как первоапрельской шутки. Выходит, что численность переселенцев, вынужденных покинуть Чечню, в несколько раз меньше той, что накануне войны объявлялась практически всеми российскими средствами массовой информации, включая, разумеется, «Московский Комсомолец». Тут одно из двух: либо большинство русскоязычных беженцев вернулось обратно в «ненавистную» Чечню, либо их реальная численность, как мы и предполагали, была изначально искажена с тем, чтобы сформировать в обществе негативное отношение к Чеченской Республике и ее президенту Дудаеву. Если все это не так и фактическая численность вынужденных переселенцев из Чечни выше официально зарегистрированной, то напрашивается вывод о крайнем лицемерии российских властей, которые своими неуклюжими действиями в Чечне вызвали сначала проблему беженцев, а затем стали отбиваться от них как от назойливых мух, в том числе и путем искажения данных о беженцах, но на этот раз в сторону их занижения. В любом случае налицо грязное политиканство.

Чеченцы ждали Дудаева давно

В период господства коммунистов Чечня превратилась, говоря словами Дудаева, в настоящий отстойник бесправия и нищеты для абсолютного большинства чеченцев. Обобщающим итогом более чем 74 лет советской власти стало 73-е, то есть последнее место в советской России, которое согласно официальной статистике республика занимала в 1990 году. Каждый год правления коммунистов как бы отбрасывал Чечню на одну ступеньку вниз, превращая ее в тюрьму народа не только в образном, но и в буквальном смысле. А сколько «планов» оставалось еще нереализованным? Впрочем, что не успели

сделать коммунисты-ортодоксы, сделали впоследствии коммунисты-оборотни.

Первыми свое несогласие с планами коммунистов выразили местные сторонники движения «зеленых». Впоследствии к ним примкнуло множество других общественно-политических партий и движений (коммунисты называли их тогда неформалами). Вопрос о чеченской независимости в тот период никто еще всерьез не поднимал. Люди жаждали перемен, но все чаще и больше без коммунистов. Сепаратизм, в виде конкретных идей и лозунгов, проявил себя несколько позже, как резко негативное отношение к реакционно-консервативной коммуно-советской системе правления. Кроме того, эта система не смогла ни тогда, ни позже выдвинуть такого лидера, который поднял бы «знамя» недовольства и удержал развитие общественного процесса в эволюционных формах. Если кто и «появлялся на горизонте», то только с одной целью — забрать власть и растоптать конкурентов.

Судьба советской власти в Чечне была предрешена в августе 1991 года, когда выяснилось, что тогдашнее руководство республики во главе с небезызвестным Д. Завгаевым встало на сторону союзного ГКЧП. Это была последняя капля, переполнившая чашу народного терпения. Не случайно Чечня стала первым из регионов в СССР, где были сметены все институты коммунистического правления, вся его красно-помпезная атрибутика, включая бронзовое изваяние Ленина на центральной грозненской площади. Речь не о том, чтобы оправдывать кое в чем и действительно мятежные действия людей, восставших в доступной им форме против коммунистического засилья. Речь о том, что власть коммунистов так загоняла чеченцев от кавказских гор до казахстанских степей и обратно, подвергла их таким политическим, социальным, экономическим и моральным унижениям, что иного ненасильственного пути выхода из порочного круга нищеты и бедствий в тот момент они уже просто не видели. И не Дудаев сделал их такими, а коммунисты. Народ просто усвоил кое-какие уроки большевизма и, быть может, это привело Дудаева к власти. Появилась надежда, что ему удастся сделать то, что не удавалось никому — избавить, наконец, Чечню от непреходящего русского вопроса «что делать?» и обеспечить поступательное развитие чеченцев в согласии с естественными законами их бытия. Жизнь, однако, показала, что задача эта архитрудная, почти нерешаемая, что есть в московской политике всех времен одна непрменная константа — навязчивое

стремление переделать природу чеченцев или уничтожить их как этнотип, что само по себе является сильнейшим стимулятором чеченского сепаратизма и стремления неустанно учиться культуре государственного строительства.

Вот какой реальный социализм оставили после себя коммунисты в Чечне. В какой мере действительность могла повлиять на формирование социально-экономической концепции первого чеченского президента и от какой идеологической основы отталкивался он в своей политике?

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ СИМПАТИИ ДУДАЕВА

«Чеченская робинзонада»

Ответить на поставленный выше вопрос крайне сложно. Во-первых, потому, что в систематическом виде Дудаев нигде не излагал свои экономические взгляды. Существует, правда, несколько письменных документов, вышедших из под его пера (предвыборная платформа, книга «Тернистый путь к свободе», статья «К вопросу о государственно-политическом устройстве Чеченской республики», ряд указов и распоряжений), а также многочисленные интервью и устные публичные выступления, в которых он дает свое видение некоторых экономических проблем Чечни. Однако все эти документы и выступления имеют, как правило, ярко выраженную политическую направленность. Экономические проблемы занимают в них второстепенное место.

Во-вторых, в декларациях Дудаева только одно оставалось неизменным — стремление к суверенитету. Все остальное, включая и вопросы экономики, постоянно менялось в зависимости от времени и обстоятельств. Невозможно поэтому понять экономические взгляды Дудаева, основываясь только на его высказываниях, — в меньшей степени следует учитывать динамику событий и обстоятельств, влиявших на мироощущение первого чеченского президента. Жизнь показала также, что на формирование Дудаева, как политика и экономиста, существенное воздействие оказывала не только реальная ситуация в постсоветской Чечне, но также и известный теоретический багаж и практический опыт, которые были накоплены бывшим советским генералом за годы учебы и

службы. И еще одно соображение. Было бы ошибкой думать, что социально-экономическая ситуация в республике всецело зависела лишь от мировоззрения и намерений Дудаева. Бесспорно, его влияние было значительным, но не исчерпывающим. Много из того, что происходило в Чечне не только не имело ничего общего с планами Дудаева, а, напротив, находилось в явном противоречии с ними. Но переломить ситуацию было непросто — слишком большим оказался груз проблем, накопившихся в республике за долгие годы унижений и бесправия чеченцев. В итоге реальная экономическая политика дудаевского правительства складывалась как результирующая различных и сложных социально-экономических тенденций в чеченском обществе, что давало возможность влиять на обстановку, хотя и не всегда в прогрессивном направлении.

Знал ли Дудаев, вступая в политику, о реальной ситуации в республике, о том, с каким хозяйством ему придется иметь дело в случае прихода к власти? Кое-что он, безусловно, знал, но, конечно, не все. Об этом говорят, в частности, не только его знаменитые обещания типа «верблюжье молочко из золотых крапчаников», сделанные им в период борьбы за власть и ставшие потом объектом едких насмешек его недругов, но и практические действия первого чеченского президента в течение всего времени нахождения у власти. С «верблюжьим молочком», как и с байками его предшественников насчет коммунизма ничего, разумеется, не получилось и не могло получиться. Дудаев и сам это понимал. Вместе с тем, будучи во всем романтиком-максималистом, он искренне считал, что Чечня — это кладезь несметных естественных богатств. Переубедить его в обратном было не легче, чем обнаружить сами эти богатства. Представление о Чечне, как о стране самодостаточной во всех отношениях (удачное географическое положение, наличие природных ископаемых, интеллектуальный и предпринимательский потенциал народа), взращивалось, как правило, на почве недостаточно проверенных сведений, в изобилии преподносимых Дудаеву его почитателями. Однако он и сам заводился легко.

Сопровождая президента в зарубежных поездках, мне часто приходилось замечать, как он вполне серьезно представлял чеченцев пионерами во многих областях человеческой деятельности. Летом 1993 года, находясь с визитом в Ливане, куда он прибыл для знакомства с действующим аналогомкупаемой правительством системы связи (кстати, весь полет, от взлета в Грозном, до посадки в Бейруте Дудаев провел за штурвалом

президентского лайнера), он посетил в г. Баальбек одну из достопримечательностей мирового значения. Осмотрев памятник истории, Дудаев подверг сомнению официальную версию его происхождения, рассказанную гидами, только на том основании, что способ кладки гигантских каменных колонн был, по его мнению, идентичен способу кладки средневековых башен-бойниц в горах Чечни и Ингушетии. На этом основании он стал утверждать, что строителями тех и других могло быть одно и то же племя, а именно: вайнахское! Мне кажется, что верность этим убеждением он сохранил до конца.

Через год, во время мероприятий, связанных с открытием в местечке Шуани монумента, символизирующего единство всех чеченских тайпов (тайп — название рода, племени у чеченцев и ингушей — *авт.*), он запустил в оборот новый тезис о происхождении ислама и его носителях. Согласно Дудаеву, такая великая религия, как ислам, могла возникнуть не в безжизненной аравийской пустыне в обществе кочевников, а в райском уголке земли, среди людей с высочайшей культурой общения и взаимного уважения. Таким уголком земли, своего рода Эдемским садом, Дудаев видел Чечню, а его обитателей (вайнахов) предположительно назвал основоположниками исламской веры. Услышав такое, муфтий Чечни М.-Х. Алсабеков пришел в явное замешательство, особенно когда получил рекомендацию взяться за разработку нового взгляда на этногеографический источник генезиса ислама. Спорить муфтий не стал, но и согласия не дал. Присутствовавший при разговоре классик чеченской литературы А. Айдамиров попытался было скорректировать представления президента о чеченцах, назвав их идиллическими, но как помнится, ему это не удалось.

В другой раз, находясь с визитом во Франции, Дудаев удивил французов не столько своим умением летать на боевом истребителе типа «Мираж», сколько неожиданной версией о Ноевом ковчеге, утверждая, в частности, что ковчег сей находился на вершине чеченских гор, а восемь его обитателей, включая самого Ноя, были якобы предками современных вайнахов. Короче говоря, по Дудаеву выходило, что своим спасением после всемирного потопа человечество обязано именно чеченцам.

Не знаю, верил ли он в собственные версии о месте и роли вайнахов в истории, но говорил он об этом с уверенностью человека, знающего нечто большее, чем другие. И так во всем, что касается Чечни и чеченцев! Сомневающихся он убеждал не только тем, что иронизировал по поводу их неосведомленности, но и

демонстрацией «вещдоков» в виде, скажем, образцов полиметаллических руд, собранных для него по всей республике геологами самоучками. Впоследствии созданный в итоге геологический мини-музей дополнился кратким справочником о запасах природных ископаемых республики, составленным в 1957 году одной из комиссий госплана ЧИАССР в преддверии возвращения чеченцев и ингушей из мест депортации на родину. Один экземпляр этого справочника был случайно обнаружен в архивах вверенного мне министерства, но никаких сенсационных данных, на мой взгляд, он не содержал. Когда я поведал об этом президенту, он успокоил меня, сказав, что упомянутый справочник был предназначен для дезинформации вайнахов относительно естественных богатств и что истинные сведения, включая данные космической разведки, находятся в спецхранах России и скрываются с тем, чтобы не давать дополнительные козыри в руки сторонников чеченской независимости. «Будь уверен, скоро эта информация будет лежать на моем столе и тогда посмотрим, кто из нас прав» — сказал он тогда многозначительно.

Вопрос о достаточности экономического потенциала для создания независимого государства поднимался в дудаевском окружении не единожды. Точка зрения самого президента была известна и затевать с ним абстрактные споры на эту тему не имело смысла. Другое дело — конкретика. Какой должна быть структура экономического потенциала; допустимо ли трактовать его в узком смысле, сводя к природно-ресурсному и демографическому потенциалу; каковы условия и последовательность реализации экономического потенциала; существует ли иерархия в его целевых функциях (к примеру, что первично: рост экономического потенциала для создания базиса государственного суверенитета или государственный суверенитет как условие роста экономического потенциала)? Перечень таких конкретных, но не решенных вопросов можно было бы продолжить. В нескольких докладных записках на имя президента я ставил такого рода вопросы и давал возможные варианты ответов. Моя позиция заключалась в том, что для построения действительно независимого государства необходимо как минимум утроить существующий экономический потенциал республики, в частности, путем экономических реформ, отказа от влияния идей политической автаркии, поиска новых интеграционных связей со странами СНГ, прежде всего с Россией, ибо в противном случае повисают в воздухе другие условия реализации чеченского экономического и какого бы то ни было

потенциала. Президент каждый раз возвращал мне докладные записки на эту тему с неизменной по содержанию резолюцией: «Вопросы важные, но ответы неважные». И только однажды, находясь в хорошем расположении духа, он согласился обсудить такого рода проблемы с участием научной общественности. Однако на соответствующий семинар, организованный нами, он ни разу не явился и затея эта провалилась. Не уверен, что участие президента в семинаре могло бы существенно повлиять на его мировоззрение, так как оно сформировалось у него задолго до появления в Чечне и стало в некотором смысле отправной точкой политики, которую для краткости можно было бы выразить одной фразой — опора на собственные силы.

Если не с Россией, то с кем?

Политика опоры на собственные силы не являлась результатом осознанного и продуманного в деталях выбора. Во многом это была неадекватная реакция на политику и действия российских властей, поставивших целью изолировать Чеченскую Республику от внешнего мира. Принято считать, что разговоры о довоенной блокаде — это пропагандистский ход дудаевцев, призванный, мол, оправдать допущенные ими провалы и ошибки. Умение чеченского руководства преодолевать или обходить российские барьеры не означает еще, что их не было вовсе. Блокада была и остается постоянной составляющей российской политики в отношении «мятежной» Чеченской Республики. Достаточно сказать, что банковско-финансовая блокада, начавшаяся в 1992 году, продолжается в своеобразных формах и по сей день. Просто раньше в России не говорили вслух о необходимости блокады, как это принято сегодня почти каждым уважающим себя российским «патриотом».

Что касается так называемых дудаевских провалов и ошибок, то с их оценками дело не обстоит просто и очевидно. Вопрос не в том, что этих провалов и ошибок не было вовсе. Он в другом: с какой целью раздувались именно дудаевские упущения и ошибки в тот момент, когда общий кризис охватил всю Россию? Ответ, на мой взгляд, очевиден — чтобы списать на Чеченскую Республику все трудности россиян. Не было бы чеченцев, появились бы другие «инородцы», например, евреи. Возможно, что у истоков античеченской кампании, развернувшейся в России еще до прихода к власти Дудаева,

стояли как раз те этнополитические течения, которые на фоне общего кризиса быстрее всех и больше всего выиграли от российских реформ.

Реальная экономическая ситуация в суверенной Чечне была далеко не такой, как хотелось Дудаеву. Однако она и не была такой кошмарной, как рисовали его недруги, пытаясь оправдать неслыханные беззакония, которые творились под флагом восстановления законности. Собственно говоря, весь набор обвинений в адрес дудаевского режима сформировался как раз с приходом в Чеченскую Республику российских войск. Проблемы в республике, разумеется, были, причем немалые, но они все-таки методично решались и решались эффективнее, чем это делают сегодня в самой России. Ни одного дня республика не оставалась без воды, хлеба, тепла, света, связи. Средний срок задолженности по зарплате, пенсиям и пособиям не превышал накануне войны двух месяцев. Но и этот временной лаг диктовался не прихотями или коварством дудаевского режима, а откровенным, поощряемым Москвой, нежеланием российских предприятий рассчитываться с Чеченской Республикой за полученную продукцию. Среди них немало и таких, включая коммерческие банки, которые в обстановке всеобщего экономического краха удержались на плаву благодаря чеченским деньгам. Весьма примечательно в этой связи, что арбитражные суды России не приняли к производству ни один из более чем ста исков, предъявленных чеченской стороной к российским предприятиям-дебиторам.

В обрисованной обстановке все усилия дудаевского правительства были направлены на недопущение обвального падения допотопной экономики советского типа. При этом все понимали, что успех подобной политики зависит не столько от обоснованности собственно экономических мер, проводимых в замкнутом пространстве, сколько от состояния политических отношений с Россией. Однако политические вопросы с самого начала дудаевского правления были отнесены исключительно к компетенции президента и его администрации. Любые попытки преодолеть эту монополию в корне пресекались. Поэтому правительственные решения принимались нередко как бы в режиме политической слепоты и противоречили экономическим принципам и здравому смыслу. К примеру, ложно понятые политические интересы толкали на путь экстенсивного экономического роста. Дудаев следил за этим строго. Между тем правительство, исходя

из реальной ситуации на рынке, вынуждено было прибегать к мерам, сдерживавшим рост промышленного производства, а это расценивалось президентом не иначе, как вредительство и саботаж. Дело в том, что с распадом СССР практически все прежние хозяйственные связи республики с внешним миром прекратились. Восстанавливать их на старой планово-распределительной основе было невозможно, да и вряд ли нужно. Попытки наладить новые экономические связи в обход России были обречены с самого начала. К слову сказать, ностальгические высказывания наших доморожденных критиков относительно того, что советская Чечня в свое время экспортировала продукцию в 40 стран мира, ничего, кроме иронии, не вызывают. Известно, что это были за страны (пятое колесо в советской экономической колеснице) и что это была за продукция (в лучшем случае — экспонаты для музеев технической истории!)

В условиях новых реалий каждый, в том числе и Чеченская Республика, оказался один на один с железными законами рынка. Предприятия в Чечне продолжали работать, забывая склады готовой, но устаревшей продукцией. Сбыт такой продукции превратился из почти автоматически решаемой прежде задачи в зубную боль правительства. Меры, предпринятые им, желаемого результата не дали. Речь идет, в частности, о мерах по расширению гарантированного рынка сбыта посредством размещения госзаказа с фиксированными ценами. Однако большинство ценообразующих факторов, как оказалось, были за пределами Чеченской Республики.

Три четверти продукции, производимой в Чечне, включая нефтепродукты, было связано с поставками из России и других стран СНГ, где в то время бушевала инфляция, вызванная «шоковой терапией» и воздействовать на которую Чеченская Республика никак не могла. По этой причине оказалось неэффективным регулирование производства через систему госзаказа — фиксированная цена, лежавшая в его основе, становилась невыгодной предприятию, а фактическая или конечная цена — непосильной правительству. Кроме того, стало очевидно, что в условиях почти полного физического и морального износа основных производственных фондов, отсталой техники и технологии цена госзаказа сама по себе на проблему сбыта продукции существенного влияния не оказывает. При равенстве цен решающими становятся

качество продукции и умение пробить ее на рынок. Проблема возможного выхода из этого обозначившегося тупика обрела со временем глубокий политико-экономический смысл.

Выбор был небогат: либо пятиться из тупика назад, попадая при этом неизбежно в объятия худших способов командования экономикой, либо прорываться вперед на основе реформ, структурной перестройки и модернизации производства. Однако ни тот, ни другой вариант поведения в чистом виде применить было невозможно. Первый — из-за его целевой бессмысленности, а второй — из-за отсутствия надежных источников инвестиций. При этом оказалось, что планы, связанные с внешними их источниками, иллюзорны. В ближнем зарубежье денег не было и нет. По отношению же к дальнему зарубежью непреодолимым препятствием встал вопрос о политическом статусе Чеченской Республики. Здесь требовали гарантий или пытались жульничать. Поступиться суверенитетом республики Дудаев не мог и не хотел. Желających же поступиться принципами прагматизма ради чужого сепаратизма в мире также не нашлось¹. Выход был один — надеяться на самих себя, прорываться в одиночку. Вот почему многие в окружении президента, даже не разделяя его оптимизма насчет неограниченных потенциальных возможностей Чечни, тихо соглашались с политикой опоры на собственные силы. Это было нестойкое единодушие, но оно позволяло до поры держать ситуацию под контролем, переводя «стрелки ответственности» за предопределенные неудачи то на Россию, то на внутренних врагов. Последние же мерещились всюду, в том числе и в правительстве. Автору этих строк не раз приходилось быть свидетелем разборок Дудаева со своими заместителями и министрами, вызванными недвусмысленными намеками президента на их измену и саботаж.

Самым крамольным считалось проявление пророссийских настроений. К их числу могло быть отнесено любое действие или бездействие должностного лица, связанное с недос-

¹ Кстати, когда невозможность внешних инвестиций стала очевидной, Дудаев резко поменял подход к этой проблеме, заявив, что иностранные капиталы не могут дать ничего, кроме национального иждивенчества. Такой поворот позволил начальнику департамента, ответственного за привлечение инвестиций, в полушутливой форме интерпретировать свои новые функции, а именно: не допустить в Чеченскую Республику иностранный капитал.

таточной, на взгляд президента, ориентацией на суверенитет. Понятно, что в такой политико-психологической обстановке и речи не могло быть о том, чтобы искать решения экономических проблем Чеченской Республики в рамках ее возможного единства с экономическим пространством России. Образовавшийся соответствующий вакуум заполнялся нередко имитацией активной внешней политики, в центре которой, благодаря усилиям министра иностранных дел Ш.Юсефа, оказывались, как правило, страны со слабой экономикой и архаичными режимами. Обсуждалась даже возможность образования некоего экономического противовеса России на базе стратегического союза Чеченской Республики с такими странами, как Ирак, Судан, Северный Кипр и др. Идея эта так понравилась президенту, что он распорядился заключить договор об участии грозненских нефтяников в разработке месторождений нефти в Судане и Ираке. Расчеты, сделанные в министерстве экономики и финансов и показывавшие несостоятельность подобных планов, вызвали у президента нескрываемое раздражение. Понять президента можно было: не имея в политическом арсенале ничего такого, что могло бы вызвать интерес России, он лавировал, пытаясь избежать международной изоляции Чечни, в том числе и участвуя в сомнительных союзах и программах. Должного эффекта эта политика, как и следовало ожидать, не имела. Не помогли делу и встречи Дудаева с некоторыми главами государств Ближнего Востока, в том числе и с Саддамом Хусейном. Так или иначе все упиралось в непреклонность России относительно статуса Чечни. Иногда нам удавалось убедить президента в ценности не только ближневосточной, но и европейской ориентации. Так, в ноябре 1993 года вопреки противодействию некоторых местных политиков и российских ведомств, включая и МИД России, Чеченская Республика была представлена на европейской промышленной выставке, проходившей во французском городе Страсбурге. Свои достижения на выставке демонстрировал коллектив ГрозНИИ. Годом позже на промышленной выставке в Мадриде золотой медалью была отмечена продукция завода «Красный молот». Однако эти одиночные «выходы в свет» не могли сами по себе решить проблему изоляции в принципе. Этим, на мой взгляд, отчасти объяснялось стремление Дудаева построить «Кавказский Дом».

Данная идея, в случае ее осуществления, позволила бы Чеченской Республике выбраться из политической и финансово-экономической изоляции. По заданию Дудаева в министерстве экономики и финансов была разработана концепция кавказской экономической интеграции. Однако в силу разных причин официальные лидеры Кавказа не поддержали тогда Дудаева и дело ограничилось лишь принятием заявления о намерениях, связанных с процессом объединения всех кавказцев «под одной крышей». Последователи Дудаева развивают эту же идею и под другим названием — они говорят об Организации по безопасности и сотрудничеству на Кавказе.

Кадры в условиях независимости решают все!

Установка на собственные силы, как на меру вынужденную, давалась Дудаевым чаще в техническом смысле, чем в технологическом, то есть в рамках привычной всем системы социалистических отношений. Разумеется, ничего нового эта система не могла дать и не дала для республики. Дудаев был, однако, другого мнения. Недостатки социализма он усматривал не в самой социалистической идее, а в людях, призванных ее реализовать. Следовательно, проблема заключалась в кадрах.

Кадровый вопрос стал приобретать самодавлеющее значение. Так, успехи или неуспехи в экономике и социальной сфере объяснялись уже не политическими просчетами, а исключительно качеством кадрового корпуса. Дудаев время от времени повторял перед членами правительства грозное обещание выгнать их с работы и заменить на двадцатилетних молодцев, способных, по его мнению, компенсировать недостаток образования и опыта своей хваткой и отсутствием политических комплексов, воспитанных советской властью.

Из-за спешки ставка делалась не столько на долгосрочную подготовку кадров, сколько на выявление и использование существующего кадрового резерва. Для его аттестации была создана специальная комиссия во главе с руководителем аппарата президентской администрации (государственным секретарем) А. Акбулатовым. Комиссия стала местом паломничества для авантюристов всех мастей, желавших только одного — руководить! Встречались и кадры, достойные внимания, но в большинстве своем это были люди совершенно не подготовленные для руководящей работы. Когда это стало ясно, Дудаев сам возглавил

поиск кадров по всей республике. Без его личного внимания не осталось ни одно сколько-нибудь известное предприятие республики. Нередко из командировок он возвращался с кандидатурами новых членов правительства. К числу таких выдвиженцев с полным правом можно отнести А.Албакова, Т.Амалиева, М.Дошукаева, Р.Маева, М.Мугадаева, Х.Ферзаули и др.

Однако, как ни старался Дудаев закрепить в общественном сознании сталинский лозунг о всесиили кадров и убедить последних, что не в деньгах счастье, жизнь брала свое. В условиях финансового дефицита толковые руководители требовали от правительства полной самостоятельности. Ни денег, ни самостоятельности Дудаев им дать не мог. Стартового капитала, достаточного для запуска нового экономического механизма, у него действительно не было. Не лучше обстояло дело и с самостоятельностью руководителей, которую Дудаев понимал по — военному — в смысле свободы исполнять его президентские указы. «Я умею только приказывать, — повторял он часто иронически. — Продукцию давай, налоги и зарплату отдай». Любителям жаловаться на трудности он шутливо протягивал свой носовой платок, приговаривая: «Утри слезы, сам бы заплакал от твоих проблем, но должность не позволяет».

Руководители же в массе своей имели в виду совсем другое. Они рассуждали просто и логично: если стартового капитала нет, тогда включай частный интерес — будут товары и деньги. Словом, «даешь приватизацию» — вот лейтмотив требований большого отряда руководителей и их лоббистов в правительстве и парламенте. Однако законная, то есть разрешенная государством, приватизация в Чеченской Республике так и не состоялась. Напротив, власть в лице парламента приняла решение вообще не проводить приватизацию. Причин тому было много. Их рассмотрение представляет несомненный интерес, ибо позволяет по-новому взглянуть на обстановку, в которой формировалась экономическая политика Дудаева.

ИЧКЕРИЙСКИЙ НЕОСОЦИАЛИЗМ

Варианты независимости

Существует мнение, что чеченское правительство действовало вслепую, пытаясь приспособиться к реальной жизни, не имея никаких проектов переустройства экономики и социальной сферы. В действительности же дело обстояло несколько иначе. Вопрос об экономических реформах вообще и приватизации, в частности, разделивший чеченское руководство на традиционалистов и новаторов, всегда находился в центре внимания общественности республики, был основным вопросом всего экономического переустройства. Одна из первых задач, которую Дудаев поставил перед своим правительством сразу после вступления в должность, состояла в разработке долгосрочной комплексной программы развития республики. Цель программы была обозначена им по-военному четко: «Дайте мне программу независимости, все остальное беру на себя». Эту задачу он ставил в разных формулировках перед каждым новым правительством.

Известны, по крайней мере, три варианта проекта экономического развития Чеченской Республики, разработанных во исполнение дудаевского задания. Все варианты базировались на рыночных принципах экономического обустройства — это соответствовало первоначальным намерениям Дудаева, когда он еще только боролся за власть в 1990–1991 годах.

Основное различие между вариантами касалось степени их привязанности к России. В первоначальном варианте Чечня оставалась в экономическом пространстве России на основе специализации и кооперации производства. Этот вариант Дудаев отверг с ходу, даже не вникая в его подробности. Вхождение в российское экономическое пространство означало бы, помимо потери политической независимости, что играть надо будет по правилам «чубайсовской» приватизации, которую Дудаев отвергал как антинародную и криминальную. Свой запрет на распространение в республике российских ваучеров Дудаев объяснил так: «Они хотят закидать нас пустыми бумажками, а взамен заполучить собственность чеченского народа. Я в такие игры не играю». Кстати говоря, судьба российских ваучеров на общую сумму свыше 12 млрд. рублей в масштабе цен 1992 года, предназначенных для граждан Чеченской Республики, до сих пор не выяснена. Можно только предположить, что исчезнуть бесследно они не могли и, скорее всего, оприходованы в каком-нибудь московском «чекинвест-

фонде» с участием представителей антидудаевской оппозиции. Во всяком случае нынешняя чеченская администрация, как мне представляется, имеет право возбудить вопрос об этих ваучерах в контексте переговоров по восстановлению экономики и социальной сферы Чеченской Республики.

Второй вариант проекта допускал в основном торговые отношения с Россией при полной экономической, финансовой и банковской самостоятельности республики. Это был вариант, идеальный с точки зрения Дудаева, но не исполнимый без согласия России. Это понимали все, поэтому он его не отверг, но и не одобрил, рассчитывая решить вопрос с российскими регионами в обход Кремля. Отсюда та легкость, с которой чеченское правительство шло на заключение договоров с республиками, краями и областями России. Первые договора с соседями по Северному Кавказу были заключены уже в январе 1992 года, то есть спустя всего три месяца после избрания Дудаева президентом Чеченской Республики. Особое внимание уделялось Ставропольскому краю, как наиболее близкому и экономически привлекательному региону. Делегации ставропольчан были частыми гостями в республике, добиваясь от Дудаева первоочередных поставок горюче-смазочных материалов. В 1993 году развитие отношений между соседями достигло своего апогея: был заключен договор о взаимопоставках на сумму свыше 50 млрд. рублей. Вскоре выяснилось, что ставропольчане не намерены следовать этому договору. «Москва не дает добро», — так прокомментировали ситуацию тогдашние руководители Ставропольского края. Осенью 1994 года аналогичный договор был заключен с Донским казачеством, но из-за начавшейся войны он «повис», а в ходе войны казаки расторгли его в одностороннем порядке. Судя по всему, Дудаев переоценил возможности регионов и недооценил цепкость Кремля.

Третий вариант проекта экономического переустройства Чеченской Республики разрабатывался с участием ведущих исследовательских центров России, Украины, ООН (ЮНИДО) и представлял собой нечто вроде компромисса между крайними позициями — проект создания свободной экономической зоны. Разработчики учли, что в мире нет свободных экономических зон, созданных в самопровозглашенных государствах, и в качестве отступного предложили Дудаеву вариант двойного политического протектората: одного со стороны ЮНИДО (организации ООН по промышленному развитию), а другого со стороны России. Не сразу, но со временем Дудаев заинтересовался этим проектом, который позволял под контролем международных организаций формировать достаточно продолжительную переходную ситу-

ацию по условной схеме «зависимость — полузависимость — независимость». На заключительном этапе, предполагавшем развитие России по цивилизованному сценарию, республика обретала статус государства, свободно инкорпорированного в сферу влияния России. Такой статус Дудаеву, естественно, не понравился, но понимая, что международные организации не станут финансировать региональный сепаратизм, он сделал вид, что согласен с указанной формулировкой, имея в виду, что в будущих соглашениях ее можно и не воспроизводить и что на данном этапе важнее всего получить реальные деньги от международных организаций, чем цепляться за тонкости дефиниций при решении судьбы российско-чеченских отношений.

Обкатку указанного проекта Дудаев предпринял «с выездом на место». В июне 1993 года (сразу после разгона так называемого театрального митинга оппозиции) с группой ближайших помощников, в числе которых был и автор этих строк, он прибыл в Вену, где располагалась штаб-квартира ЮНИДО. Состоялась двухчасовая беседа с Генеральным секретарем данной организации в присутствии российского посла при ней. Переговоры эти были организованы бывшим советским гражданином, известным в мире предпринимателем, главой концерна «NORDEX» г-ном Г. Лучанским. Перспективы, наметившиеся в ходе разговора, заметно обнадежили Дудаева, причем в такой степени, что на званом ужине, организованном в его честь в одном из старинных замков австрийской столицы, он ошарашил присутствующих заявлением, что готов считать себя гражданином России. Услышав такое, российский посол при ЮНИДО пришел от неожиданности в некоторое замешательство и долго размышлял, прежде чем произнести тост за нового именитого гражданина его страны. Дудаев, конечно, делал свою игру. Важно было создать вокруг нового проекта соответствующий климат и предстать перед международным сообществом не в качестве безнадежного изоляциониста, а прагматичным политиком-интегратором, сторонником конвергенции Чечни и России. В конце августа 1993 года проект был окончательно доработан и подготовлен для отправки в Кремль. Однако октябрьские события 1993 года в Москве, раскрученная вслед за этим античеченская пропаганда и демонстративное нежелание Кремля иметь дело с чеченцами вообще сорвали очередной дудаевский план урегулировать отношения с Россией. С мирными планами ему явно не везло. В конце концов Дудаев махнул на них рукой, повторив свою излюбленную поговорку: «Собака лает, караван идет». «Караван» действительно двигался. Люди искренне надеялись на мирные соглашения

с Россией, но уповать на них и топтаться на месте не собирались. Не теряя своей актуальности, вопрос о взаимоотношениях с Россией постепенно освобождал место в центре практической политики, уступая его вопросу об экономической стратегии и тактике.

Власть и безвластие

Затянувшаяся неопределенность Дудаева в вопросах реформирования экономики и чрезмерное упрощение им реальных процессов в народном хозяйстве, не только закрывали путь к выработке общей перспективы, но и раздражали многих, включая людей из ближайшего его окружения. Часть из них, в том числе и Я. Мамодаев, не особенно стесняясь, стали намекать Дудаеву, чтобы он оставался генералом в политике и не лез в экономику. Генералом в экономике дудаевский заместитель считал, разумеется, себя. Президент не сдавался. Парируя намеки на некомпетентность в вопросах экономики, он высказывался в том смысле, что его путь к генеральским погонам пролегал не только через боевую, но и хозяйственную подготовку и что ему хорошо известны истинные намерения тех, кто таким способом печется о судьбах экономики. Дудаев, судя по всему, имел в виду недавнее прошлое самого Я. Мамодаева, связанного с его деятельностью на посту руководителя государственного строительного треста и спущенного им, как утверждали злые языки, с молотка. Препирательство первых лиц республики, переросшее затем в их открытое противоборство, разворачивалось вокруг двух взаимосвязанных вопросов: о власти и собственности. Политика опоры на собственные силы сделала эти вопросы жизненно важными не только для политиков, но и для простых людей, которые делали революцию не ради Дудаева и его окруженцев, а преследуя свои интересы и желали как можно быстрее вкушать плоды своего революционного труда. Что мог предложить им Дудаев на скорую руку? Новые высокооплачиваемые места? Нет. Большие социальные пособия? Тоже нет. Оставалось одно из двух: или призывать к затягиванию поясов и терпению, закручивая одновременно гайки, или приступить к дележу государственного имущества. Первое ему было просто не под силу, а второе шло вразрез с его взглядами и желаниями. Люди сами стали искать выход из создавшегося противоречия. Специфический тип хозяйствования, основанный на государственной собственности и

частном присвоении, зародившийся еще при коммунистах, обрел при Дудаеве устойчивые черты, особенно в Грозном, где в то времяправлял Б. Гантамиров.

Частная собственность пробивала себе дорогу явочным порядком, вопреки мировоззрению и отчаянным усилиям президента. Возможно здесь скрыты корни той метаморфозы, что случилась с Дудаевым. Начав свое политическое восхождение с обещаний демонтировать авторитарную советскую власть и социалистические порядки, он пришел в итоге к единовластию, перевоплотившись попутно в ортодоксального певца некоторых фундаментальных идей социализма. Не разобравшись в этих дудаевских зигзагах, невозможно понять природу специфических процессов, имевших место в жизни республики.

Главную причину разброда и шатаний Дудаев увидел в многовластии. К 1993 году в Чеченской Республике образовалось четыре устойчиво обособленных и функционально перекрывающих друг друга центра власти: президентский, парламентский, правительственно-аппаратный во главе с Я.Мамодаевым и грозненский в лице городского собрания. Президент терпел эту ситуацию, хотя и не пассивно, больше года. Дальнейшее терпение было связано уже с риском для президентской власти и единства республики. В апреле 1993 года он приостановил деятельность парламента (именно приостановил, а не разогнал, как думают многие), распустил правительство и городское собрание Грозного и ввел в республике прямое президентское правление. Сосредоточив с той поры в своих руках всю полноту власти, Дудаев превратился на первый взгляд в полновластного вершителя судеб. Однако при внимательном подходе нетрудно было заметить, что авторитарной эта власть не являлась или являлась таковой по чисто формальным признакам. Создавалось впечатление, что президентское правление имело силу только в пределах знаменитого Президентского Дворца в центре Грозного. За броской внешней атрибутикой скрывалась власть малоавторитарная, чтобы не сказать чисто номинальная.

Слабовластие выражалось по-разному, но главным образом — во всеобщем воинствующем правовом нигилизме. Вот как характеризовал ситуацию сам Дудаев в преамбуле президентского указа по совершенствованию деятельности судов и милиции: «...Участились случаи попыток вмешательства отдельных лиц и представителей общественных и религиозных формирований в деятельность судов и органов внутренних дел, имеют место...

многочисленные факты уклонения граждан от явки по вызовам в судебно-следственные органы, оказания сопротивления и создания препятствий при исполнении судебных решений и приговоров». Указ требовал положить конец этим безобразиям, но в жизни ничего не менялось. Напротив, указанные факты стали массовыми, нормой поведения. В такой атмосфере неисполнение президентских указов и правительственных постановлений стало обычным делом. Не то, чтобы они преднамеренно игнорировались (хотя и такое тоже бывало, особенно в период активного противостояния Дудаева с Я.Мамодаевым и Б.Гантамировым), но и до ума почти никогда не доводились, так как не удалось наладить эффективный механизм контроля. Ослаблению президентской власти способствовала, как это ни покажется странным, нормотворческая деятельность самого президента. Ясно, что включив задний ход, вперед не поедешь, и наоборот. Так, своим указом «в целях развития предпринимательской активности» Дудаев упразднил созданный еще при Д.Завгаеве комитет по управлению госимуществом и в условиях не начавшейся еще приватизации создал свой Комитет... по национализации, совершенно несовместимый, как мне кажется, с объявленной целью указа. Другой пример — одним и тем же указом президент объявил о создании Чеченского Национального банка, призванного координировать деятельность всех банков, и о переподчинении всех их разом самому себе. Вопреки замыслу, указ нарушил субординацию банков и поставил, тем самым, крест на координации их деятельности. Впрочем, это противоречие легко разрешил У. Имаев, назначенный председателем Национального банка. Все коммерческие банки, образованные в период горбачевской перестройки на базе государственных банков (стройбанк, сбербанк, агробанк, соцбанк), он преобразовал в обычные линейные отделения Национального банка, ставшего вследствие этого монополистом в сфере банковских услуг. После этой операции собственно коммерческих банков в республике не осталось, если не считать несколько филиалов московских банков. Монополия власти дополнилась, таким образом, монополией банковского капитала.

Одним указом президент отменил рабский институт прописки (первым, кстати, на территории бывшего СССР), но вскоре своим же новым указом запретил государственной торговле обслуживать лиц, не являющихся гражданами республики. Такие внутренне противоречивые директивы сами по себе способны парализовать власть

без всяких внешних усилий, что и случилось в Чеченской Республике. Замкнув на себе деятельность всех основных институтов власти в республике, Дудаев обрел в глазах общественности имидж чеченского диктатора, хотя на самом деле сколько-нибудь кардинальных мер предпринять в чем-либо не мог. Неслучайно, люди, вообще-то далекие от политики, обвиняли его не в диктаторстве вовсе, а в неспособности навести железный порядок. Дудаев оправдывался в том духе, что, мол, чеченский народ столько натерпелся от разных диктатур, что никому более этого не позволит даже и самому себе. Как знать, может быть, в этих словах и был момент истины? Народ, вооружившийся для достижения свободы, трудно было удержать голой силой и подчинить законам и правилам, продиктованным сверху, даже если их диктовал сам Дудаев. Здесь, я думаю, скрыта одна из важнейших причин разлада власти и падения ее авторитета. Дудаев все больше превращался в символ независимости и власти вообще, а между тем реальная власть уходила в руки тех, кто, демонстрируя свою верность президенту и его курсу, фактически был верен своему личному курсу. Дудаев это видел, пытался обуздать ситуацию, но дальше того, чтобы объявить очередное чрезвычайное положение или комендантский час серьезно продвинуться не мог, так как встречал недопонимание, а то и отпор — даже со стороны тех, кого можно было бы отнести к его единомышленникам.

На таком фоне кажутся просто смехотворными обвинения в адрес Дудаева в установлении им режима фашистской власти (и это при том, что вся Академия наук России вкупе с российской Государственной Думой не может до сих пор определить, что есть фашизм). Тем не менее видимость была такова, что Дудаев самодержец. Он мог создавать управленческие структуры, реорганизовывать и упразднять их. Он также мог назначать — увольнять, разрешить — не разрешить, но он не мог добиться того главного, без чего немыслимо никакое государство, — заставить всех уважать законы и подчиняться им. Не было у Дудаева до войны ни механизма, ни аппарата принуждения. Его многочисленные попытки создать такой аппарат, в том числе и посредством правовой реформы, успеха не имели. Да и можно ли серьезно говорить о правовой реформе, если за три предвоенных года не были приняты ни уголовный, ни гражданский, ни какой-либо другой кодекс, если реформа правоохранительных органов свелась к бесконечной их реорганизации под очередное должностное лицо?

Коммуно-советский аппарат принуждения полностью выдохся в 1991 году, а созданный на его основе дудаевский аппарат принуждения не был приспособлен к новым условиям, более того — сам нуждался в постоянном принуждении и без понуканий президента, по своей воле, делать ничего не желал и не мог. Мягкотелость власти подпитывала правовой нигилизм, а последний, в свою очередь, еще сильнее подтачивал власть. Вседозволенность поразила не только светское, но и религиозное правосознание. Обычным стало мнение, что чеченцы перестали бояться всего, но главное — Всевышнего.

От гражданского общества к имамату

Инстинкт самосохранения подталкивал народ к поиску путей спасения. Часть общества охватила ностальгия по советским временам, когда «и власть уважали, и бога боялись». Невозможность возвращения в прошлое и вместе с тем полное неприятие Дудаева толкали эту часть общества в объятия России. Именно в этой части населения антидудаевская оппозиция нашла себе социально-политическую опору в лице разномастных «совков», начиная от прокоммунистической интеллигенции и заканчивая истосковавшимися по госпланам и госснабам директорами и завскладами. Люди «от сохи» были здесь большой редкостью. Безуспешность ординарных попыток совладать с обстановкой в постсоветском гражданском обществе становилась очевидной не только для недругов Дудаева, но и для его друзей, представленных в большинстве своем простыми, добропорядочными людьми. Эта часть общества потянулась к исламизации государства. Участились призывы заменить Конституцию Республики Кораном, а Дудаева — возвести в сан Имама². Какое-то время Дудаев не обращал внимания на такого рода веяния, но однажды — это было на последнем предвоенном съезде чеченских старейшин — высказал свое мнение. Оно было не в пользу нетерпеливых исламистов. Вот почти дословная выдержка из его тогдашнего выступления: «Коран и Имамат — дела святые и негоже всеу толковать о них. Всему свое время. На свете немало мусульманских стран, но лишь единицы из них живут строго по шариату. К тому же не каждый чеченец мусульманин. Это мы с вами уже хорошо

² Имам - титул верховного правителя у мусульман, соединяющего в своем лице светскую и религиозную власть.

знаем. Корни ислама у нас сильно подорваны коммунистами и восстановить их ни за час, ни за год невозможно. Я уважаю вашу настойчивость, но считаю ее преждевременной. Если мы сегодня объявим жизнь по шариату, то завтра вы потребуете, чтобы я приступил рубить головы и руки грешникам, не думая о том, что послезавтра редкий участник этого съезда сохранит голову и руки. Вы к этому не готовы и я тоже. Давайте поэтому наводить порядок по Корану — в душах, по Конституции — в жизни.» Такая позиция президента находилась в полном согласии с Конституцией, провозгласившей Чеченскую Республику светским государством. Да и сам Дудаев был человеком светским. Во всяком случае он не пропускал ни одной премьеры в республиканском драматическом театре. Любил живопись и поэзию. Его служебный кабинет походил часто на картинную галерею, где на первом плане оказывались полотна местных художников на историко-патриотическую тематику.

Очень многие приверженцы строгих шариатских норм ушли со съезда недовольные президентом. Его положение было незавидным. Дудаев стал не просто заложником курса на независимость, но и заложником этой идеи, доводимой до крайности, когда желанной становилась независимость вообще, независимость как таковая, в том числе и от своего родного чеченского государства. Подмена исторических причинно-следственных связей — одна из причин этой иррациональности. Государство, долженствующее стать венцом освободительного процесса, оказалось в его исходном пункте, причем в зачаточном состоянии. Так это или не так — покажет время, ведь борьба продолжается!

Неразвитая власть, так же как и власть перерезавшая, не может явиться источником общественных перемен. Опыт Чеченской Республики это подтверждает в полной мере.

Нельзя сказать, что у Дудаева не было вообще реформистских намерений. Они были, но имели место и не пустячные опасения, что реформы могут в любой момент выйти из-под контроля расширяемой всеми власти и оказаться под контролем человека с ружьем. Вот тогда криминализации действительно не избежать — и Россия наглядное тому доказательство. В этом смысле в Чечне, в отличие от России, не было важнейшей составляющей криминальной революции — не было реформ и передела собственности, к чему, к слову сказать, рьяно рвалась вся антидудаевская оппозиция. Финансовые пирамиды, ваучерно-инвестиционные фонды, фондовые рынки, отмывка денег и прочая криминально-

капиталистическая атрибутика, приписываемая Чеченской Республике, была на самом деле ей незнакома. Не мешало бы это знать тем, кто в чужом глазу ищет соломинку, забывая о бревне в своем.

«Родимые пятна» социализма в Чечне

Свое сдержанное отношение к реформам Дудаев объяснял, естественно, не очевидной слабостью президентской власти, а соображениями более высокого порядка, оказывавшимися на поверку известными идеологическими догмами. Поданные в оригинальном дудаевском стиле они казались непосвященным очень убедительными. В то же время скорее для отвода глаз, чем для дела, он инициировал работу над проектами реформ в экономике, образовании и здравоохранении. Проекты эти обсуждались почти на каждом заседании правительства, в президентских структурах, публиковались в средствах массовой информации, но в жизнь так и не пошли. Далеко не всех, включая сподвижников Дудаева, устраивала такая ситуация. Реальная обстановка плюс готовые разработки позволяли поставить вопрос ребром: быть или не быть реформам? Дудаев был поставлен перед необходимостью выбора и он его сделал. Выступая как-то по телевидению Дудаев заявил, что сторонники «прихватизма», проникшие в правительство, третий год поворачивают республику в сторону дикого капитализма, имеющего только одну перспективу: расколоть народ на богатых и бедных, спровоцировать войну и похоронить, таким образом, чеченскую независимость. Дудаев бил в точку — идея независимости по-прежнему оставалась неприкасаемой. При желании ею можно было обосновать и необходимость реформ, но такого желания у Дудаева не было. Все-таки он оставался еще пленником социалистических воззрений, а его тихие симпатии к их основоположникам проявлялись в различных формах. Так он, не сразу решился демонтировать бюст Ленина в зале заседаний правительства, где раньше проходили заседания бюро обкома КПСС. И, кажется, даже сожалел, что в 1991 году возбужденная толпа снесла все-таки памятник пролетарскому вождю. По крайней мере, в мае 1994 года, прибыв по личному приглашению тогдашнего губернатора Краснодарского края Н.Егорова на всероссийскую сочинскую ярмарку, Дудаев в разговоре с местным начальством предложил им продать памятник Ленина. Хозяева шуточно ответили в том смысле, что вождями не торгуют. Были и другие проявления скрытых симпатий чеченского президента к некоторым социалистическим идеям. Вместе с тем было бы гру-

бым упрощением представлять Дудаева как «отпетого» социалиста. К примеру, он питал глубокие симпатии и прислушивался к советам такого стойкого антикоммуниста, каким был А. Авторханов.

Наиболее концентрированно и ярко симпатии Дудаева к социалистическим идеям проявились в экономической сфере, в частности, в вопросах приватизации и ценообразования. Жители Чечни помнят, надеюсь, что первые полтора года дудаевского правления были отмечены самым дешевым хлебом — рубль за килограмм. В сравнении с возросшими затратами такая цена была не просто смешной, она перестала быть ценой в общепринятом экономическом смысле. Хлеб для граждан стал как бы бесплатным, но они этого не замечали, так как спекуляция вымывала «дешевый» чеченский хлеб в соседние регионы. Огромные хлебные дотации, не раз грозившие похоронить бюджет, оседали на самом деле в карманах спекулянтов. Дудаев знал эту ситуацию, но трогать цены не позволял, а спекулянтов предлагал расстреливать на месте без суда и следствия. «Цена не может быть самопроизвольной, она должна быть такой, как хочется народу», — часто повторял он. Чем не плановая цена? В итоге в спекулянтов никто не стрелял — они могли откупиться от любых репрессий, а правительство гасило неизбежный дефицит хлеба все новыми его закупками и нормированным распределением. Дудаев же руководствовался в данном вопросе не только интересами рядовых граждан, но и политико-показной стороной дела. Еще бы — в России цена хлеба росла стремительно, а в свободной Чечне хлеб, был, считай, бесплатный.

В середине 1993 года чеченское правительство стало перед выбором: либо продолжать непосильную политику дешевого хлеба, либо восстановить в правах нормальную, объективно складывающуюся цену хлеба и переключить бюджет на решение других социальных задач. К тому же хлеб был не единственной статьей государственных дотаций. Так, расходы пассажирского транспорта покрывались из бюджета на 50 процентов, а коммунального хозяйства на все 100 процентов, включая затраты на содержание жилищного фонда, на газ, электроэнергию, воду. Населению ежегодно с дотатами из бюджета отпускалось 150-200 тыс. тонн жидкого и почти столько же твердого печного топлива.

Неслабая, видимо, социальная политика Дудаева пришла со временем в явное противоречие с исходными посылками, на которых она строилась. В частности со сдерживанием цен. Правительство это понимало, но сделать что-либо в обход президента, являвшегося одновременно и председателем Кабинета Министров, не

могло. Уловки, к которым прибегли в правительстве в таких случаях, говорят сами за себя. Так, воспользовавшись загранкомандировкой президента, правительство в июле 1993 года повысило цены на хлеб и ряд услуг, доведя их до уровня реальных затрат. В то же время были определены большие социальные группы (нетрудоспособные по возрасту и инвалидности), для которых хлеб отпускался вообще бесплатно за счет прибыли хлебопекарной промышленности. Вопреки опасениям, новые цены не вызвали недовольства ни у населения, ни у директоров хлебозаводов. О действиях своих министров Дудаев узнал в изложении доброхотов, еще находясь в командировке. Поползли слухи, что виновники повышения цен на хлеб, включая меня, будут уволены. Отставок, однако, не последовало. Сгоряча Дудаев приказал восстановить прежние цены, но, успокоившись, решил выждать паузу, а потом и вовсе согласился с доводами сторонников повышения цен. Самостоятельность же, проявленную ими, он не забыл. Вскоре после описанных событий последовало специальное распоряжение президента, коим Комитет цен лишался права установления цен. «Я не позволю, чтобы о ценах сговаривались министры за моей спиной», — прокомментировал он свое распоряжение. С этого времени каждое ведомство само пробивало в Кабинете Министров вопрос о ценах, но сделать это не удавалось, так как руководители смежных отраслей блокировали повышение цен на любую продукцию, кроме собственной. В конце концов Комитет цен был восстановлен в прежних правах.

Подходы Дудаева к вопросам ценообразования нелогичными не назовешь, ибо они неизбежное следствие государственной монополии, и в первую очередь на собственность. Именно в вопросах о собственности наиболее рельефно проявились «родимые пятна» социализма, от которых Дудаев пытался уходить, не уходя. Не желая до поры до времени открыто выступить против приватизации, частной собственности и капитализма, Дудаев ограничивался поначалу справедливой в целом критикой российской приватизации и связанной с ней криминализации российского общества. «Смотрите, что делается у них в России и куда нас хотят затащить ее агенты Хасбулатовы, Завгаевы, Хаджиевы и прочие крохоборы», — говорил он, обращаясь к единомышленникам. — У них обман: обещав каждому собственность, они забрали у миллионов людей жилье, работу и всякую надежду. У них вор на воре сидит и вором погоняет. Вы этого хотите? Если да,

то ищите себе другого президента.» Под грохот аплодисментов, вызванных столь проникновенной речью, можно было уже открыто атаковать частную собственность, что он и делал, ограничиваясь для начала сферой земельных отношений. Не опускаясь до уровня мелкотравчатых коммунистов, готовых придумать любой, даже самый нелепый мирской аргумент против частной собственности на землю, Дудаев возвысил свои аргументы до божественного уровня и постановил, что земля — это собственность Аллаха, а поэтому и не может быть объектом дележа и торга. Воистину, все гениальное просто. Помнится, и Наполеон в свое время подобным образом решил когда-то старый вопрос по поводу отцовства, мучивший юристов, постановив, что «отцом ребенка является муж». Мотивы, побудившие Дудаева обратиться к божественному началу при решении традиционно острого в Чечне земельного вопроса, весьма прозаичны. С одной стороны, он хотел отбиться от реформаторов, заседавших на него с требованием провести референдум по частной собственности вообще и на землю, в частности. С другой стороны, надо было устоять перед мощным натиском граждан, требовавших от власти земли. Но сделать это, не прибегая к авторитету Всевышнего, было уже невозможно.

Дело в том, что еще в 1991 году завгаевским правительством было принято решение об изъятии из оборота до 15 процентов общественных земель под строительство индивидуального жилья. В 1992 году новый чеченский парламент продублировал это постановление. Законными и незаконными (самозахваты) путями из общественного оборота было изъято более 100 тыс. гектаров земли. Далеко не всегда она использовалась под возделывание сельскохозяйственных культур. Часть земли вообще не использовалась и заросла бурьяном («стоит под парами» — шутили владельцы), а другая — отводилась под домовладения. Начал складываться стихийный земельный рынок. Остановить этот процесс Дудаев уже не мог, хотя и пытался многократно, включая репрессивные меры. Так, в марте 1994 года вышел его указ «Об уголовной ответственности за самовольный захват земель», предусматривавший наказание в виде лишения свободы до двух лет. Однако на практике под действие указа не попал ни один человек. Правоохранительные органы этим вопросом вообще не занимались.

Свою непоколебимость в вопросе о собственности на землю президент продемонстрировал еще и тем, что одним махом ликвидировал колхозы и даже совхозы, создав на их месте госхозы, функционирующие по единому уставу. В сущности это было

незаконное решение экспроприационного характера — речь ведь шла не только о земле, но и других средствах производства, являвшихся коллективной собственностью колхозников. На мое возражение, что такая акция есть шаг назад по сравнению с большевизмом, который все-таки допускал существование на государственной земле производственной кооперации, президент ответил короткой репликой: «Мы исправляем ошибки большевиков».

ДУДАЕВСКАЯ ПРИВАТИЗАЦИЯ

Была ли в Чечне приватизация?

Сделав одно успешное ограничение частной собственности, Дудаев расчистил себе дорогу для еще более решительных действий. В самый разгар обсуждения правительственного проекта приватизации он сделал резкий выпад против капитализма, а в сущности — против частной собственности. «С капитализмом у нас каши не сварить», — заявил он. «Капитализм — это рабство наемного труда. Чеченцы никогда не были и не будут ни рабами, ни наемниками. Поэтому у капитализма на этой земле Аллаха перспектив нет. Как ни ругают социализм, но он нам ближе. Не тот социализм, что построили здесь крохоборы, а тот, что описан лучшими умами человечества». Несмотря на очевидную подмену понятий, стратегический выбор был обозначен ясно. На практике это означало, что надо заниматься совершенствованием того, что есть, а не ломкой его. Надо сказать, что Дудаев тут был не одинок. Немало хозяйственных руководителей, еще с советских времен превративших подведомственные предприятия в собственную вотчину, одобряли позицию президента, опасаясь, что в случае раздела государственной собственности они могут оказаться за бортом. Кроме того, Дудаев прекрасно понимал, что при неустоявшейся власти, приватизация не только приведет к растащивке, но и подорвет экономическую основу его зарождающегося единовластия. Согласиться с такими перспективами он, естественно, не мог. С тех пор вопрос о приватизации в Чеченской Республике был предreshен.

Описание дудаевского подхода к важнейшим экономическим вопросам можно было бы на этом завершить. Есть, однако, обстоятельства, которые вынуждают продолжить тему и расставить все точки над *i*. Первое обстоятельство связано с мнением, что

Дудаев со своим окружением продавал все налево и направо. Второе обстоятельство тесно связано с первым и состоит в том, что государственная собственность, несмотря ни на что, постепенно трансформировалась в частную и это отразилось на приведенных выше взглядах президента.

По поводу мнимой причастности Дудаева к махинациям с государственным имуществом следует сказать, что подобные обвинения — это ни что иное, как политический прием, призванный опорочить личную добропорядочность первого чеченского президента. Могу сказать: у Дудаева были ошибки и просчеты, но до подобной низости он не опускался никогда. Не в пример своим критикам, он имел честь и совесть гражданина и офицера.

Были четыре документально подтвержденных случая, когда Дудаев и его правительство разрешали приватизацию. Первый случай связан с указом президента о безвозмездной передаче квартир отдельным категориям граждан. Этот указ, появившийся на свет спустя всего два месяца после его прихода к власти, предоставил наиболее незащищенной части населения право частной собственности на занимаемые квартиры. В конце 1993 года такое право приобрели все законные квартиросъемщики. Таким образом, «детский» период президентства Дудаева отмечен реальными действиями по восстановлению социальной справедливости и зарождению рыночных отношений.

В остальных трех случаях объектами приватизации были незавершенные коммунистами стройки: городской универмаг — знаменитый долгострой по улице Ленина, крытый подвал (нулевой цикл) Дома техники по той же улице и каркас гостиницы обкома КПСС по улице Чехова. Универмаг продали в 1992 году за 150 млн. рублей. Продажа была организована грозненской мэрией на конкурсной основе. Вырученные деньги городские власти направили, к сожалению, не в инвестиции, а на закупку ширпотреба. Но сам конкурс был проведен солидно: покупатель обязался за два года завершить профильное строительство, то есть ввести в действие супермаркет по германскому образцу. В связи с тем, что покупатель не выполнил взятых на себя обязательств, в правительстве в 1994 году был поднят вопрос о расторжении этой сделки. Но решение принято не было, так как покупателю удалось доказать форс-мажорный характер обстоятельств, приведших к невыполнению своих обязательств, в частности, он указал на невозможность финансирования объекта из-за банковской блокады Чеченской Республики.

За указанную же выше цену через год на открытом аукционе был продан крытый подвал Дома техники. Покупатель, филиал московского Кредо-Банка, обязался возвести на этом месте современные гаражи. Еще через год решением правительства за 350 тыс. долларов был продан бывший партийный недострой — обкомовская гостиница. Средства от реализации двух последних объектов были зачислены на спецсчет правительства и расходовались исключительно на ремонт объектов соцкультбыта.

Названные факты законной приватизации сочетались в жизни сплошь и рядом с фактами ползучей, скрытой приватизации, проводимой отдельными руководителями в обход установленных правил, в обход президента и правительства. Перечислить все эти факты не представляется возможным, но привести один из них для примера считаю необходимым. В ходе проверки, проведенной в конце 1993 года государственной комиссией по учету имущества, был установлен факт скрытой приватизации крупнейшего во всем бывшем СССР научно-исследовательского института по проектированию объектов нефтехимии (ГрозНИИ). Пикантность ситуации заключалась в том, что институт этот, включая нефтеперерабатывающий завод в Туапсе и немалые средства на валютном счете во Внешэкономбанке России, переходил в частную собственность его генерального директора — известного антидудаевца и первого марионеточного премьера С. Хаджиева. Комиссия утверждала, что непосредственно разрешение на эту акцию выдал У. Имаев — один из самых близких к Дудаеву министров. После доклада по этому вопросу возмущению Дудаева не было предела. Разорвав в клочья все учредительные документы, он приказал сначала арестовать всех «крохоборов», причастных к этому делу, но впоследствии смягчил позицию. Был подписан указ об аннулировании всех сделок подобного рода.

Однако одними указами назревшие проблемы нельзя уже было решать. Это и пытались доказать Дудаеву сторонники реформ. От их аргументов невозможно было просто так отмахнуться. Во-первых, они апеллировали к тому бесспорному обстоятельству, что для чеченца экономическая свобода имеет не меньшее значение, чем свобода политическая. Более того, чеченец откажется скорее от некоторых институтов политической демократии, скажем от современного парламентаризма, чем от права частной собственности. Во-вторых, независимо от позиции президента реальная жизнь все больше наполнялась стихийными рыночными отношениями. Оставаясь юридически в собственности

государства, многие предприятия фактически трансформировались в акционерные и частные. Этому способствовала и правовая неразбериха, бытовавшая в республике с 1992 года и связанная с постулатом: законы СССР и России действуют в Чеченской Республике в части, не противоречащей ее независимости. Какие законы противоречат независимости Чечни, а какие нет — никто не устанавливал. Каждый решал этот вопрос, сообразуясь со своими представлениями о независимости и с собственными интересами.

Далеко зашел процесс скрытой приватизации в сельском хозяйстве, торговле, материально-техническом снабжении, общепите и т. д. Механизм приватизации был прост и надежен: обновление трудовых коллективов за счет близких и дальних родственников, создание, таким образом, своеобразных семейных предприятий. Подобное зародилось еще в советское время, но развитие получило при Дудаеве. Толчком послужило решение, принятое его первым замом Я. Мамодаевым. Оно позволяло руководителям хозяйств реализовать за наличный расчет до 10 процентов товарной продукции с использованием полученных денег для выплаты заработной платы. Вынужденное, но экономически несостоятельное решение не только подтачивало финансовую систему, но и привело к разбазариванию имущества. Как и следовало ожидать, руководители не ограничились установленной квотой: в продажу они запустили всю товарную продукцию, и даже часть основных средств. На этой основе создавались новые частные предприятия. Самыми алчными оказались руководители сельскохозяйственных предприятий. Не все, конечно, но большинство. То самое непотопляемое большинство, которое пришло к руководству еще в советское время, сохранилось при Дудаеве. Презируя и обвиняя его в развале сельского хозяйства, а теперь, несмотря на все потрясения, постигшие республику, оно почти в том же составе перешло под начало новой чеченской администрации.

Позднее Дудаев отменил названное выше разрешение Я. Мамодаева, но дело, как говорится, было уже сделано — частная собственность пустила корни.

И, наконец, еще один аргумент рыночников в их затянувшемся споре с Дудаевым — он сводился к тому, что слабость государственной власти надо обернуть на ее же пользу. Получив реальную собственность (не бумажные ваучеры), люди сами защитят ее, требуя от государства лишь одного — правил поведения и мер наказания за их нарушение. Дудаеву оставалось одно из двух: или признать несостоятельными свои взгляды и недееспособность

власти или начать реформы и перевести ситуацию в другое русло. Признать свою неправоту или политическое бессилие было для него равноценно самоубийству. Не менее опасно было продолжать упорствовать и не замечать реальные экономические процессы.

Ичкерийские «ваучеры»

Мучительный поиск выхода из создавшегося тупика привел Дудаева и его помощников к идее совместить несовместимое — социализм с капитализмом, создать этакий симбиоз под названием «социалистический капитализм». Имелось в виду достичь это на путях построения госкапитализма, как промежуточного этапа при переходе к капитализму свободной конкуренции. Наиболее подробно данная позиция была выражена Дудаевым в его известной статье «К вопросу о государственно-политическом устройстве Чеченской Республики». Кстати говоря, мы с М. Мугадаевым были первыми, кого он познакомил с этой статьей еще в рукописном виде. В статье Дудаев, избегая однозначностей, столь ему присущих, не только не отрицал неизбежность становления и развития национальной финансовой олигархии, но и считал возможным всячески содействовать ей, если она подчинится интересам государства. Почти как у Ленина: нэп нам не страшен, если командные высоты сохраняются в руках государства.

В рамках такого подхода, скрепя сердце, и скорее для видимости, чем для дела, Дудаев согласился с необходимостью рыночных преобразований на основе институционализации частной собственности. При этом он выдвинул ряд очень жестких, но в целом справедливых требований, призванных оградить общество от обмана и хаоса. Важнейшее требование было связано с проведением сплошной инвентаризации государственного имущества. Без этого приватизация стала бы неуправляемой, привела бы к утаиванию государственного имущества и неконтролируемому его перетоку в частные руки, что, в свою очередь, стало бы основой нескончаемого передела собственности и криминализации общества.

Предсказания Дудаева с абсолютной точностью сбылись в России, где по мнению многих известных экономистов на долю теневой экономики приходится от 40 до 50 процентов ВВП. Требование Дудаева было выполнено к весне 1994 года силами специально созданного комитета по инвентаризации государственного имущества во главе с Л. Баталовым. Оценка

государственного имущества производилась по состоянию на 1 июля 1992 года и выразилась в сумме порядка 700 млрд. рублей. В ходе инвентаризации подтвердились опасения, связанные с сохранностью государственного имущества. Практически всюду были выявлены факты воровства, утаивания, незаконных списаний, передачи с баланса на баланс, сдачи в аренду и т.д. В суммарном выражении в орбиту всех этих противозаконных деяний было втянуто в среднем по народному хозяйству около 10 процентов оценочной стоимости государственного имущества. Было заведено несколько уголовных дел, на некоторых руководителей были наложены штрафы и административные взыскания. Любопытно, что почти все эти лица оказались позже в рядах антидудаевской оппозиции. Другое требование, поставленное Дудаевым, касалось переписи населения. С момента его прихода к власти демографическая структура чеченского общества претерпела заметные изменения как по численности населения, так и по его национальному и социальному составу. Проводить серьезную экономическую политику без учета демографических изменений было бы неправильно методологически и преступно юридически. Раздел собственности предполагает помимо всего прочего знание и численности будущих собственников.

Однако Дудаев выдвигал свои требования к приватизации, имея в виду и другие, не менее важные соображения. Некоторые члены правительства сразу усмотрели в его позиции относительно переписи населения скрытое намерение не допустить приватизацию. В отличие от имущества население, знающее для чего проводится перепись, молчать не будет, информируя власть о всех просчетах переписчиков. Чем больше таких просчетов, тем основательнее могут быть подвергнуты сомнению итоги переписи в целом. Отсюда всего шаг до запрета приватизации. Сомнения скептиков оказались пророческими. Несмотря на предупреждения специалистов, что перепись нельзя проводить с кондачка, что к ней надо основательно готовиться, Дудаев к ним не прислушался и отпустил на всю работу по переписи населения всего ... два месяца. Задание было выполнено в срок. Численность населения по состоянию на 15 января 1994 была установлена в 1208 тыс. человек.

Самое интересное началось после обнародования установленных данных. Население, уведомленное о том, что данные переписи лягут в основу раздела государственного имущества, толпой повалило в органы власти с требованиями немедленно учесть пропущенных в ходе переписи граждан. Посыпалась масса жа-

лоб. Кажется, Дудаев только того и ждал — перепись была объявлена недобросовестной и неподставительной. Вину за это он возложил на Комитет статистики, хотя переписная комиссия работала под руководством человека, не имевшего к этому комитету никакого отношения, а по своему профессиональному и образовательному уровню — весьма далекого от статистики. Руководителя статистического комитета Дудаев уволил, как некомпетентного руководителя, и назначил на эту должность человека со стороны — бывшего премьер-министра Грузии, близкого соратника первого президента постсоветской Грузии З.Гамсахурдиа.

Результаты переписи Дудаев направил на доработку, но срок установил уже не два месяца, а целый год!

Еще одно требование Дудаева, связанное с намечавшейся приватизацией, сводилось к необходимости обеспечения устойчивого экономического роста. В противном случае, считал он, не стоит даже браться за реформы, так как они теряют свой конечный смысл. Реформаторов, которые не справятся с этой задачей, Дудаев обещал «сгноить в тюрьме». Но даже такая мрачная перспектива реформаторов не остановила. Они представили президенту на утверждение свою программу рыночных преобразований (программу реформ). Не вдаваясь в подробности данной программы, отмечу ее наиболее важные особенности. Во-первых, это была не просто программа приватизации. Ее скорее можно было бы назвать программой мер по переходу к рыночной экономике и государственного регулирования. Приватизация занимала в такой программе важное, но не самодавлеющее место. Частная собственность рассматривалась как один из инструментов роста экономики и повышения ее эффективности. При этом критерий эффективности был вынесен как бы вонне: устанавливался ежегодный темп роста благосостояния населения (в отдельные годы допускался нулевой темп, но исключалось снижение благосостояния). Прибыль, как признак эффективности, уходила на второй план.

Во-вторых, приватизации отводилась роль локомотива не только в экономическом, но и в политическом смысле с учетом степени интегрированности чеченской экономики в российскую. Некоторые отрасли, например энергетика, связь, нефтепереработка, железнодорожный и воздушный транспорт, были отнесены к сферам совместных интересов Чечни и России. Несмотря на взрывную реакцию Дудаева, вызванную таким предложением, разработчикам программы удалось убедить его в правильности подобного шага. Весной 1994 года последовал первый указ

президента Ичкерии, разрешающий вхождение по российской схеме государственного предприятия «Грозэнерго» в российское акционерное общество «ЕЭС России». Аналогичные указы были подготовлены и по другим государственным предприятиям, в частности, по связи и авиакомпания «Стигл». Завершить процедуры, связанные с указами, и подписать их Дудаев не успел из-за начала военных событий. Эти факты, на мой взгляд, позволяют отвести от него обвинения в экономическом национализме.

В-третьих, особенность рассматриваемой программы заключалась в том, что она предусматривала создание слоя реальных, а не мнимых собственников, как это произошло в России, где большинство людей в результате ваучеризации не только не обрело дополнительной собственности, но и лишилось ранее обретенной. Чеченская специфика задумывалась в виде «золотых ваучеров» (официально — золотой приватизационный полис) с номиналом в пределах до 1000 американских долларов. Их обладателями должны были стать все постоянные жители республики.

Понимая, что финансовые ограничения не позволят решить указанный вопрос одним махом, авторы проекта предложили провести эмиссию полисов в три этапа: 1994-1996 гг., 1997-1998 гг., 1999-2000 гг. На первом этапе владельцами золотых полисов должны были стать пенсионеры, работники бюджетных организаций (кроме военных, работников спецслужб и управленцев). На втором этапе подключалась основная масса рабочих и служащих производственной и непроизводственной сфер, а на третьем — остальные категории населения. Именно «золотой» особенностью планировавшейся приватизации можно объяснить постоянный интерес дудаевской администрации к золоту с 1993 года. Интересу этому, впрочем, не суждено было сбыться. Каждый шаг дудаевцев в данном направлении становился достоянием российских спецслужб и пресекался в самом его начале. Так, советник чеченского президента Р.Уциев, погибший в Лондоне при загадочных обстоятельствах, имел, в частности задание, связанное с проектом золотых полисов.

После нескольких провалов Дудаев заподозрил в утечке информации свои спецслужбы. Чтобы выяснить «кто есть кто», он запустил однажды в работу абсолютно липовый по содержанию, но правдоподобный по форме «золотой контракт» с одной из якутских коммерческих фирм, не имевшей к золотому бизнесу никакого отношения. Главным было то, что фирма эта находилась в Якутии, то есть поближе к золотым приискам. В запаснике

была и «магаданская подстраховка». Результат воплощения дудаевского плана не заставил себя ждать: единственная копия контракта, о существовании которого знали не более пяти человек, очень скоро оказалась в руках антидудаевской оппозиции, которая не ведая подвоха, постаралась использовать ее как компромат на Дудаева. Президент был доволен — его затея удалась в полной мере. Выяснить «кто есть кто» не составило большого труда — ими оказались двое офицеров Службы национальной безопасности Ичкерии, бывшие сотрудники КГБ Чечено-Ингушской АССР, которым после разоблачения удалось скрыться под крыло российских спецслужб. Через несколько дней после описанных событий, неожиданно для многих подал в отставку руководитель Службы национальной безопасности Чечни, известный в прошлом спортсмен с мировым именем С.Хасимиков, пользовавшийся особым доверием Дудаева.

Еще одну особенность чеченской программы приватизации можно было бы условно назвать превентивной. Авторы проекта учли, что золотые полисы станут лакомой приманкой для аферистов. В целях предотвращения неизбежных попыток жульничества вводилась защитная мера — в частные руки в обмен на золотые полисы планировалось передавать только те предприятия, которые показали стабильную (в позитивном смысле) работу в последние три года. Возможность приватизации обанкротившихся или близких к тому предприятий, исключалась. Соответствующий указ Дудаев подписал еще до утверждения самой программы. Такие действия кажутся на первый взгляд нелогичными, так как государство обычно не заинтересовано держать у себя на балансе нерентабельные предприятия. Но есть и другая логика — право приватизации банкротов стимулировало бы искусственное подведение предприятий под такое состояние с целью последующего выкупа их по дешевке.

Такова очень приблизительная характеристика программы приватизации, которая была предложена Дудаеву его правительством. Однако от теории до практики была огромная дистанция с многочисленными препятствиями, главным из которых была неопределенность позиции самого президента. Несмотря на то, что программа составлялась с согласия Дудаева и во многом была подстроена под его взгляды, он в конечном счете отверг эту программу. Точнее говоря, не всю программу, а ее центральную часть — идею раздела государственной собственности. Выступая с докладом на научно-практической конференции, посвященной

3-ей годовщине независимости Чеченской Республики, президент заявил: «Обязательно будем создавать частную собственность, но не путем разрушения и размазывания нашего общего достояния, не вместо государственной собственности, а рядом с ней. Нам нужны крупные боеспособные финансово-промышленные союзы на базе государственных предприятий и под контролем государства. Только они пробьют брешь во внешний мир. А то, что тут нам предлагают, — это мелкие лавки на Минутке (площадь в Грозном — *авт.*), да семейные заводики, рассыпанные по всей республике. С таким хозяйством не будущее планировать, а гроб заказывать. Руки прочь от народного добра!». Таков был выразительный и окончательный вердикт Дудаева. Последующие его аргументы сводились к тому, что недопустимо пинками гнать народ к капитализму, что чеченцы больше тяготеют к общинной жизни, о чем свидетельствуют, по его мнению, тайпы, что непродуманными экспериментами можно превратить чеченцев в мелких торгашей, для которых конечная выгода выше свободы, чести и достоинства. Нельзя исключить здоровый рационализм этих суждений чеченского президента, особенно в части создания финансово-промышленных союзов. Вместе с тем нельзя не заметить и другое — против частной собственности запускаться не мелкий камень, а крупный снаряд, так как спорить с приведенными выше соображениями на житейском уровне невозможно.

Существует в рассматриваемой связи и другое мнение. Дудаев, мол, готовился к войне и поэтому держался за государственную монополию как за основу милитаризации экономики. Если рассуждать на эту тему задним числом, уже зная, что война действительно случилась, подобный довод можно принять во внимание. Однако на самом деле Дудаев к войне не готовился, во всяком случае к той войне, что имела место. Тому множество подтверждений. Достаточно сказать, что за 1992-1994 годы военные расходы составили в бюджете Чечни менее 1 процента. Тратились эти средства не на закупку оружия. Оружия и другого военного имущества Дудаеву «подарили» много. Так много, что содержание немногочисленных вооруженных формирований (12 тыс. человек, включая сотрудников всех спецслужб, т.е. 1 процента населения) не было обременительным и вполне могло производиться за счет разумного использования военного имущества. О размерах последнего говорит хотя бы такой факт. Накануне штурма Грозного российскими войсками в декабре 1994 года Дудаев торжествующим голосом поведал мне, что в горах республики обнаружен неизвестный доселе

военный склад, на котором хранилось большое количество оружия, в том числе и гранатометов. Сообщив об этой находке президент воскликнул: «Аллах с нами, а горы за нами!»

Нельзя, однако, сказать, что все действия Дудаева по части оружия были рациональными. Так, мне пришлось долго уговаривать президента продать по очень выгодной цене чешские учебно-боевые самолеты Л-39 в одну из «горячих точек». «Как ты мог подумать, что я соглашусь на это? Даже не мечтай. Самим пригодятся!» — ответил он мне. Когда началась война, российская авиация в первую очередь уничтожила чеченский самолетный парк. Не осталось ни одной боееспособной машины. На эту тему разговора у нас с Дудаевым не было, но я видел как сильно он переживал за потерю авиации.

Просоветский консерватизм Дудаева, присущий большинству высших офицеров Советской Армии, был, конечно, не единственной причиной его нежелания приступить к реальным экономическим преобразованиям. Не меньшее, если не большее значение в данном случае имела его убежденность в том, что при той очевидной шаткой политической ситуации, воцарившейся в Чеченской Республике не без помощи России и ее агентов влияния, любой необдуманный шаг, связанный с разделом государственного имущества, привел бы к гражданской войне. И Дудаев по-своему пытался не допустить ее.

ДУДАЕВ КАК ЗЕРКАЛО ЧЕЧЕНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Прощайте, Советы!

Переход Чеченской Республики от стихийного антикоммунизма к идее и политике государственного суверенитета не был гладким. Ситуация во многом определялась организацией власти или, точнее говоря, ее недостатками.

Советская система власти была сначала парализована, а затем и разрушена в ходе чеченской революции в августе-сентябре 1991 года. К тому времени в результате перестроечных процессов в Чечено-Ингушетии, как и в других регионах СССР, произошло полное слияние власти КПСС с советской властью, когда руководители местных партийных органов почти что автоматически становились во главе советов всех уровней. Это обстоятельство

сыграло решающую роль при выяснении активистами и сторонниками Общенационального конгресса чеченского народа (ОКЧН) своих отношений с советами. Под предлогом борьбы с коммунистами против советов и их структур была предпринята не только словесная, но и физическая атака. Многие административные здания были захвачены воинственно настроенными группировками, примазавшимися к ОКЧН. Во многих местах, особенно в Грозном, имущество органов власти подвергалось грабежу и уничтожению. Такой процесс обрел столь значительные масштабы, что президент вынужден был отреагировать на него специальным указом за №5 от 8 января 1992 года. Находясь в то время по долгу службы в здании Совета Министров Республики, мне пришлось увидеть отвратительные деяния некоторых не в меру ретивых «р-р-революционеров». Работа тогдашнего правительства была фактически приостановлена. Многие чиновников вообще не пропускали к их рабочим местам. После известных событий, связанных с роспуском Верховного Совета Чечено-Ингушской Республики, власть здесь развалилась окончательно. Решение многих вопросов переместилось в здание бывшего грозненского горкома КПСС, где размещался штаб ОКЧН во главе с Дудаевым. Полнотой власти он, однако, также не обладал. Кое-какие вопросы решались на бессрочных митингах на основе «революционной целесообразности» и энтузиазма. Кстати говоря, в годы дудаевского правления митинги стали не просто формой волеизъявления людей, а неотъемлемым признаком общественного бытия. К ним так привыкли, что, кажется, короткие межмитинговые паузы использовались для подготовки и проведения новых митингов, отвлекавших на себя немалые расходы.

Осенью 1991 года митинговые страсти достигли такого накала, что реальной стала общественная анархия. Дудаев это понял раньше других и предпринял меры, призванные предотвратить катастрофу. Еще до роспуска Верховного Совета по его приглашению в штабе ОКЧН побывали руководители ряда министерств и ведомств. Был в их числе и я, работавший тогда около месяца в должности министра экономики, прогнозирования и труда в правительстве Чечено-Ингушской Республики. Дудаев на этих встречах больше говорил, чем слушал. Суть разговора сводилась к критике завгаевской администрации, мешающей якобы установлению эффективного правопорядка, и приказной просьбе оставаться в занимаемой должности и выполнять в полном объеме функции государственных служащих.

После роспуска Верховного Совета и создания вместо него Временного Высшего Совета с узкими полномочиями правительство Чечено-Ингушетии оказалось в «подвешенном» состоянии. С одной стороны, рухнул институт власти, которому оно было подотчетно, а с другой — ОКЧН объявил, что до выборов президента Чеченской Республики вся ответственность за положение дел возлагается на Совет Министров уже к тому времени не существовавшей Чечено-Ингушской Республики.

Свои права пытался «качать» и Временный Высший Совет. Вспоминается в этой связи один весьма характерный эпизод. В министерство, которое я тогда возглавлял, в один и тот же день поступило два распоряжения: одно из ОКЧН за подписью Дудаева с требованием исполнения только его приказов, а другое — из Временного Высшего Совета с угрозами наказания в случае неподчинения ему. Словом, обстановка была неподконтрольной никакой власти (забегая вперед можно было бы говорить о перманентности этого явления). В этой ситуации Дудаев решил показать всем, кто все-таки в доме хозяин. Он потребовал от правительства собраться на экстренное заседание и выразил намерение лично присутствовать на нем. Председатель Совета Министров С.Беков, оказавшийся в весьма щекотливом положении, не решился возразить, что в той ситуации было, по-видимому, правильно. Заседание правительства состоялось в середине сентября 1991 года. В повестке дня значился один вопрос — информация ОКЧН о положении дел в республике (докл. Дудаев). Докладчик прибыл на заседание с некоторым опозданием, но зато с шумом и в сопровождении большой охраны. Разговор был коротким и по тональности категоричным. Дудаев охарактеризовал ситуацию в республике как переходную от диктатуры «кровососов» к «народной демократии». Совет Министров, как «коллективный кровосос», был поставлен перед выбором: либо честно работать до президентских и парламентских выборов, либо идти напрямиком в тюрьму. «Статья УК найдется на каждого из вас», — резюмировал Дудаев. Честно или нечестно, но последнее коммунистическое правительство Чечено-Ингушетии работало до 13 ноября 1991 года. Перед этим оно успело принять неединогласное решение — обратиться к руководству СССР и РСФСР с просьбой «восстановить в республике законность и правопорядок». В числе тех, кто выступил против такого обращения, было всего три министра: министр образования С. Мовтаев, министр местной промышленности М. Дошукаев и автор этих строк. 10 ноября 1991 года, то есть сразу после отмены Верховным Советом РСФСР

чрезвычайного положения в Чеченской Республике, Дудаев (уже в ранге Президента) поздней ночью собрал у себя в кабинете завгаевское правительство и со скупыми словами благодарности, походившими больше на приговор, отправил его в отставку. Поразительно, но указ об этой отставке не был опубликован.

Подобного рода организационно-технических промахов на первых порах допускалось немало, что свидетельствовало об отсутствии у Дудаева опытного аппарата. Так начинался в Чеченской Республике собственно дудаевский период правления.

Временное правительство под Мамодаева

13 ноября 1991 года был опубликован Указ Президента Чеченской Республики за №3, который гласил, что до формирования Кабинета Министров управление народным хозяйством республики переходит в руки созданного для этой цели Комитета по оперативному управлению народным хозяйством (КОУНХ) во главе с Я.Мамодаевым. Ему же поручалось назначить персональный состав указанного комитета. Новая структура не была оригинальной. Аналогичный орган власти, но на всесоюзном уровне, существовал тогда и в Кремле.

Почему Дудаев пошел на создание КОУНХа именно под Я.Мамодаева? Как уже было сказано выше, завгаевское правительство к тому времени исчерпало себя не только юридически, но и в смысле своих реальных возможностей. Работать с деморализованным и дезорганизованным правительством не имело никакого смысла. Вместе с тем в ноябре 1991 года Дудаев не имел правовой базы, необходимой для образования легитимного правительства: Конституция Чечено-Ингушской Республики уже не действовала, а Конституция Чеченской Республики не была еще принята. Не существовало, понятно, и закона о правительстве. В ситуации предельно напряженной общественной жизни, когда рабочий день Дудаева продолжался часто до 5-6 часов утра (до ухода последнего ходока), вряд ли можно было всерьез говорить о том, чтобы он сам возглавил руководство народным хозяйством. Ничего путного из этого тогда не получилось бы.

Между тем создавшийся вакуум исполнительной власти грозил обернуться большой бедой. Надо было что-то предпринимать, и Дудаев создал на время КОУНХ. Не исключая также и того, что на него оказывалось сильнейшее давление со стороны Я.Мамодаева и сотоварищей. Об этом во всяком случае

свидетельствует одна занимательная история, коснувшаяся меня лично. 29 октября 1991 года, то есть через день после президентских выборов, у меня в рабочем кабинете состоялся разговор с авторитетными деятелями ОКЧН во главе с И.Арсамиковым. Мне сообщили, что по рекомендации исполкома ОКЧН, Дудаев принял решение поручить мне временное руководство народным хозяйством республики. Аргументация в их изложении была примерно следующей: новая власть заинтересована соблюсти принцип преемственности, но без ущерба для себя. Иначе говоря, нужны были профессионалы из прежней системы правления, однако не погрязшие в коррупции и лояльные к новой власти. Попал в их число и я.

Позже мне стало известно, что ОКЧН располагал стенограммами почти всех заседаний завгаевского правительства, начиная с 23 августа 1991 года. Скорее всего, члены ОКЧН учли мое критическое отношение к прежней власти, которая, породив революционную ситуацию, не сумела взять ее под контроль и должна была умереть. Свою роль сыграло также то обстоятельство, что в государственных структурах я был новичком и, стало быть, не успел еще «замараться». Через пару дней прозвучавшее предложение со ссылкой на Дудаева продублировал его первый советник по вопросам внешних связей Б.Умалатов. В обоих случаях я ответил мягким отказом, так как считал себя неподготовленным для такой должности. В первых числах ноября 1991 года Дудаев лично сделал мне предложение возглавить, как он выразился, переходное правительство. Не успел я дать какой-либо ответ, как он принялся наставлять и поздравлять меня с назначением. Обращаясь к присутствовавшему при разговоре, но незнакомому мне религиозному авторитету (позже я узнал, что это был А.Баки из Иордании), Дудаев как бы в шутку спросил его: «Ну, что благословим мое первое назначение?» Я попросил президента не принимать окончательного решения и перенести разговор на утро. «Разговор продолжим, но решение принято», — ответил он. Разговор действительно состоялся, но не с ним, а с Я.Мамодаевым, который перехватил меня по пути домой, чтобы сообщить, что Дудаевым принято решение о роспуске завгаевского правительства и создании временного правительства под его, то есть мамодаевским руководством, в котором мне была предложена должность заместителя председателя по экономической реформе. Памятуя дневной разговор на эту тему с самим Дудаевым, я спросил у Я.Мамодаева о позиции президента. Ответ был такой: «Я говорю по поручению

президента. Он в курсе дел». Что могло случиться за несколько часов после моего разговора с Дудаевым? Ответ на этот вопрос я хотел услышать от него самого. На следующий день пришел к нему на прием для продолжения беседы. Ждал до вечера, но президент вообще не появился на работе ни в тот день, ни на следующий. Потом произошли события, связанные с объявлением в республике чрезвычайного положения и острота моего вопроса свелась на нет как бы сама собой. 13 ноября 1991 года президент назначил, как уже упоминалось, Я.Мамодаева председателем КОУНХа, а тот, в свою очередь, утвердил через неделю персональный состав данного комитета. Со смешанным чувством я обнаружил среди членов временного правительства свою фамилию. Позже через своего помощника Дудаев передал мне, что его более раннее предложение мне остается в силе, но откладывается в связи с тем, что «время волчьей стаи еще не прошло».

Объяснится с Дудаевым в связи с этой историей мне тогда не удалось. Однако жизнь сама ответила на многие вопросы. В ходе работы с Дудаевым у меня возникло собственное объяснение некоторых аспектов его кадровой политики, особенно в первое время. Он был новичком не просто в политике, а именно в той политике, которая делалась в неповторимых условиях Чеченской Республики. Поверив однажды в искренность намерений тех, кто волею судеб сделался политиком и оказался рядом с ним в революционный период чеченской истории, Дудаев попал в морально-политическую зависимость от них. Они сковывали его действия, висели гирей на его ногах и руках. Сначала Дудаев считался с ними как с единомышленниками, а затем вынужден был считаться уже как с независимой от него силой. Адекватность этих моих наблюдений проявилась в продолжении истории, связанной с моей карьерой в правительстве.

КОУНХ сразу же вызвал у населения неприятие. Мне лично это было непонятно. Я.Мамодаева я, допустим, раньше не знал, чего не скажешь о большинстве других членов дудаевского переходного правительства, с которыми «пересекался» еще в бытность членом бюро грозненского горкома КПСС. Это были классные специалисты, авторитетные руководители. Несколько человек имели ученые степени. Да и сам председатель КОУНХа производил впечатление хорошего организатора и толкового экономиста. Причины недовольства людей КОУНХом стали раскрываться в ходе моей работы в этой структуре. Центр тяжести здесь был смещен с вопросов созидания на коммерческие и кадровые вопросы.

Запомнился случай, связанный с попыткой Я.Мамодаева решить кадровый вопрос на заводе «Красный молот». Не советуясь ни с кем, председатель КОУНХа неожиданно приехал на завод, собрал так называемый актив и, выдав собственное решение за правительственное, объявил о смещении директора завода Г.Мусалимова с занимаемой должности. Эта весть дошла до тогдашнего президентского фаворита Б.Гантамирова, исполнявшего обязанности мэра чеченской столицы. Градоначальник пришел в ярость, так как создавался прецедент решения кадрового вопроса в обход мэрии. Б.Гантамиров отменил мамодаевское решение и восстановил прежнего директора на работе. Дудаев мэра поддержал. После этого случая отношения Б.Гантамирова и Я.Мамодаева резко обострились. Столичный мэр не упускал случая, чтобы ужалить КОУНХ, в том числе и путем нормативного ограничения сферы его влияния. К примеру, мэрия подготовила проект распоряжения президента «О муниципальной собственности в Грозном», по которому 90 процентов грозненских предприятий, включая весь нефтехимический комплекс, объявлялись подведомственными городской администрации. Я.Мамодаеву не составило особого труда доказать президенту, что реализация этого распоряжения сделает всю республику придатком столицы и ее мэра. Правда, противоборство соперников продолжалось недолго и уже к весне 1993 года они оказались в одной антипрезидентской упряжке.

Другим увлечением КОУНХа было распределение благ. Практически каждое второе распоряжение, вышедшее из стен этого ведомства, касалось распределения продовольственных и иных ресурсов. Главы местных администраций вереницей стояли у дверей мамодаевского кабинета в надежде выпросить у него что-нибудь. Самой заметной распределительной акцией КОУНХа стали талоны на бензин, выданные населению вместо зарплаты. За короткий срок население получило по этим талонам около 200 тыс. тонн бензина и дизельного топлива в ценах мирового рынка на сумму более 35 млн. долларов. Так началось формирование негосударственного нефтяного рынка. Население, впрочем, было очень довольное, а вот для бюджета эта затея оказалась смертельной — в условиях неналоженной системы взаиморасчетов с бюджетом талоны на топливо получали не только традиционные бюджетники (учителя, врачи, работники культуры и т.п.), но и большая армия работников производственной сферы, которая сама должна была поставлять деньги в бюджет. Мои протесты в данном случае были расценены как саботаж «социально-ориентированной» политики правительства.

На первых порах Дудаев терпел мамодаевский стиль руководства, но потом стал заметно раздражаться. Однако ни распустить КОУНХ, ни призвать к порядку его председателя Дудаев не мог — так велики были заслуги ближайших сподвижников. Мне приходилось быть свидетелем того давления на Дудаева, которое оказывалось, скажем, парламентом с целью роспуска КОУНХа. Президент не решался на такой шаг. За него тогда это сделал сам парламент. 19 февраля 1992 года парламент принял решение о роспуске КОУНХа в связи с началом образования конституционного органа власти — Кабинета Министров. Узнав от спикера парламента Х.Ахмадова об этом решении, Дудаев не скрывал своего удовольствия. Я.Мамодаев, напротив, выступил против данного решения, назвав его недействительным, ибо парламент, по его мнению, узурпировал в рассматриваемом случае президентские полномочия. Юридической чистоты в парламентском решении действительно не было, но Дудаев не стал его оспаривать — в данном случае оно отвечало его интересам. Не стал устраивать публичные разборки и Я.Мамодаев. Вскоре после описанных событий последний отбыл в длительную заграникомандировку, где продолжал представляться председателем правительства, в котором сам он уже не состоял.

В муках рожденное...

Настоящее правительство находилось тогда еще только в стадии формирования. Разработкой его структуры по поручению Дудаева занималось независимо друг от друга несколько человек одновременно, в том числе и я. Неожиданно мне в помощники Дудаев прислал У.Имаева, с которым у меня было самое поверхностное знакомство по очень краткой совместной работе в завгаевском правительстве. Я приступил к работе в этом правительстве 15 августа 1991 года, а У.Имаев — где-то в первых числах сентября. Перспективу совместной работы с ним в дудаевском правительстве предсказать было трудно. Дело в том, что накануне первых президентских выборов в Чеченской Республике, У.Имаев публично выступал против не только их проведения, но и всей линии ОКЧН, включая правомочность его решений. Поэтому, когда он объявился у меня в качестве помощника по разработке новой правительственной структуры, я был, конечно, удивлен. У.Имаев это заметил и объяснил свое появление в дудаевском окружении чистой случайностью: он якобы

ходил к президенту с просьбой об отставке с должности министра социального обеспечения, ставшей из-за революционной суматохи яблоком раздора. По словам У.Имаева, он сразу известил президента о своем «политическом прошлом», но был тут же прощен и получил даже предложение возглавить министерство юстиции.

К слову сказать, при формировании структуры первого правительства Дудаев был против создания некоторых министерств и ведомств, включая министерство юстиции. Ему казалось, что функции этого министерства могут выполняться его администрацией, но потом передумал. Совместной разработки правительственной структуры с У.Имаевым у меня не получилось. Свой проект я уже передал Дудаеву и ждал его решения. Кажется, У.Имаев не поверил мне тогда. Во всяком случае он не скрывал своего раздражения. В дальнейшем наши отношения с ним были то равными, то натянутыми — в зависимости от обстоятельств и очередной должности, которую он занимал. Когда он возглавлял Национальный комитет по правовой реформе, Генеральную прокуратуру и министерство юстиции — отношения бывали взаимно уважительными. Когда же он стал во главе Фонда поддержки независимости, а позже и Национального банка, отношения между нами испортились хуже некуда, но это — особый разговор. В целом У.Имаев отличался природным умом и даже враждовать с ним было приятнее и полезнее, чем дружить с некоторыми самовлюбленными политиками новой формации, коих тоже было немало.

Структуру правительства Дудаев в конце концов утвердил, однако мои предложения учтены не были. Я предлагал взять за основу структуру правительства, существовавшую при коммунистах, но упростив ее и изменив функциональную ориентацию. Дудаев же считал, что структура чеченского правительства должна быть как у правительства сформировавшегося независимого государства, то есть более громоздкой, чем в советской автономной республике. Между прочим, одной из причин частых структурных преобразований в чеченском правительстве можно считать всеобщую структуроманию, связанную с желанием забить «колышки суверенитета» всюду, где только можно, в том числе и путем создания соответствующих государственных структур.

Новую структуру правительства Дудаев огласил во второй половине февраля 1992 года в присутствии двух десятков человек, приглашенных на это мероприятие в качестве претендентов на министерские должности. Присутствовал на этом собрании и Я.Мамодаев. Вопреки всеобщему ожиданию Дудаев не стал

оглашать персональный состав правительства, но к изумлению присутствующих предложил Я.Мамодаеву зачитать проект закона о Кабинете Министров, что тот и сделал. В ходе обсуждения проекта на слух стало ясно, что Дудаев решил именно таким способом проверить реакцию Я.Мамодаева на ту роль, которую он ему заготовил в новом правительстве. Дело в том, что в проекте не предусматривалась самостоятельная должность председателя Кабинета Министров, на которую так рассчитывал Я.Мамодаев. Вернее сказать, должность эта имелась, но она намертво закреплялась за президентом как главой всей исполнительной власти. Вместе с тем в проекте значилась должность единственного первого заместителя председателя правительства с ограниченными полномочиями. На эту должность Дудаев, судя по всему, и прочил Я.Мамодаева. Последний не скрывал своего негодования и открыто заявил, что совмещение двух высших должностей в одном лице напоминает ему недалекие хрущевско-брежневские времена.

Дудаев спорить не стал, отослав всех сомневающихся к проекту новой чеченской Конституции. Тогда еще мало кто мог предположить, насколько далеко зайдет взаимная неприязнь этих людей, вызванная не только спором вокруг той или иной должности, но и принципиально различным видением ими путей дальнейшего развития Чеченской Республики. При всех своих минусах Я.Мамодаев ориентировался на рыночную экономику или, как сам он говаривал, на «социальную рыночную экономику» — возможно даже в пределах единого с Россией экономического пространства.

Судить об этом можно, в частности, по его реакции на спонтанное решение Дудаева, связанное с прекращением поставок нефтепродуктов в другие регионы по нефтепродуктопроводам, что чуть было не поставило нефтяную промышленность на грань технологической аварии. Я.Мамодаев назвал это решение дешевым политиканством и, взяв на себя ответственность, отменил его. В другом случае, когда президент приказал прекратить в одностороннем порядке все финансовые операции с Россией (январь 1992 года), Я.Мамодаев уже ничего не мог поделать против, хотя и не восторгался, как другие, от возможных последствий этого решения. Здравомыслие, как говорится, налицо. Другое дело, что в реальном исполнении собственные мамодаевские задумки смахивали не столько на рыночные отношения, сколько на заурядные базарные. Впрочем, он не был тогда одинок в своих такого рода заблуждениях и ошибках.

Дудаев, как выяснилось скоро, придерживался других ценностей, мало совместимых с понятиями рынка и капитализма. Ему были ближе социалистические ценности по принципу «социализма не бывает мало, мало тех, кто понимает социализм». В этой связи вспоминаются слова, сказанные Дудаевым в мой адрес. На одном из заседании правительства, где обсуждался вопрос о приватизации, он бросил мне в сердцах: «Не понимаю тебя. В университете ты изучал марксистскую политэкономию. Всю жизнь клеймил капитализм и хвалил социализм, а теперь с таким упорством выступаешь за капитализм. Где логика, где ты настоящий?»

В моих отношениях с Дудаевым прозвучавшая реплика стала поворотной. Она говорила не столько о моей «изменчивости», сколько об его стойком идейном постоянстве. Но это было потом, а тогда, в начале его правления, наши отношения строились на том, что я верил в него как в реформатора, нацеленного на рыночное переустройство экономики республики. В контексте такой веры я воспринимал многие решения президента, в том числе и по кадровым вопросам, хотя и сомневался иногда в их идеологической обоснованности. Первое сомнение, как уже было сказано выше, появилось в связи с намерением Дудаева назначить меня на должность председателя переходного правительства (злополучного КОУНХа) и реальным назначением на эту должность Я.Мамодаева.

Ситуация повторилась с точностью до мелочей, спустя всего пару месяцев после утверждения первого конституционного чеченского правительства. Процедура парламентского одобрения этого правительства заняла весь февраль 1992 года. Кстати сказать, за три довоенных года Дудаев сменил три правительства, но только одно из них было сформировано по согласованию с парламентом, то есть в точном соответствии с Конституцией. Отбор кандидатур на правительственные должности проходил на конкурсной основе из 3-4 человек на одну вакантную должность. Причем, парламент, исходя из благих намерений, поставил перед кандидатами неконституционное условие — тот, кто выдержит конкурсный отбор, должен был поклясться на Коране, что ни при каких обстоятельствах не употребит власть против республики и ее граждан. Однако текст клятвы был составлен таким образом, что не давал будущим министрам права даже на непреднамеренную служебную ошибку. Когда необходимость такой клятвы стала реальной, то число претендентов на правительственные должности заметно уменьшилось — вероят-

ность оказаться клятвopепреступником была куда больше, чем сохранить чистоту помыслов и поступков. Поэтому до поголовной клятвы дело не дошло — парламент отменил свое требование, сославшись главным образом на то, что соответствующую процедуру не прошел и сам Дудаев, когда последний вступал в должность президента. Не отрицал этого и Дудаев, говоря, что он приносил не клятву, а присягу. Позже клятва была заменена на торжественное обязательство министров работать честно и добросовестно, скрепляемое подписями трех поручителей.

Мою кандидатуру на должность министра экономики и финансов, представленную президентом в числе еще двух конкурентов, парламент одобрил единогласно. Такой же успех днем раньше сопутствовал М.Удугову — кандидату на должность министра информации и печати, Д.Хожаеву — кандидату на должность председателя Национального комитета по делам архивов. Единогласное одобрение парламента получила кандидатура выдающегося артиста современности М.Эсембаева на должность министра культуры республики. Однако занять эту должность М.Эсембаев отказался. Другие кандидаты прошли по большинству голосов, а часть из них, например кандидатов на должность министра сельского хозяйства, вообще не набрала проходных голосов. Эту должность президенту пришлось заполнить без одобрения парламента, но при активном лоббировании со стороны Совета Старейшин.

В конце февраля 1992 года состав будущего правительства в основном определился. Не было ясности только с должностями вице-премьеров, включая и первого. Нешуточная борьба вокруг должности премьер-министра привела к тому, что должности вице-премьеров остались временно вакантными. Дудаев решил показать Я.Мамодаеву и его сторонникам, что их претензии на его власть могут вообще закрыть им дорогу в правительство. Возможно этим можно объяснить неожиданное в какой-то мере решение президента назначить меня временно на должность первого вице-премьера с сохранением за мной должности министра экономики и финансов. Об таком решении Дудаев объявил сам без всяких объяснений и предварительных договоренностей со мной. Правда, перед началом процедуры подписания соответствующего указа У.Имаев (ставший к тому времени уже хранителем президентских секретов в ранге председателя Национального комитета по правовой реформе) успел мимоходом сообщить мне о возможности такого решения.

1 марта 1992 года первое законное правительство Чеченской Республики было, наконец, сформировано. С этого дня разлад между Дудаевым и Я.Мамодаевым вступил в острую фазу. Последний, не обращая внимание на законное правительство, продолжал занимать кабинет бывшего председателя Совета Министров Чечено-Ингушетии и осуществлять властно-распорядительные действия, подрывавшие авторитет дудаевского правительства. Было видно, что президент вынужден терпеть такую ситуацию, что он не решается поставить Я.Мамодаева на место. При этом они могли еще общаться, появляться вместе на публике, демонстрируя куцое единство, но стать единомышленниками-соратниками они уже больше не могли никогда.

Работа правительства проходила в сложных условиях. Общее впечатление от того времени — ощущение не столько самостоятельности республики, сколько оторванности ее от внешнего мира, особенно после распада СССР. Вместе с ним рухнуло привычное представление о геополитическом пространстве, обесценились традиционные социально-экономические категории и понятия. Все приходилось делать как бы с чистого листа. К тому же новое правительство не было единой командой, хотя и формировалось под общими лозунгами свободы, равенства, братства и счастья.

При отборе новых министров главными были критерии лояльности к президенту и курсу на независимость, профессионализм, а также личностные качества (честность, порядочность и т.п.) К слову сказать, треть состава правительства имела ученые степени и звания. В их числе, например, А.Яндаров — доктор философских наук, профессор, назначенный на должность министра образования. До прихода в дудаевское правительство он заведовал университетской кафедрой, работал секретарем Чечено-Ингушского республиканского комитета КПСС.

НОВАТОРЫ И ТРАДИЦИОНАЛИСТЫ

Программа общая, цели разные

Несмотря на отдельные кадровые находки, команды, тем не менее, не получилось — не хватало целостной программы, призванной объединить всех членов правительства. Каждый из них отстаивал в парламенте свою оригинальную программу деятельности, в изобилии пересыпанную модной рыночной терминологией, но не связанную общей нитью с другими программами. Поэтому мы имели дело именно с кабинетом министров, а не с их союзом или, хотя бы с советом, как при коммунистах.

Борьба в правительстве развернулась в первые же дни его существования. Внутренние разногласия были связаны с выработкой программы экономических и социальных реформ. Ответственность за эту работу президент возложил на меня. Предстояло подготовить документ, отражающий основные направления правительственной политики, и защитить его в парламенте. Стоит ли говорить, насколько трудной была эта работа?

Во-первых, все было в новинку — никогда и ни одному правительству республики не приходилось доселе не только составлять программу реформ, но и даже обычный пятилетний план в масштабе отрасли. Во-вторых, предстояло выработать не просто программу реформ, а программу реформ в рамках построения независимого государства. И, наконец, предстояло ответить на самый главный вопрос — о месте и роли частной собственности в чеченском обществе. То обстоятельство, что правительство не представляло собой единой команды, наиболее негативно сказалось именно при составлении программы реформ. Абсолютное большинство отраслевых министров было настроено феодально-иждивенчески. Они рассматривали подведомственные хозяйства почти как собственную вотчину и ни при каких обстоятельствах, включая и связанные с реформами, не допускали даже мысли о том, что «их собственность» может быть трансформирована и выведена из под отраслевого контроля.

Некоторым из них удалось убедить Дудаева в своей правоте и включить в структуру министерств и ведомств на правах, так сказать, отраслевой собственности все государственные и даже коллективные предприятия, которые хоть сколько-нибудь соответствовали профилю данного министерства или ведомства. Так, в структуре министерства сельского хозяйства оказались не только колхозы и совхозы, но и весь сель-

ский строительный комплекс, предприятия по переработке сырья, торговля и материально-техническое снабжение, банки, сфера услуг. Министерство торговли включило в свою структуру предприятия потребительской кооперации.

Функции самих министерств и ведомств были определены таким образом, что они становились «неприкасаемыми» государствами в государстве. Вся их конструкция была просто несовместима с рыночными преобразованиями. Нельзя сказать, что все это делалось по недомыслию. Формальные аргументы выглядели порой убедительно: обеспечить в переходный период (без пояснения от чего к чему) сохранность государственной собственности, ее эффективное функционирование в интересах народа и тому подобная совковая фразеология. На самом же деле речь шла о скрытом соперничестве между «старыми» и «новыми» чеченцами за экономический и политический передел республики, проходивший под лозунгами защиты интересов молодого независимого государства. Такая показная государственность служила и тем, и другим не только пропуском к Дудаеву, но и основанием для завышения финансовых запросов в проектах модернизации производства. Источники инвестиций, к примеру, они видели за пределами «своих» отраслей, чаще всего в государственном бюджете или в налоговых льготах. Возобладание такого мировоззрения не могло не породить принципиальных разногласий по вопросу о частной собственности.

В отвлеченном смысле против частной собственности никто не выступал, но почти все руководители считали, что подведомственные им отрасли к приватизации не готовы. Раздел земли в частную собственность, особенно пахотной, исключался вовсе, что традиционно объяснялось малоземельем. Пожалуй, это был единственный вопрос, не вызывавший резких разногласий. Моя позиция сводилась тогда к тому, что необходимо провести референдум по вопросу о частной собственности вообще и на землю, в частности. Было видно, что большинство руководителей, привыкших и приросших к совершенно иной системе ценностей, не могут в одночасье отказаться от нее и взять на себя ответственность за возможные последствия перемен. Референдум же мог снять многие проблемы. Конечно, истину большинством голосов не определяют, но референдум позволил бы получить во всяком случае более или менее достоверный расклад общественного мнения, позволил бы определить основные направления реформы собственности.

Однако идея референдума не получила одобрения ни у президента, ни у парламента. Мне даже показалось, что мнение большинства простых людей по этому вопросу никого всерьез не интересует. Дудаев, как выяснилось позже, с самого начала имел особый взгляд на многие жиз-

ненно важные проблемы, включая вопросы собственности, и менять его не собирался. После трехлетних всяческих ухищрений, выдаваемых за размышления, Дудаев отверг в принципе идею разгосударствления и приватизации государственного имущества.

Что касается парламента, то его позиция основывалась как бы на изначальном недоверии к любому правительству, допущенному к проведению реформы собственности. Поэтому не случайно, что одним из своих первых постановлений парламент запретил приватизацию, сославшись на отсутствие закона!

Таким образом, позиции всех ветвей власти в рассматриваемом вопросе совпали, хотя и исходили они из совершенно различных оснований. Идти к ним с программой приватизации не имело смысла. Вместе с тем было очевидно, что в низовых звеньях экономики процесс приватизации, начавшийся еще в советское время, продолжается. Остановить его уже не смог бы никто. На этом я и сделал основной упор при разработке первой официальной правительственной программы. Предлагалось утвердить план проведения так называемой малой приватизации в сфере бытового обслуживания населения, розничной торговли, общественного питания и автотранспорта. Большинство предприятий в этих отраслях должно было перейти в собственность их трудовых коллективов на основе выкупа, в том числе и в рассрочку, но с условием, что в течении 3-х лет не произойдет смены профиля приватизируемого предприятия и не будут допускаться произвольные увольнения его работников. Вырученные средства планировалось направить во внебюджетные фонды для реформирования социальной сферы и создание рыночной инфраструктуры.

Что касается большой приватизации, то ее предлагалось провести на основе конституционного закона «О собственности в Чеченской Республике».

Другая особенность предложенной программы заключалась в том, что она допускала временное вхождение Чеченской Республики в российское экономическое пространство на особых условиях — на условиях участия России во взаимовыгодных структурных и технологических преобразованиях чеченской экономики.

Кому доверить чеченские реформы?

После долгих обсуждений и правок в правительстве программа вместе с проектом первого государственного бюджета Чеченской Республики была представлена в парламент. Оба документа были утверждены в их основных позициях, но руководство их претворе-

нием в жизнь было сопряжено с появлением массы непредвиденных обстоятельств — сказывался фактор борьбы за власть в правительстве.

Речь идет о неожиданном освобождении меня от должности первого заместителя председателя правительства. Вот как это происходило. 11 мая 1992 года я прибыл на очередное заседание правительства. Зашел, как всегда, к президенту, чтобы уточнить повестку дня и внести коррективы в проекты отдельных постановлений. Дудаев, сославшись на занятость, поручил мне (как и во многих других случаях до этого) вести заседание правительства, сказав, что придет на заседание как только освободится. Каково же было мое удивление (чтобы не сказать больше), когда у входа в зал заседаний меня перехватил управляющий делами мамодаевского аппарата и с ехидной ухмылкой протянул мне указ президента о моем освобождении с должности первого заместителя председателя правительства и назначении на нее Я.Мамодаева. Из зала уже доносился его голос, а по обрывкам фраз я понял, что заседание правительства началось и что ведет его новый первый вице-премьер. Некрасивая история, но в ней был весь Дудаев. Он все знал, но не предупредил меня ни о чем, не сделал ни малейшего намека. Дудаеву важно было публично столкнуть меня с Я.Мамодаевым, с которым у него самого складывались антагонистические отношения. Я рванул было к президенту за разъяснениями, но, поостыв, передумал и направил ему по курьерской почте довольно резкое заявление об отставке с должности министра экономики и финансов, которая еще сохранялась за мной.

Я возмущался не самим решением президента (в конце концов это его право, да и мне уже было не под силу совмещать две такие ответственные должности), а тем, как было обставлено его исполнение. Через пару дней меня пригласили принять участие в работе президентского совета, где мое присутствие не было большой необходимостью. В перерыве помощник президента М.Саламов предупредил меня, что сразу после заседания президент хочет поговорить со мной. Разговор получился нелегкий. Президент объяснил случившееся происками Я.Мамодаева, которому, мол, до такой степени не терпелось приступить к исполнению возложенных на него новых обязанностей, что завладел каким-то неведомым образом президентским указом и сорвал тем самым нормальный ход развития событий. Странное, конечно, объяснение, но еще более странным показалось мне то, как Дудаев обосновал свой выбор кандидатуры Я.Мамодаева. Во всем, видите ли, была виновата утвержденная на всех уровнях, в том числе и самим президентом,

правительственная экономическая программа, составленная под моим непосредственным руководством. Получалось так, что с этой программой президент разобрался только через месяц после ее одобрения.

Недостатком данной программы Дудаев назвал ее чрезмерную ориентированность на Россию и дал понять, что его новый заместитель предложил другую программу, которая больше отвечает национальным интересам Чечни. Речь, в частности, шла о том, что Я.Мамодаев нашел независимые от России источники инвестиций в чеченскую экономику в размере более 300 млн. долларов. Президент предложил мне снять вопрос о моей отставке с поста министра экономики и финансов, так как он хотел бы поручить мне разработку программы перестройки экономики на базе указанных денег. Я не стал скрывать свое, мягко говоря, неверие в басни насчет заморских инвестиций. Но, если и поверить в это, то наверняка у Я.Мамодаева была собственная инвестиционная программа. Кроме того, кто бы мог поручиться, что новую программу не ждет такая же участь, как и предыдущую? Дудаев продолжал настаивать на снятии вопроса о моей отставке, не выгораживая себя в вопросе о странных кадровых решениях вокруг моей персоны.

Чтобы как-то сгладить ситуацию и потрафить моему уязвленному самолюбию, Дудаев сказал (скорее в шутку, чем всерьез), что место в истории мне уже обеспечено, так как я являюсь первым чеченцем, назначенным на должность министра экономики (советский эквивалент — председатель госплана) и финансов в первом правительстве независимой Чеченской Республики. Действительно, до меня на должность «главного экономиста и финансиста» республики чеченцев никогда не назначали. Эти должности входили в число тех, которые были прочно закреплены за представителями русскоязычного населения.

Крах инвестиционных ожиданий

Просьбу президента я уважил, но поставил условие, что подчиняться отныне буду лично председателю правительства и больше никому. Договорились также о том, что я представлю в правительство программу освоения иностранных инвестиций, обещанных Я.Мамодаевым. Кто хоть мало-мальски знаком с проблемой иностранных инвестиций, поймет, что все эти разговоры вокруг инвестиционных программ были смешной глупостью,

ибо подобного рода проблемы так не решаются — не тот стиль и не тот масштаб. Тем не менее мое очередное примирение с президентом состоялось и завершилось совместным ужином в его служебном кабинете на девятом этаже знаменитого Президентского Дворца.

Свое слово я сдержал. Программа структурной перестройки чеченской экономики ценой в 200-250 млн. долларов была готова к концу 1992 года. Это был плод коллективной работы не только грозненских ученых и практиков, но и специалистов из других стран СНГ, в том числе и из России. Целевой функцией программы стало достижение относительной экономической самостоятельности Чеченской Республики на базе развития здесь современных и трудоемких технологий экспортной ориентации.

Что касается Я.Мамодаева, то свою деятельность на новом месте он начал с того, что одним махом отменил буквально все постановления и распоряжения, принятые правительством с 1 марта 1992 года, то есть с момента его официального существования. Смысл такого неправомерного поступка был прост: Я.Мамодаева интересовали в основном правительственные решения, связанные с распределением ресурсов, в том числе и нефтепродуктов. Однако вычленять такие решения из совокупности других решений — значило бы раскрыть свои карты. Поэтому отмене подверглись все решения правительства, включая и те, что были подписаны непосредственно президентом. Реакция последнего не заставила себя ждать — появилось распоряжение, восстанавливающее все прежние распорядительные документы правительства и отменяющее мамодаевское постановление. Впоследствии, вплоть до отставки кабинета министров в апреле 1993 года, отмена распорядительно-нормативных документов, принятых новым первым вице-премьером, стала для президента обычным делом — это свидетельствовало о невозможности слаженной работы существовавших правительственных структур.

Я.Мамодаев понимал, что в силу его натянутых отношений с парламентом (первый вице-премьер был едва ли не единственным членом правительства, который занял эту должность без согласия парламента) ему вряд ли удастся добиться пересмотра уже утвержденной правительственной программы, и поэтому пошел на маленькую хитрость — не отменяя программы в целом, внес в нее всего две позиции, а именно: пункт об иностранных инвестициях, как источнике переустройства экономики, и пункт, разрешающий не только малую, но и сколько угодно

большую приватизацию без всяких исключений.

Не знаю блефовал ли Я.Мамодаев или на самом деле поверил в приток инвестиций, но впечатление создавалось такое, что данная тема муссировалась им только для того, чтобы вернуться во власть и реализовать собственную программу приватизации государственного имущества. Как ни странно, иллюзии, связанные с зарубежными инвестициями, оказались очень устойчивыми. Они дурманили наше воображение до войны. Не изжит самообман и сегодня. Как-то я подсчитал, что сумма всех внешних инвестиций, обещанных Чеченской Республике в 1992-1994 годах составила свыше 1 млрд. долларов. На самом деле ни одного доллара нам никто не дал и не мог дать, так как наша экономика оставалась не только социалистической, но и автаркической, существуя одновременно как бы в двух измерениях — сама по себе и вместе с тем в пределах российского экономического пространства. В социализм, как известно, капиталисты деньги вкладывают крайне неохотно, а коммунистов с инвестиционным потенциалом в мире практически не осталось.

Мало того, почти все так называемые инвесторы пытались нажиться за счет чеченского бюджета. К примеру, мамодаевская дружба с японцами закончилась созданием общества японо-чеченской дружбы и обильным застольем в кафе «Чехкар» по этому случаю. Председатель этого общества с японской стороны получив от Я.Мамодаева 50 тыс. долларов якобы для формирования в Японии прочеченских настроений, отбыл в Токио и был таков, а хозяин упомянутого кафе долго ходил по коридорам власти, добиваясь оплаты счетов за дружественный обед с японцами.

Аналогичная история случилась с У.Имаевым, причем дважды. Первый раз его обманули международные аферисты, представившиеся доверенными лицами несуществующей немецко-швейцарской финансовой группы, якобы изъявившей желание «инвестировать» в чеченскую экономику. Кредитный договор, подписанный с этой группой на 250 млн. долларов, обошелся бюджету республики в 150 тыс. долларов, выплаченных за посреднические услуги одному бывшему натовскому генералу. Получив посреднические, генерал пытался скрыться, но был задержан и посажен в лозаннскую тюрьму, а кредитный договор оказался на самом деле липой, хотя и очень высокого качества.

В другой раз У.Имаева провели турки. Получив от председателя Национального банка Чечни 500 тыс. долларов в виде аванса по договору о печатании чеченских денег, «упол-

номоченный» турок уехал выполнять заказ, долго затем морочил всем голову, а потом и вовсе пропал бесследно. Уверен, что во всех этих случаях не может быть и речи о нечистоплотности названных руководителей. Просто наша неопытность в подобного рода делах, доверчивость и дремучая наивность, граничащая часто с глупостью, открывали широкое поле деятельности для международных аферистов.

Я сам однажды чуть было не влип в аналогичную историю, когда поверив солидным, на первый взгляд, западным бизнесменам подготовил для передачи им долговые обязательства правительства под будущие кредиты на очень выгодных условиях. Однако именно подозрительная «щедрость» партнеров по переговорам и вызвала недоверие к ним. После детального изучения ситуации выяснилось, что перед нами отпетые аферисты, провернувшие уже немало грязных дел в Африке и Латинской Америке. К слову сказать, представители так называемого цивилизованного мира (по крайней мере те, что наведывались в Чечню) отличались в человеческом плане крайней циничностью и, как ни странно, ценили в своих деловых партнерах вовсе не открытость или честность, а расчетливость и жадность. Степень их уважения к нам находилась в прямой зависимости от нашего умения торговаться с ними. Меньше торгуешься — меньше уважают, и наоборот. Нам же торговаться дотошно, доходя до мельчайших подробностей о будущей сделке, не позволяло наше ложное представление о такого рода вещах вообще и о наших партнерах в частности.

Как и следовало ожидать, программа структурной перестройки чеченской экономики, составленная в расчете на заморские инвестиции, оказалась не востребованной. Это и понятно — нет денег, нет и перестройки. Всякое напоминание об этом стало со временем сильно раздражать Дудаева и Я.Мамодаева. Постепенно их внимание сконцентрировалось на внутренних финансовых источниках экономического развития, прежде всего связанных с нефтяной промышленностью и приватизацией.

Такая негласная переориентация с внешних источников на внутренние была в сущности молчаливым признанием несостоятельности политики достижения суверенитета любой ценой. Однако сказать об этом вслух они не могли. Поэтому Дудаев напирал все больше на «крохоборство мировых политиков» и «сказочные богатства» чеченской земли, а Я.Мамодаев, как циничный прагматик — на нормализацию отношений с Россией.

Изъездив Европу и Азию, он в конце концов пришел к выводу о необходимости договариваться прежде всего с Кремлем. Мамодаевский проект соответствующего договора сохранял Чеченскую Республику в российском экономическом пространстве, не отвечая прямо на вопрос о ее статусе. Между прочим, данный проект стал неким прообразом будущего федеративного договора Кремля с российскими национальными республиками. Другими словами, Я.Мамодаев выступал за приоритет построения основ экономической независимости Чечни, а Дудаев — полной независимости. В этом вопросе мои симпатии были на стороне Я.Мамодаева. Теперь, когда война сделала Чечню экономически еще более зависимой от России, чем когда-либо прежде, спор с президентом о приоритетах наполнился реальным для всех смыслом.

Но тогда, в первый год суверенитета многое представлялось по-другому. Идея полной независимости, витающая как призрак над Чечней несколько столетий, казалась многим не только рациональной, но и единственно возможной основой общенационального согласия, то есть национальной идеей.

КОЛЛИЗИЯ ВЛАСТИ

Дудаев или Мамодаев?

Усилению нестабильности в республике в значительной степени способствовала обстановка, сложившаяся в дудаевском окружении, которое никогда не было монолитом, а состояло из лиц, приближаемых к себе самим Дудаевым в зависимости от обстановки. Возвращенный во власть, но не удовлетворенный положением в ней, Я.Мамодаев продолжал накалять ситуацию, совершенно не заботясь о том, как это отразится на его отношениях с президентом и на состоянии власти вообще. Когда первый вице-премьер понял, что Дудаев не даст ходу его программе экономических реформ, прежде всего программе приватизации, им были предприняты меры по блокаде дудаевского влияния в правительстве. Не имея по закону права назначать даже заместителей министров, Я.Мамодаев стал назначать министров и более того — заместителей председателя правительства, председателем которого по Конституции являлся сам Дудаев.

Однажды на заседании правительства, где в отсутствие пре-

зидента шло обсуждение вопроса о криминогенной обстановке в республике, Я.Мамодаев, возмущенный, не без оснований, работой министерства внутренних дел, вознамерился здесь же освободить от должности министра внутренних дел У.Алсултанова и назначить на это ключевое место своего человека. В самый разгар споров, вызванных такой ситуацией, в зале заседаний неожиданно появился Дудаев. Он стремительно прошел через весь зал и, несмотря на приглашение занять место за столом президиума, демонстративно сел за отдельный стол, чем вызвал явное замешательство присутствующих — в поведении президента чувствовался особый смысл. Пробежав взглядом повестку дня, он недовольным тоном спросил у Я.Мамодаева, на каком основании тот собирается заменить министра внутренних дел, и тут же, не дожидаясь объяснений, сам ответил на свой вопрос: «Это не правительство, а настоящий балаган, — сказал он. — Собираетесь здесь тайком и плетете вокруг меня не то заговор, не то интриги. Такое правительство мне не нужно. Вреда от вас много, а пользы никакой. Я не в восторге от эмвэдэ, но решать, кому быть министром, а кому нет, буду только я один. Зарубите это себе на носу».

Я.Мамодаев пытался что-то объяснить, но Дудаев встал и направился к выходу. На призыв постоянно присутствовавшего на заседаниях правительства председателя Совета Старейшин С.-А.Адизова не уходить и продолжить обсуждение в спокойной обстановке Дудаев ответил: «Раньше надо было думать. Не по вашей просьбе я пришел сюда и не по вашей просьбе останусь здесь». После ухода Дудаева первый вице-премьер снял спорный вопрос с повестки дня, намекнув при этом недвусмысленно, что без его мамодаевской поддержки Дудаев не стал бы президентом и что он не позволит президенту командовать Кабинетом Министров как ротой солдат.

Через несколько дней Дудаев, как бы в отместку правительству, но главным образом, конечно, Я.Мамодаеву, присвоил министру внутренних дел, полковнику У. Алсултанову генеральское звание и лично вручил ему погоны на строевом смотре командного состава министерства внутренних дел. Правда, через год Дудаев все же освободил его от должности министра и назначил своим советником. Я.Мамодаев не оставил без внимания этот вызов. Не прошло и месяца как на очередном заседании правительства и опять-таки в отсутствие президента он вынес с молчаливого согласия большинства министров единоличное решение назначить Г.Санько и Х.Мараева замести-

телями председателя Кабинета Министров. На мое сомнение относительно правомочности таких решений, Я.Мамодаев ответил, что не хуже меня знает законы и что сам уладит с президентом этот вопрос, намекая, таким образом, на свои особо доверительные отношения с главой республики.

Однако мои сомнения оправдались. Дудаев метал гром и молнии. Он поручил У.Имаеву подготовить мотивированный проект распоряжения президента об отмене вышеназванных кадровых решений правительства. Когда такое распоряжение вышло, неистовал уже Я.Мамодаев, пригрозив неприятностями не только Дудаеву, но и У.Имаеву. Но в конце концов первый вице-премьер понял, кажется, что открытого пикирования с президентом ему не выиграть и сменил тактику.

Новый план блокирования функций Дудаева как премьер-министра сводился к созданию как бы параллельного правительства за счет непомерного и противозаконного расширения штатов и полномочий аппарата Кабинета Министров. Налицо был чисто аппаратный заговор. За короткий срок Я.Мамодаев довел численность подчиненного ему аппарата правительства до ста пятидесяти человек, что в три раза превышало штатную численность, утвержденную президентом. Структура аппарата была точной копией структуры самого Кабинета Министров — на каждое министерство по одному отделу. Что касается полномочий аппарата, то об этом лучше всего свидетельствовал пункт соответствующего мамодаевского постановления, в котором членам правительства предлагалось согласовывать свои решения с курирующим отделом аппарата правительства. По сути дела, правительство должно было стать придатком собственного рабочего органа. Надо отдать должное Я.Мамодаеву — его управленческое ноу-хау надолго парализовало работу Кабинета Министров. Дело порой доходило до нелепостей: в одно и то же время одна часть членов дудаевского правительства заседала под руководством своего премьер-министра, а другая часть — под началом первого вице-преьера. Раскол Кабинета Министров стал фактом.

Кульминационным моментом в противостоянии двух первых лиц правительства стала история, связанная с миссией Я.Мамодаева по предотвращению российско-чеченского конфликта в ноябре 1992 года. Подписав соответствующее соглашение со своим российским визави Е.Гайдаром, Я.Мамодаев в составе чеченской делегации возвращался ночью в Грозный, но на одном из блок-постов был задержан российскими десантниками. От них

Я.Мамодаев узнал, что якобы чуть раньше Дудаев с группой вооруженных людей совершил нападение на российских военнослужащих, разоружил их, избил и увел в плен. Я. Мамодаев поверил в это и расценил действия Дудаева как провокацию против себя лично и подписанного им мирного соглашения. Вернувшись в Грозный, он, вместо того, чтобы встретиться с Дудаевым и спокойно разобраться во всем, собрал экстренное заседание правительства, на котором охарактеризовал случившееся, как удар ему в спину. Помню как уже после этого заседания Я.Мамодаев, положив перед собой пистолет «ТТ», сказал, что никогда доселе не носил с собой оружия, но теперь вынужден вооружиться, так как не знает, с какого этажа правительственных зданий ему следует ожидать рокового выстрела. Намек на Дудаева был более, чем прозрачный.

Мир по-мамодаевски

Пагубность дальнейшего противостояния главных персонажей, в которое втянулся постепенно и парламент, была очевидной для всех. Споры ведь шли не о том, чей путь ближе к независимости, а о том, кто, какие именно силы будут управлять республикой в борьбе за независимость. Первым решил уступить, кажется, Я.Мамодаев. Во всяком случае, в феврале 1993 года, возвратившись из командировки в Москву, он попытался превратить день своего рождения в день всеобщего примирения, пригласив правительство и парламент на «совместное неформальное заседание» в одном из спецособняков МВД Чечни. «Примирение» проходило без участия Дудаева. Я.Мамодаев нервничал: отсутствие президента могло быть расценено не только как срыв мирных начинаний, но и как личное неуважение к виновнику торжества. Во втором часу ночи, когда большинство гостей уже разъехалось по домам, а оставшиеся поняли, что президент все-таки не придет, Я.Мамодаев поднял благодарственный тост за всех, кто откликнулся на его приглашение, и выразил сожаление, что президент не смог приехать. На обратном пути Я.Мамодаев пригласил меня в свою машину и здесь его оценки по поводу поведения президента звучали уже более конкретно. «Президент сделал сегодня свой окончательный выбор», — повторил он несколько раз. Но Я.Мамодаев ошибся. Только мы вырулили с проселочной дороги на автостраду, как

встретили идущую навстречу колонну машин во главе с президентским линкольном. Я.Мамодаев пересел в него. О чем он говорил с президентом я не знаю, но приехали мы домой к Я.Мамодаеву. Гостеприимные домочадцы мгновенно накрыли праздничный стол и «заседание» продолжилось до самого рассвета.

Дудаев, как всегда, не пил, говорил и ел мало. Было заметно, что находится он здесь скорее по необходимости, чем по желанию. Позже я узнал от ближайшего и влиятельного помощника президента М. Саламова, что это именно он уговорил своего шефа нанести визит к Я. Мамодаеву. Думаю, что это была их последняя встреча вообще. Возможно она оттянула развязку в их взаимоотношениях, но избежать окончательного разрыва было уже невозможно — слишком далеко они зашли в противостоянии. Через два месяца Дудаев приостановил деятельность парламента, распустил правительство и собрание грозненских депутатов. Я.Мамодаев отказался признать эти указы на том основании, что его назначение в правительство было проведено персональным указом, и заявил, что отставка должна быть поэтому оформлена не общим, а персональным указом. Дудаев учел это пожелание и в соответствующем указе фамилию своего первого заместителя поставил на первое место — он сознательно шел на окончательный разрыв.

Я.Мамодаев в долгу не остался. Войдя в союз с ненавистным ему доселе парламентом, он объявил о создании так называемого правительства национального доверия. Впоследствии, выдавая себя за законного премьер-министра Чеченской Республики, он занимался тем, что обычно называется авантюризмом и аферизмом. Ему, в частности, удалось убедить в своей легитимности азербайджанские власти и «представлять» Чеченскую Республику на церемонии официального вступления в должность президента Азербайджана Гейдара Алиева.

Однажды в руки Дудаева попали копии финансовых долговых обязательств, которые Я.Мамодаев пытался пустить в оборот для привлечения под них в экономику Чечни ... азербайджанских инвестиций. В адрес всех потенциальных инвесторов была немедленно отправлена телеграмма, в которой Дудаев разъяснял, кто такой на самом деле Я.Мамодаев и предупреждал, что законное правительство Чеченской Республики не будет отвечать ни по каким обязательствам так называемого правительства национального доверия. Так завершился полуторогодичный мамодаевский период дудаевского правления. Ни ожидаемых зарубежных инвестиций, ни социально-экономических реформ,

ни обещанного улучшения положения граждан, а тем более консолидации чеченского общества этот период не дал. Вся энергия основных политических сил была затрачена не на созидательные цели, а на взаимную борьбу друг с другом. И не стоило бы говорить о данном периоде так подробно, если бы не один необходимый вывод — мы не сумели тогда подняться над своими амбициями и превратили «весь пар» в такой политический свист, что отзвуки его слышны и по сей день.

Секрет дудаевского долготерпения

Трудно сказать, в чем заключалась истинная причина дудаевского терпения относительно мамодаевских проделок. Говорили, что всеислие первого вице-премьера объяснялось тем, что якобы Дудаев обязан ему своим прохождением во власть. Дудаев это отвергал. Не отрицая роль Я.Мамодаева в событиях 1991 года, он интерпретировал ее в том смысле, что помогали тогда многие, но не ему лично, а народу в его борьбе с советской властью.

В принципе президент мог быстро разобраться с любым неугодным ему чиновником. Однако когда дело касалось Я.Мамодаева президент как бы преображался и независимо от того, что он думал о нем в действительности, мог неожиданно для всех даже взять под защиту своего первого заместителя, направляя воинственно-критическую риторику в адрес иных должностных лиц. Один характерный случай. На последнем перед отставкой заседании правительства в апреле 1993 года Дудаев обвинил во всех бедах, случавшихся в республике, меня и тогдашнего председателя Национального банка А.-Р.Закаева. Было сказано, что мы, вступив в тайный сговор «с крахократами», сознательно ухудшали финансово-экономическую обстановку с тем, чтобы вызвать сомнение в правильности курса на независимость. Кого он имеет в виду под «крахократами» и что мы с А.-Р.Закаевым могли поиметь от союза с ними, Дудаев не раскрыл. Видимо, он понимал, что инкриминировать нам другие «грехи» (например, погоню за высокими должностями) было бы просто нелепо. Интересно, что точно такое же обвинение выдвинул в мой адрес и Я.Мамодаев. Он заподозрил, что по заданию Дудаева и в силу личной обиды, я провожу такую политику, которая направлена на подрыв авторитета первого вице-премьера. Всеобщая подозрительность была в ту пору нашей обычной нормой жизни.

После подобных публичных обвинений я мог рассчитывать на

место разве что в тюремной камере. Между тем при формировании очередного правительства, вопреки всяким ожиданиям, Дудаев предложил мне занять ту же должность, что и в прежнем правительстве. Вместо А.-Р.Закаева на должность председателя Национального банка был назначен У.Имаев. Думаю, что не последнюю роль в таком решении сыграло стремление президента создать в новом правительстве сильную систему сдержек и противовесов. Что касается поварных обвинений в мой адрес о сознательном подрыве экономической обстановки, то я расценивал этот акцент на «сознательность» как признание моей неспособности работать «тяп-ляп» — выходило, что если я и делал что-то не так, то не по причине некомпетентности, а исключительно по «злому умыслу».

О месте и роли министерства экономики и финансов свидетельствует и такой факт. За три года работы в должности министра не припомню ни одного заседания правительства, в повестке дня которого не стояло бы как минимум 2-3 вопроса, подготовленных к обсуждению под моим непосредственным руководством. Дудаев сам обратил на это внимание, сказав однажды, что 90 процентов всех вопросов, выносимых на заседания правительства, готовятся в министерстве экономики и финансов. Бывали случаи, когда повестка дня целиком состояла из вопросов, подготовленных в моем министерстве. В свете этого понятно, что все обвинения в злом умысле и преднамеренном якобы искажении мною экономической политики строились на пустом месте. Если это не так, то ответственность за выработку неправильной и вредной экономической политики ложится не столько на меня, сколько на Кабинет Министров, ибо планы любого министерства обретали силу только после их одобрения в правительстве.

Самое интересное состоит, однако, в том, что реальное экономическое положение Чеченской Республике не было тогда таким, чтобы искать козлов отпущения или посыпать себе голову пеплом. Другое дело, что все положительное президент, как принято в таких случаях, записывал себе в заслуги, а все отрицательное относил на чужой, в том числе и на мой счет. На всех министров Дудаев завел учетные карточки, куда вносились данные об их служебной деятельности. Оказалось, что только сам глава правительства не имел замечаний или взысканий. Все остальные в чем-нибудь да провинились.

ПРЕЗИДЕНТСКОЕ ПРАВЛЕНИЕ — НОВЫЕ НАДЕЖДЫ

Фавориты известные, надежды новые

Недееспособность первого легитимного дудаевского правительства была очевидной с первых же шагов Я.Мамодаева на вверенном ему посту. Поэтому президент ждал удобного случая, чтобы распустить этот Кабинет Министров и назначить новый. Об этом говорит, в частности тот факт, что уже в феврале 1993 года, то есть за два месяца до роспуска Дудаевым республиканских органов власти, шло скрытое от посторонних глаз обсуждение состава нового правительства и его программы. В качестве консультанта по этим вопросам (по другим данным — в роли кандидата на должность первого вице-премьера) выступал М.Дошукаев — один из тех немногих хозяйственников советского типа, которые сумели вовремя перестроиться и обеспечить нормальную работу крупного предприятия «Силуэт». Его деловые качества были подмечены давно. Не случайно он стал министром местной промышленности и потребительских товаров в последнем советском правительстве Чечено-Ингушетии, хотя о самом правительстве был невысокого мнения. Все это так. Однако информация о том, что именно М.Дошукаев консультирует президента по вопросам формирования нового правительства, крайне удивила меня.

Дело в том, что при формировании первого правительства Дудаев, несмотря на мои многократные ходатайства, полгода отказывался назначать его министром, не называя при этом никаких причин. Кое-что прояснилось позже, когда отношения М.Дошукаева с некоторыми деятелями из ближайшего президентского окружения, в частности с У.Имаевым, накалились до предела. Одно время я не придавал этому значения, так как в окружении президента мало кто вообще мог похвастаться хорошими отношениями с У.Имаевым. Кое-что последний разъяснил сам. Однажды, после очередного пикирования с М.Дошукаевым, он в порыве разоблачительной страсти (зря что ли юрист?) показал мне документ, «компрометирующий» политический облик М.Дошукаева. Речь шла о письменном обращении трудового коллектива объединения «Силуэт», возглавляемого в

то время М.Дошукаевым, в Верховный Совет РСФСР в октябре 1991 года, где содержалась просьба восстановить в республике законность и правопорядок. Подпись лица, подписавшего якобы документ от имени коллектива, была неразборчивой. «Где же здесь криминал? — спросил я У.Имаева. — Таких обращений тогда было много. Ты и сам выступал в тот период против Джохара Дудаева.» «Ничего подобного, — ответил он, — я выступал не против Дудаева, а против Общенационального конгресса чеченского народа, как органа незаконно узурпировавшего властные функции. Кроме того, я никого не призывал к наведению порядка». Вот такие юридические нюансы! Затем последовал недвусмысленный намек на то, что он, У.Имаев, может достать компромат практически на всех членов правительства. Я лично за собой «хвостов» не знал и потому сделал для себя исключение. Не знаю, в этой ли связи или нет, но очень скоро с разрешения президента в мое министерство нагрянула комиссия правоохранительных органов для проверки фактов о финансовых нарушениях. Таких фактов комиссия не нашла, чем, видимо, сильно огорчила инициатора проверки. Во всяком случае, выступая в правительстве, президент, не называя фамилий, недобро «похвалил» некоторых министров за их умение находить «общий язык» с контрольными комиссиями и выходить сухими из воды.

Возвращаясь к разговору о роли М.Дошукаева в формировании третьего по счету правительства, надо сказать, что такие дела кому попало не поручаются. Значит, президент все взвесил. О серьезности его намерений говорит хотя бы то, что первые рабочие заседания теневого кабинета проходили не где-нибудь, а в служебном кабинете М.Дошукаева на территории того самого объединения «Силуэт».

И все-таки Дудаев и тут остался верен себе: в решающий момент, когда сразу после роспуска старого правительства надо было официально поручить кому-то формировать новый кабинет министров, он переменял свою позицию и избрал для этой роли другого человека. Им стал М.Мугадаев — личность в республике не менее известная, чем М.Дошукаев. Исколесив весь бывший Союз в качестве руководителя предприятий по прокладке нефтегазопроводов, он за несколько лет до событий 1991 года вернулся в Грозный в качестве управляющего трестом «Грозтрубопроводстрой» и завоевал большой авторитет, как специалист и управленец. Избирался даже делегатом одного из съездов КПСС

в Москве — факт биографии, коим в прежние времена могли гордиться на протяжении целых поколений.

В дудаевское правительство М. Мугадаев был приглашен вице-премьером по промышленности одновременно с Я. Мамодаевым в мае 1992 года. Тот факт, что почти все вице-премьеры оказались по основной профессии строителями, был воспринят в республике с легкой иронией — как начало строительства нового дудаевского общества. Если же говорить серьезно, то президент знал, что Я. Мамодаев работал когда-то под началом М. Мугадаева и что последний находился в близких дружественных отношениях с отцом и родственниками строптивного первого вице-преьера. Уверен, что помимо личных и деловых качеств М. Мугадаева при его назначении на должность вице-преьера не последнюю роль сыграла гипотетическая возможность влияния через него на Я. Мамодаева. Президент не ошибся. Определить степень этого влияния вряд ли возможно, но что оно было — это факт. М. Мугадаев не раз смягчал остроту обстановки, вызванную известным противостоянием его непосредственных начальников.

В роли куратора промышленности М. Мугадаеву удалось сосредоточить в своих руках реальную власть, которая периодически ускользала из рук вечно дерущихся Дудаева и Я. Мамодаева. Он был свой для директорского корпуса, что позволило ему без особых усилий оптимизировать структуру управления и наладить с руководителями ровные, деловые отношения, что не удавалось другим руководителям правительства. Главное — он был предсказуем, что всегда и везде ценится одинаково высоко. Кроме того, Дудаев знал, что за М. Мугадаевым стоит моральная поддержка командования шалинского танкового полка — единственной на тот момент организованной боеспособной структуры. Впоследствии Дудаев ревностно следил за тем, чтобы эта поддержка не переросла в реальный союз, но в конкретных условиях весны 1993 года иметь в команде человека, авторитетного не только среди гражданских, но и военных, значило обеспечить себе надежный тыл.

Президент рассчитал все верно. Конечно, поддержка в лице самого крупного в чеченском обществе бенойского тайпа была и М. Дошукаеву. Однако вопреки расхожему мнению, тайповый фактор не имел в политике Дудаева определяющего значения. Представителей тех или иных тайпов в его окружении было не больше, чем в правительствах советского периода. Думаю, что Дудаев вообще не знал о тайповой принадлежности по меньшей

мере половины своих министров. Как военный человек, Дудаев ценил не абстрактные возможности того или иного тайпа, а реальную силу (ума ли, опыта, мускулов на худой конец), которая очень часто не имеет никакого отношения к социально-племенной принадлежности ее носителя. Такая сила в апреле 1993 года за М.Мугадаевым просматривалась больше, чем за другими претендентами на роль правой руки Дудаева. И эта причина сыграла свою роль в его окончательном выборе в пользу М.Мугадаева — решение логичное, если учесть, что принималось оно в обстановке зарождения в обществе принципов военной демократии. Не исключено, что в более спокойных условиях президент остановил бы свой выбор на ином человеке такого же калибра, но не связанного никакими нитями с военными структурами.

Наученный горьким опытом, президент застраховался на всякий случай от возможных колебаний политических настроений. Одни и те же факторы в зависимости от обстоятельств имеют, как известно, разную цену. И то, что было позитивным фактором в момент формирования нового правительства, могло стать фактором негативным после завершения этой работы. Осторожность Дудаева выразилась в двух моментах. Во-первых, поручая М.Мугадаеву сформировать правительство, он не сказал в своем указе ничего ни о его предыдущей, ни о его предполагаемой должности. «Поручить Мугадаеву» — и все. Во-вторых, и это самое главное, за такой формулировкой скрывалось намерение президента сделать пост первого вице-премьера вакантным надолго, если не навсегда, что на самом деле и произошло — кроме меня и Я.Мамодаева до войны на эту должность Дудаев больше никого не назначал. В итоге получился Кабинет Министров, который с большой натяжкой можно было бы назвать мугадаевским, так как все кандидатуры в министры согласовывались лично с президентом, а половина правительства вообще состояла из его назначенцев.

С одной стороны, такой нехитрый прием позволил президенту самому сформировать свое правительство, а с другой, мог позволить ему в случае возможных провалов, переадресовать неизбежную критику в адрес своего заместителя. Любопытно, что в процессе периодической рабочей перетряски правительства президент по собственной инициативе отправлял в отставку в основном своих же выдвиженцев, ставших министрами против воли М.Мугадаева. Неудачный подбор кадров президент объяснял плохой работой своих советников.

Новое правительство, в отличие от прежнего, имело реальные шансы стать командой реформаторов. Во-первых, М. Мугадаев согласился на формирование правительства, обставив свое личное участие в нем тремя требованиями программного характера, а именно: правительство цивилизованным образом будет искать согласия в чеченском обществе, а не уходить от него; необходимо наладить добрососедские отношения с близлежащими российскими регионами; приступить к проведению реальных реформ в экономике и социальной сфере. Дудаев с этими требованиями согласился. Во-вторых, структура правительства и его персональный состав отражали (насколько это было возможно) основные направления предстоящих реформ, включая реформу экономики, финансов, банков, управления, образования и здравоохранения. Если за условный критерий реформаторства взять отношение к рынку, то потенциальных рыночников в правительстве было больше, чем антирыночников. И, наконец, у Дудаева не было уже широкого выбора вариантов правления. Альтернативой предложенной ему общей программы действий могло стать либо топтание на месте, либо переход к созданию основ исламской государственности. Первое было бессмысленно и даже опасно дальнейшим углублением кризиса, а второе, хоть и было симпатично, но было невозможно, в частности из-за сильного ослабления за годы советской власти теократических корней и традиций в обществе.

Разработку проекта правительственной программы в обозначенных рамках, президент поручил мне еще до официального утверждения состава правительства. На мой вопрос, нужно ли доверять столь ответственное задание человеку, которого он, Дудаев, не далее как вчера публично обвинил во всех бедах республики, президент уклончиво ответил в том смысле, что разработчик программы не обязательно должен быть членом правительства и что я не единственный, кто будет заниматься этой проблемой. Потом я узнал, что такое же задание получили еще несколько человек. Подобное дублирование заданий — характерный стиль дудаевского управления.

Свой проект я представил в установленный срок, то есть 13 мая 1993 года. В конечном счете он и стал базовым. В его доработке участвовал весь кабинет министров, включая М. Дошукаева, назначенного вице-премьером по социальным вопросам. Часть его предложений и замечаний (кстати, весьма толковых) была учтена при окончательной редакции программы,

рассчитанной на два-три года, то есть на период президентских полномочий Дудаева.

Работа М.Дошукаева в составе данного правительства продолжалась около года и он первым из высшего руководства подал в отставку, выразив свое несогласие со стилем и методами правления президента, в частности с его попытками превратить полномочия вице-премьеров в предмет спекуляций и подковерной борьбы. Когда М.Дошукаев, зачитав свое неожиданное для многих заявление об отставке, покинул заседание правительства, Дудаев обвел взором оставшихся и со злой ухмылкой спросил: «Почуяли, что жаренным запахло? Кто следующий?» Следующие определились в ходе войны.

На самом же деле отставка М.Дошукаева свидетельствовала о существовании серьезных противоречий в окружении президента не столько по вопросам полномочий, сколько по стратегии и тактике борьбы за государственную независимость. Незаработанность этой проблематики всегда служила питательной средой для всевозможных политических игр. Недаром президент запретил государственным чиновникам состоять в каких-либо партиях и движениях. Однако показная политическая индифферентность чиновников не могла заменить собой ответы на принципиальные вопросы государственного строительства. Поэтому наряду с разработкой краткосрочной программы я настаивал на планировании долгосрочной стратегии развития на 15-20 лет, для чего предлагалось создать специальное министерство стратегического планирования. Я просил президента поручить эту работу мне, освободив от занимаемой должности. Дудаев обещал подумать. После мы несколько раз говорили с ним на эту тему, но он считал мою идею неактуальной. «Стратегия в руках Аллаха. Поэтому оставь эту затею и занимайся своим делом», — сказал он напоследок.

Основной вопрос экономической стабилизации

Главный вопрос, который не давал покоя при разработке программы стабилизации и на который предстояло дать ответ, можно было бы сформулировать следующим образом: на каких вообще принципах должна строиться чеченская экономика, имея в виду либо знакомый принцип государственного засилья на основе так называемой общенародной собственности, либо принцип свободной конкуренции в условиях господства частной собственности,

либо, наконец, принцип смешанной экономики на базе установления неких пропорций между государственной и частной собственностью? Эти очень непростые сами по себе вопросы обостряются особенно в условиях переходного общества, когда в сознании людей наметился отход от социализма советского типа, но не выработалось еще понимание того, как уйти от него, и, главное, куда идти дальше. В указе президента №27 от 17 апреля 1993 года было задано только одно условие — экономика должна обеспечивать независимость Чеченской Республики. Мало кто задумывался над тем, что эта стратегическая задача может решаться на совершенно различных принципах экономического устройства, обладающих неодинаковой привлекательностью в обществе, в том числе и на исламских принципах. Одно дело обеспечивать независимость на основе казарменного социализма и конфронтационной внешней и внутренней политики и совсем другое — на основе рыночных отношений и неустанного поиска согласия с внутренним и внешним миром. Что касается чисто исламских принципов, то вряд ли они могли бы стать отправными в светском обществе каковым было и остается чеченское общество.

Именно рыночная экономика и миролюбие были избраны нами в качестве конституирующих признаков предстоящей политики правительства. Миролюбие в обосновании не нуждалось — никто не мог выступить против него, по крайней мере публично. Что касается частной собственности и рыночной экономики, то бесспорным аргументом в их пользу была извечная тяга чеченцев не только к политической, но в еще большей степени к экономической независимости от кого бы то ни было, в том числе и от государства. Экономическая независимость чеченцев — вот генеральная идея, заложенная нами в программу правительства. Для ее реализации необходимо было выполнить несколько условий.

Первое. Надо было кончать с «чеченской робинзонадой», то есть с политикой, ведущей к изоляции республики от внешнего мира. Для этого планировалось возобновить переговорный процесс с руководством России, прерванный после неудачной попытки заключить двусторонний договор на основе «протокола о намерениях», подписанного в Грозном в январе 1993 года председателем парламента Х.Ахмадовым и российским вице-премьером С.Шахраем. Учитывая, что все предыдущие переговоры (Дагомыс — 1992, Москва — 1992-1993, Грозный — 1993) заканчивались безрезультатно в силу их заикленности на проблеме государственного суверенитета, предлагалось вынести временно

эту проблему за скобки переговоров, сконцентрировав внимание на менее общих, но не менее значимых вопросах двусторонних отношений, включая вопросы экономики, финансов, культуры и правопорядка. Подразумевалось, что решение частных вопросов существенно облегчит решение принципиального политического вопроса, ставшего камнем преткновения на переговорах. В программе прямо указывалось, что без разрядки напряженности в отношениях с Россией нечего даже и думать об успехе внутренних реформ. При этом центр тяжести в переговорном процессе предлагалось сместить с российского федерального уровня на региональный уровень, имея в виду связать, таким образом, Кремль системой многосторонних договоров. Эта работа велась и прежде, но без должного размаха. Тот факт, что Дудаев согласился с такой постановкой вопроса свидетельствовало о многом, в частности о заметных подвижках в оценке им реальной ситуации — ведь еще совсем недавно он был непреклонен, заявляя: «Не грехи, Россия, признай суверенитет!»

Второе. Программа недвусмысленно отвергала всякий популизм в социально-экономической политике, чем сильно увлекались предыдущие правительства и сам Дудаев. Это касалось прежде всего политики цен и тарифов, дотаций и субсидий, налоговых и иных популярных льгот за счет бюджета.

Третье. Планировался режим жесткой экономии материальных и финансовых ресурсов, в том числе и за счет оптимизации структуры управления народным хозяйством и оплаты труда, пересмотра устаревших правил и норм формирования специальных отраслевых фондов, включая фонды социального развития, страховые фонды, фонды НИОКР, амортизационные и иные фонды, оказавшиеся вне правительственного контроля и использовавшиеся предприятиями в целях завышения издержек производства и снижения базы налогообложения.

Четвертое. Был усилен блок реальной экономики — мероприятий по благоустройству населенных пунктов, техническому переоснащению некоторых отраслей и т. д. Речь велась, в частности о начале работ по сплошной телефонизации республики за счет введения в строй специального дорогостоящего оборудования, закупленного в США по контракту с фирмой «ФАДИ» на сумму около 3 млн. долларов. Примерно на такую же сумму планировался договор с германской фирмой «ВИРТГЕН» по закупке дорожно-строительного оборудования с целью реконструкции дорог с асфальтовым покрытием.

Контракт с американской фирмой «ЭНФОРС ЭНЕДЖИ» на сумму в 100 млн. долларов должен был вызвать революцию в нефтедобыче за счет как восстановления давно заброшенных скважин, так и горизонтально-наклонного бурения нефтеносных пластов. Договор с рядом французских строительных фирм должен был обеспечить проектирование, строительство и совместную эксплуатацию новой горной дороги из Чечни в Грузию (Шатили).

По личному указанию Дудаева в программу был записан пункт, обязывающий проведение капитального ремонта всех социально-благотворительных учреждений республики (дома для престарелых, детских домов и приютов и др.), их переоснащение и благоустройство прилегающих территорий. Начало реализации этих и других задумок должно было произвести не только технико-экономический, но и социально-политический эффект — люди, уставшие от пустых обещаний и утопических проектов (типа превращения Чечни в центр паломничества туристов или переброски чеченской нефти к грузинским морским портам через главный кавказский хребет), увидели бы, наконец, реальную работу правительства.

О значении, которое Дудаев придавал конкретно-созидательной политике, говорит тот факт, что все вышеназванные задумки, начиная от протокола о намерениях и заканчивая контрактами с инофирмами, он контролировал лично, в том числе и с выездами в штаб-квартиры этих фирм. Разумеется, все перечисленные программные установки являлись реформистскими в условном смысле. Скорее это были меры, призванные навести относительный порядок в постсоветском народном хозяйстве. Поэтому и назывался документ не программой реформ, а программой экономической и социальной политики правительства на 1993-1994 годы.

Вместе с тем большинство членов правительства понимало, что простой заменой одного монопольного государственного собственника (СССР-овского или РСФСР-овского) на другого, в данном случае ЧР-овского, невозможно будет добиться желанного «чеченского экономического чуда», что нужны кардинальные перемены в природе и структуре государственной собственности. Учитывая, однако, усиливающуюся на глазах просоциалистическую ориентацию Дудаева и неприятие им приватизационных идей, правительство пошло по пути планирования эволюционных преобразований в отношениях собственности, растянутых на несколько этапов до начала XXI века. На первых

порах мы обязывались создать первичную рыночную инфраструктуру, в частности осуществить подготовку специалистов банковского дела и маркетинга, биржевиков и менеджеров и т.д. К тому времени мы уже убедились, что переучить советский до мозга костей управленческий класс и адаптировать его к рыночным условиям практически невозможно, что его опыт хозяйствования сводится в лучшем случае к умению производить плановую продукцию, которую он может разбазарить, но не может продвинуть на современный рынок. Показателен его поведенческий тип: снижая объемы производства, он почти всегда уходит от проведения даже очевидных структурных преобразований на вверенных предприятиях, мотивируя это необходимостью сохранить любой ценой производство. Словом, была поставлена задача подготовить хотя бы «тонкий слой» рыночников-профессионалов, без чего мы, оставаясь в плену мифических представлений о самих себе как о поголовно-врожденных бизнесменах, не смогли бы не то что современный рынок построить, но и более привычный базар сохранить. Учебный этап работы планировалось завершить массовой пропагандой элементарных знаний о цивилизованных рыночных отношениях.

Непосредственный переход к рыночным преобразованиям мы думали начать с государственной поддержки так называемого малого бизнеса, создавая сеть семейных предприятий и фермерских хозяйств с привлечением их на конкурсной основе к реализации правительственных программ, связанных с благоустройством населенных пунктов, переработкой местного воспроизводимого сырья, производством сельскохозяйственной продукции и ширпотреба, торговлей, услугами. Только прямые государственные затраты на эти проекты были определены в размере одного процента ежегодных бюджетных расходов. Предусматривались также льготные банковские кредиты в пределах не менее 25-30 процентов всей годовой кредитной массы.

Задача была определена таким образом, чтобы к 2000 году довести удельный вес малого бизнеса в валовом внутреннем продукте до 15-20 процентов.

Вопрос о реформе собственности путем частичного ее разгосударствления, приватизации — планировалось решить ближе к 2000 году в соответствии с законом «О собственности в Чеченской Республике», проект которого был уже разработан на основе принципа смешанной экономики. Проект предусматривал, что за государством в конечном счете сохранится

собственность на недра, нефтеперерабатывающие и энергетические мощности (в случае интеграции с российскими предприятиями — собственность на контрольные пакеты акций), стратегическую инфраструктуру (дороги, связь), а также на объекты культуры, являющиеся общенациональным достоянием. Конкретная доля государственной собственности не устанавливалась, дабы не загонять себя в какие-либо схемы неэкономического свойства. Особняком стоял вопрос о собственности на землю. Лично я считал, что с экономической точки зрения земля является таким же производственным ресурсом, как и любой другой, и что кроме политико-идеологических соображений против частной собственности на землю вразумительных аргументов не существует. Но учитывая общественную значимость данного вопроса и устойчивый иммунитет, привитый коммунистами против частной собственности на землю, я настаивал на проведении по этому вопросу специального референдума, так как опора на результаты всенародного волеизъявления была бы единственно демократическим, а не бюрократическим способом разрешения земельных отношений. Однако в свете нового дудаевского тезиса о принадлежности чеченской земли Всевышнему вопрос о земельном референдуме автоматически отпал.

Наряду с программой экономического переустройства Чечни правительство занималось вопросами реформирования социальной сферы, включая прежде всего народное образование и здравоохранение. Эту работу Дудаев поручил своему заместителю З.Яндарбиеву. Разработанные под руководством вице-президента проекты реформ вызвали в республике живой интерес и были в целом одобрены правительством. Но приступить к их реализации не удалось из-за событий, происходивших в республике летом-осенью 1994 года.

«Новые» чеченцы о новом правительстве

По решению правительства основные положения проекта экономической программы были опубликованы в печати, но дискуссий, заслуживающих серьезного внимания, они не вызвали. Создавалось впечатление, что программу либо не понимают, либо она никого не волнует. Разрешить сомнения призван был «круглый стол», организованный министерством экономики и финансов. В обсуждении приняли участие ученые и практики, представители различных политических движений, не причастных, правда,

к антидудаевской оппозиции (она к тому времени ушла в условное подполье). В целом программа была встречена доброжелательно, а по отдельным ее недоработкам или спорным моментам договорились проводить регулярные консультации.

Однако не все участники обсуждения были настроены конструктивно. Речь идет, главным образом, о позиции, занятой так называемым кабинетом предпринимателей республики, представленным на «круглом столе» Р.Кутаевым и М.Сатуевым. Кабинет предпринимателей был создан в 1992 году для поддержки новых экономических структур. Помимо этой официальной цели была и неофициальная — превратить предпринимателей в конкурента действующему правительству. Как и в каких областях могла бы развернуться такая конкуренция, никто толком не знал, включая самих предпринимателей. По крайней мере никаких предложений и инициатив, связанных с реформированием экономики или социальной сферы, в правительство от них не поступало. Предложения типа классических «купи-продай» — не в счет. Р.Кутаев, выступивший едва ли не основным оппонентом правительственной программы, появился в поле зрения Дудаева зимой 1992 года. Так получилось, что свои экономические планы он излагал президенту в моем присутствии. Суть их заключалась в том, чтобы создать при президенте некий концерн и под залог его имущества привлечь в республику многомиллионные инвестиции. Согласно данного замысла, на баланс предполагаемого концерна с неопределенным правовым статусом надо было передать несколько сельскохозяйственных и промышленных предприятий республики, что было равносильно их приватизации. Понятно, что с такой задумкой Дудаев не мог согласиться. Тем не менее указ о создании концерна «Интеркавказ» при президенте он тогда подписал, но дальше этого дело не пошло — против выступили остальные предприниматели, усмотревшие в таком протекционизме нарушение принципа равных возможностей. Позже Р.Кутаев загорелся политическими идеями, в частности идеей созыва съезда чеченских тайпов для решения проблем стабилизации в обществе. Президент эту идею не поддержал, назвав ее для того времени вредоносной. Как критик, Р.Кутаев, не вдаваясь в подробности, отверг правительственную программу в принципе, назвав ее программой шулеров и удалился с «круглого стола», выразив, правда, на прощание пожелание перенести дискуссию на более широкую аудиторию в стиле политического телешоу «один на один».

У меня не было оснований уходить от публичных дискуссий и потому уже через два-три дня мы встретились с оппонентом в прямом эфире. В тезисной форме я изложил планы правительства. Р.Кутаев же обрушился с критикой в основном двух пунктов программы, выхваченных им из общего контекста, — приватизации и игорного бизнеса. Не могу назвать эту критику содержательной. Так, план приватизации отвергался на том основании, что он не устанавливает доли каждой чеченской семьи в общей стоимости всего государственного имущества и не предусматривает ее участия в управлении им. Смысл критики сводился к необходимости расчленения государственной собственности по этнически-семейному принципу и использования ее в ростовщических целях. Возможно такая идея и отдавала новизной, но в практическом плане была неосуществимой, а в политическом — вредной. И в самом деле, что значит вычленение доли отдельной семьи в стоимости государственного имущества? Ведь в рассматриваемом отношении семья семье рознь — в одних случаях (особенно на селе) в состав чеченских семей входят несколько поколений, состоящих из прадедов, дедов, отцов, сыновей и внуков, а в других (чаще всего в городах) — состав семей ограничивается одним поколением. Другими словами, объективно данное предложение могло бы привести к запланированной имущественной дифференциации чеченского общества со всеми легко предсказуемыми социальными последствиями. Я не говорю уже о мере допустимости среди чеченцев иждивенческих настроений, порождаемых самой возможностью существования за счет стрижки купонов.

Не менее опасными были бы и политические последствия, связанные с созданием предпосылок этнической дискриминации в многонациональном чеченском обществе.

Другой пункт правительственной программы, вызвавший неприязнь нашего оппонента, — это намерение правительства поощрять создание высокодоходных игорных заведений типа казино, тотализаторов и т.п. Р.Кутаев усмотрел здесь прямую угрозу непорочной общественной морали.

Счет нашего публичного поединка был, как мне кажется, в пользу правительства. Тем не менее я был благодарен кабинету предпринимателей и Р.Кутаеву за равнодушное отношение к деятельности правительства и возможность защитить в публичной дискуссии основные позиции программы Кабинета Министров. На следующий день, в ходе рабочей встречи, президент, смотревший эту телепередачу, поздравил меня с успешной

защитой политики правительства и пожелал успехов в ее реализации.

После многократного обсуждения с участием известных ученых и некоторых депутатов парламента, сохранивших лояльность президенту, правительственная программа (которая уже по счету!) была утверждена Дудаевым: Зная по опыту, что отношение Дудаева к подобного рода документам подвержено порой необъяснимым переменам, я прямо спросил его: не будет ли теперь извлечена на свет другая, более «национальная» программа? Он заверил меня, что этого не случится, так как сами по себе программы ничего не решают! Я согласился, не понимая еще, что в таком ответе кроется несколько иной смысл, чем тот, на который мне хотелось бы рассчитывать. Ведь для того, чтобы завалить программу не обязательно перебивать ее другой программой. Достаточно просто не давать ей ходу, делая все по собственному усмотрению и складывающимся обстоятельствам. Обстоятельства же формировались не только в результате хорошей или плохой работы дудаевского правительства, но и вследствие неадекватных, зачастую агрессивных действий нашей оппозиции.

ДУДАЕВ И ОППОЗИЦИЯ

Как Дудаев приласкал оппозицию

Не вдаваясь в подробности отношений, существовавших между властью и оппозицией, следует все же подчеркнуть несостоятельность расхожего мнения будто бы Дудаев не искал мира и согласия со своими оппонентами. Во всяком случае, глухим к этой проблеме он никогда не оставался, предпринимал шаги к примирению с теми кто зачислил себя в оппозицию, приглашая, например, ее представителей в правительство и другие государственные структуры. Так, младший брат небезызвестного С.Хаджиева занимал пост заместителя председателя в первом послереволюционном правительстве Дудаева. Он курировал весь топливно-энергетический комплекс республики. Позже его перевели на должность генерального директора крупнейшего в бывшем СССР химического комбината им. 50-летия СССР. В мае 1993 года Дудаев уволил его с этой должности, когда документально было доказано, что генеральный директор закупил на заводские деньги 200 единиц огнестрельного оружия, якобы для нужд охраны завода, состоявшей из 20 человек.

При проверке оружия на месте не оказалось. Возможно, оно ушло на вооружение оппозиции. Сам генеральный директор скрылся во избежание ареста. Дудаев постарался забыть эту некрасивую историю и в очередном правительстве на должность своего заместителя утвердил другого родственника С.Хаджиева, его шурина Р.Гайрбекова, поручив последнему курировать строительный комплекс. Однажды Р.Гайрбеков ушел на так называемую театральную площадь, где в то время проходил оппозиционный митинг, и обратно к Дудаеву уже не вернулся. Комментарий Дудаева был краток: «Как ни корми чужих волков, они все-равно бегут в свою стаю».

Доподлинно известно, что и сам глава оппозиционного «соединения» С.Хаджиев неоднократно приглашался Дудаевым в правительство, но тот отказался по «идейным» соображениям. Впоследствии Дудаев так охарактеризовал эти хаджиевские соображения: «Он хотел, чтобы я был президентом при нем и не лез в экономику».

Впрочем, такого рода соображения исходили не только от С.Хаджиева. Но Дудаев никому не уступал и делал это на законном основании — по Конституции Чеченской Республики президент является одновременно и главой правительства, хотя при изменении соответствующих конституционно-правовых норм, данное требование нельзя было бы назвать лишенным позитивного смысла. Не уступил Дудаев даже тогда, когда этого добивалась группа чеченских военачальников, включая легендарных Ш.Басаева и Р.Гелаева. Зимой 1993 года чеченские командиры выступили по местному телевидению и предложили Дудаеву сложить полномочия премьера и назначить на эту должность директора грозненского арендного завода по производству и реализации нефтепродуктов А.Албакова, считавшегося надежной опорой президента. Этот нажим также не имел успеха. А.Албаков, правда, утверждал, что Дудаев сам предложил ему должность премьера и не мог понять причину непоследовательности президента в данном вопросе. Но это были, что называется, «разборки» среди своих.

Отношения между Дудаевым и оппозицией развивались, естественно, в совершенно ином ключе. Сложность заключалась в том, что оппоненты Дудаева не позволяли себе, до определенной поры подвергать идею независимости прямой атаке, ограничиваясь общей критикой дудаевского режима, критикой вообще. Такая тактика позволяла им скрывать истинные цели своего движения. Публично Дудаева они ругали не за то, что он

проводил политику отделения Чечни от России, а за то, что делал он это импульсивно, грубовато, с ошибками, дискредитирующими якобы саму идею чеченской независимости. Пока оппозиция держалась в рамках такой общей критики у Дудаева не было желания отторгнуть ее от участия в управлении республикой. В данной связи мне вспоминается один эпизод, относящийся к ноябрю 1991 года, когда российский президент объявил о введении в Чеченской Республике чрезвычайного положения. В ночь с 8 на 9 ноября в приемной Дудаева я заметил известного оппозиционера А.Бугаева и его младшего брата. Оба были вооружены и заявили Дудаеву, что, несмотря на несогласие с методами его руководства, они готовы встать на защиту республики. Президент искренне приветствовал их патриотический, как казалось, порыв. Всю тревожную ночь братья провели на площади Свободы среди других добровольцев, демонстрируя готовность выступить против вторжения в Чечню советско-российских воинских формирований. Не пройдет, однако, и полугода, как они повернут оружие против Дудаева и не добившись желанной цели встанут на путь открытого подстрекательства России на силовую развязку чеченского вопроса. Впрочем, трудно сказать, в какой момент антидудаевская оппозиция переродилась в античеченскую.

О нацеленности Дудаева на разрядку обстановки говорит, на мой взгляд, и такой момент, относящийся к весне 1994 года, когда в Чечню приехал Р.Хасбулатов. Дудаев, несмотря на свои натянутые отношения с экс-спикером российского парламента, решил принять его в Грозном на подобающем уровне. В аэропорту Р.Хасбулатова встречали государственный секретарь Чеченской Республики А.Акулатов и помощник президента М.Саламов. Они официально пригласили Р.Хасбулатова в Президентский Дворец для встречи с Дудаевым. Однако Р.Хасбулатов уклонился от встречи, сославшись на усталость с дороги. Вечером того же дня этот бывший узник Лефортово развернул свою бурную деятельность с призывов к вооруженному восстанию «против тирании Дудаева». Вот такой «миротворец».

Как Дудаев умирил оппозицию

Свою первую вооруженную вылазку против дудаевской власти оппозиция предприняла ранним утром 31 марта 1992 года. Путчистам удалось на какое-то время захватить республиканский

телецентр и дом радио. Узнав об этом, я поехал к Дудаеву, который находился еще дома. Он был уже в курсе всех событий. Никакого волнения в его поведении не было. Позже я не раз замечал, что в наиболее критических ситуациях президент чувствовал себя намного увереннее, чем в обычное время. Там же у Дудаева я застал грозненского градоначальника Б.Гантамирова и других тогдашних дудаевских сторонников. Гости, как и хозяин дома, пребывали в таком состоянии, будто ничего необыкновенного в столице в это время не происходит. Время бежало за общими, на мой взгляд, малосодержательными разговорами. Я выдержал для приличия некоторую паузу, а затем предложил обсудить ситуацию. Б.Гантамиров тут же заявил, что все под контролем, необходимые меры предпринимаются и оппозиция через час-другой будет разгромлена. Кто мог знать тогда, что через год он станет одной из главных фигур оппозиции. Поздним вечером вооруженный мятеж действительно был подавлен. Без жертв не обошлось. Стало ясно, что на этом противостояние не закончится. Хотелось, конечно, верить в единство и братство, но это были иллюзии.

Дудаев, кстати, недовольный позицией отдельных членов правительства в оценке мартовских событий, призвал избавляться от иллюзий и работать в режиме усиления противостояния с врагами независимости — призыв, который до боли напомнил известный сталинский тезис об усилении классовой борьбы по мере продвижения к социализму.

Не берусь судить о всех причинах тех событий, но противостояние с оппозицией быстро приближалось к трагической развязке. Кульминация наступила в ночь с 4 на 5 июня 1993 года, когда с помощью вооруженных сил Чеченской Республики был разогнан не в меру затянувшийся митинг на площади перед драматическим театром в Грозном. Нет слов, митинг действительно мешал нормальной работе, усиливая изо дня в день свою агрессивную навязчивость. Ни о каких реформах и стабилизации в такой обстановке не могло быть и речи. Безусловно, нужна была разрядка напряженности, но ведь не ценой кровопролития. О недопустимости такого поворота событий президенту говорили многие, в том числе и члены правительства. Мне довелось быть свидетелем некоторых разборок ситуации, которые проводились в то время Дудаевым с представителями общественных и государственных организаций. Не считаю, что позиция президента была не конструктивной. Она сводилась к требованию

распустить митинг, а затем начать диалог по всем спорным вопросам. М. Мугадаев несколько раз ставил вопрос о назначении известных оппозиционеров Г. Эльмурзаевой и А. Бугаева на должности вице-премьеров соответственно по социальным вопросам и внешней политике. Мне показалось, что Дудаев был готов обсудить и решить этот вопрос в принципе, но без привязки к конкретным персонам, пока не будет распущен митинг. Свой миролюбивый настрой он даже решил продемонстрировать личным присутствием на оппозиционном митинге, куда, несмотря на поздний час, заехал по пути домой. Однако участники митинга, взвинченные собственными речами и слухами о намерении Дудаева разогнать митинг, расценили сей визит как начало расправы, запаниковали и в грубой форме попытались остановить президентский кортеж. В возникшей перестрелке был смертельно ранен племянник Дудаева. Еще через пару дней со стороны митингующих был обстрелян автомобиль в котором находился ближайший сподвижник президента И. Арсамиков с товарищем. Оба погибли на месте. Таким образом, под шумок разговоров о мире и согласии кровь пролилась еще до разгона митинга. Потом я часто слышал от многих, что Дудаев решил отомстить оппозиции за смерть близких ему людей. Думаю, что это не так. Конечно, он не был непротивленцем и пацифистом тоже, мог и отомстить, но в данном случае его решение прибегнуть к критике оппозиции с помощью оружия диктовалось иными соображениями.

О том, что Дудаев не драматизировал ситуацию и не склонялся к применению силы, свидетельствуют многие факты, в том числе и его деловые загранпоездки, предпринятые в те самые дни, когда оппозиция, перепуганная слухами о коварных замыслах правительства, лихорадочно вооружалась. На мой взгляд, каплей, переполнившей его нестойческое терпение, явился тайный сговор между лидерами митинга и тогдашним руководством министерства внутренних дел во главе с временно исполнявшим обязанности министра Ш. Лорсановым, который оказался в этой должности в результате «коллегиального» заговора, заговора коллегии данного органа власти против министра С. Албакова — сторонника и ставленника Дудаева. Члены коллегии в нарушение установленного порядка вынесли на свое заседание вопрос о недоверии министру, вменив ему в вину неспособность организовать борьбу с преступностью и массовыми беспорядками. Не известив президента, в отсутствие самого министра, коллегия

большинством голосов приняла беспрецедентное решение — отстранить министра от должности и просить президента утвердить данное решение. По всем понятиям это был заговор не только против неугодного кому-то министра, но и самого президента. Поговаривали, что нити заговора ведут к прежним друзьям Дудаева, включая Б.Гантамирова, который вознамерился протащить в кресло министра внутренних дел своего человека. Но о назначении на эту должность кого-либо из сторонников грозненского мэра не могло быть тогда и речи. Непродуктивными были бы и попытки сохранить в должности министра С.Албакова, против которого играли не столько его дела, сколько сама эта фамилия, ставшая непопулярной. Компромисс был найден в том, что С.Албаков ушел в отпуск с последующей отставкой, а временно исполняющим обязанности министра стал Ш.Лорсанов — профессионал с «туманными» политическими взглядами, что, впрочем, только помогало ему играть на два фронта. Именно он уверял президента в том, что потенциал митинга исчерпан и он сам развалится со дня на день — достаточно, мол, проиммитировать готовность власти к решительным действиям. По словам и.о. министра, для такой имитационной акции ему не хватает оружия и поэтому он просил у Дудаева разрешение довооружить милицию стрелковым оружием со спецскладов министерства внутренних дел. Дудаев, изначально не доверявший, как мне кажется, ни одному милиционеру, долго колебался, но затем дал разрешение, поставив условие — никакой стрельбы, никакого насилия. Вскоре выяснилось, что около 2 тыс. единиц стрелкового оружия перешло в руки оппозиции — получалось, таким образом, что Дудаев довооружил не милицию, а своих противников. Более того, работники министерства внутренних дел захватили в аэропорту самолет, доставивший из Грузии деньги проправительственных предпринимателей в размере около 200 млн. рублей и, несмотря на предъявленные документы и протесты сопровождающих лиц, доставили груз не в Национальный банк, а в кабинет и.о. министра внутренних дел. После долгих препирательств часть денег удалось-таки возратить в банк, а другую — милиционеры успели распределить между собой в качестве заработной платы. В сущности это был рэккет, приведший президента в ярость.

Милицию с тех пор Дудаев зачислил в пособники оппозиции и не давал ей покоя вплоть до начала войны, повторяя частенько, что многие беды идут как раз от милиционеров советского

типа и что чем меньше их будет, тем больше будет порядка. Следовательно, к силовому варианту разрядки Дудаева подвигла в какой-то мере сама оппозиция, но решение об этом принималось не в правительстве.

Узнав о трагических событиях, мы с М.Мугадаевым решили обратиться к Дудаеву за разъяснением, так как случившееся мира уже не гарантировало, а именно это и было одним из условий нашего участия в правительстве. М.Мугадаев изложил свои сомнения по этому вопросу в заявлении на имя Дудаева об отставке. Отставку президент отклонил, объяснив разгон оппозиционного митинга исчерпанием всех мирных вариантов и необходимостью нанесения превентивного удара. В противном случае, сказал он, такой удар нанесла бы нам оппозиция.

Он не лукавил — оппозиция вооружалась вовсе не для того, чтобы охранять свой митинг. В ее задачу входило осуществление государственного переворота. Тем не менее кровопролитие во время разгона митинга было недопустимо, ибо это открывало прямую дорогу к гражданской войне. Мы обеспечили тактический успех в ущерб стратегическому. Оппозиция была не разгромлена, а рассеяна, причем не в политическом, а в географическом смысле. Она переместилась из Грозного в Надтеречный район, организовалась в подобие самостоятельной силы и при военно-финансовой поддержке Кремля взяла курс на свержение существующей власти любой ценой. Через год оппозиция развернет фронтальное наступление, окончившееся 26 ноября 1994 года полным разгромом российских наемников, выступивших на ее стороне. Таким образом, было положено начало русско-чеченской войне 1994-1996 годов. Что такой исход возможен, мы допускали, но скорее в теоретическом смысле, чем практическом. Кто-то надеялся, что оппозиция уймется сама. Другие уповали на успех прямых переговоров Дудаева и Б.Ельцина, о возможности которых заговорили в 1993 году после октябрьского вооруженного разгона в Москве Верховного Совета Российской Федерации.

Случилось, однако, то, что случилось, и говорить об этом под углом зрения правых и виноватых не имеет смысла. Обе стороны показали, что они не доросли до высот, исключающих кровавую конфронтацию. Сейчас это очевидно, но тогда, одержав «победу», мы тешили себя надеждой, что сумеем использовать временную передышку для созидательной работы.

ПЛЮСЫ ПРЕЗИДЕНТСКОГО ПРАВЛЕНИЯ

Расчет по долгам

Кое-что нам действительно удалось сделать. Президентское правление, введенное в Чеченской Республике после приостановки деятельности парламента и конституционного суда, открывало исполнительной власти широкие возможности для проведения эффективных преобразований. Не собираюсь оправдывать уязвимый в юридическом отношении переход к чисто президентской форме правления, поскольку изменение закона, произведенное незаконным путем, до добра не доводит. Мы исходили из того, что временное ограничение демократии стало следствием навязанной президенту извне конфронтации. Кроме того, ущемление демократии на постсоветском пространстве имело место не только у нас. Это, конечно, слабое утешение для доморощенных спекулянтов от демократии, но это, как говорится, факт истории. Что касается практической (не путать с так называемой целесообразностью) стороны вопроса, то президентское правление позволило оперативно решать многие наболевшие задачи, в том числе и определенные правительственной программой. Прежде всего речь идет о проблеме несвоевременных выплат заработной платы, пенсий и пособий. Без решения таких проблем, без обеспечения социальной стабильности в обществе, не могли быть решены и другие задачи, стоявшие перед правительством.

Суть вопроса сводилась к следующему: как погасить уже образовавшуюся к тому времени задолженность по заработной плате, пенсиям и пособиям в размере 25-30 млрд. рублей и как добиться их своевременных выплат населению в будущем? Справедливости ради надо сказать, что данная проблема не была связана напрямую с правлением Дудаева. Четко она обозначилась еще в советское время. В 1989-1991 годах мне, как члену бюро грозненского городского комитета КПСС, приходилось возглавлять многочисленные комиссии, в задачу которых входила выработка рекомендаций для директивных органов по обеспечению своевременных денежных выплат населению. В начале 1991 года проблема обострилась настолько, что власти вынуждены были прибегнуть к графику погашения задолженности. Могу с уверенностью утверждать, что в революцию Чечено-Ингушская

Республика вошла имея многомиллионную (в масштабе цен того времени) задолженность перед населением.

Со временем все поймут, что рассматриваемая проблема носит не чисто чеченский, а постсоветский характер, что она затронула практически весь бывший Советский Союз, превратившись повсеместно в орудие политической борьбы. Однако такие аргументы не имеют, так сказать, замещающего характера и не могли поэтому компенсировать населению невыплату заработанных средств к жизни. К тому же, в Чечне в отличие от других регионов ситуация обострилась тем, что сбережения населения в учреждениях Сбербанка (не менее 5 млрд. рублей в масштабе цен 1991 года) были не только обесценены так называемой шоковой терапией, осуществленной российскими реформаторами, но и вообще конфискованы Сбербанком России в свою пользу. Вопрос этот, кстати, не решен и до настоящего времени и мог бы стать предметом возможных переговоров между Чечней и Россией.

Словом, мы оказались перед необходимостью принятия конкретных и эффективных мер. Соответствующую работу развернули по трем направлениям: упорядочение системы оплаты труда и социальных выплат, создание банка данных о численности и структуре рабочей силы и пенсионеров, введение новых форм пенсионного обслуживания и контроля за оборотом наличной денежной массы. Упорядочение системы оплаты труда и социальных выплат означало на самом деле переход от пестрой мозаики, царившей в этой сфере, к единым правилам и нормативам. Анализ показал, что советская тарифная сетка оплаты труда изжила себя, но взамен ничего не было предложено и поэтому в каждой отрасли хозяйства установились местечковые тарифы, не имевшие зачастую ничего общего с реальными затратами труда и финансово-экономическим положением государственных предприятий, учреждений и организаций. Так, средняя заработная плата на грозненском химическом комбинате им. 50-летия СССР была на треть выше, чем на соседнем нефтеперерабатывающем комбинате им. Ленина. Такой разрыв не вызывал бы сомнений, если бы не одно обстоятельство, а именно: химический комбинат из-за отсутствия сырья практически простаивал, в то время как нефтеперерабатывающий комбинат работал без остановки. В свою очередь, в целом по нефтяной отрасли уровень потребления в 1992-1993 годах был особенно высоким и просто несравнимым с потреблением в других отраслях, а по таким позициям, как мясо, масло, сахар, ценная рыба, мука,

электробытовая техника, нефтяники вышли на стандарты стран с развитой экономикой. Такой перекося объяснялся во многом ущербными для бюджета бартерными сделками нефтяников.

Разрыв в оплате труда наблюдался и среди государственных служащих. Так, заработная плата министра машиностроения и энергетики в шесть раз превышала заработную плату министра культуры.

Не было должного порядка и в организации пенсионной работы. Выяснилось, в частности, что пенсии в республике дифференцированы не только по трудовому, но и по партийно-государственному признаку. Так, пенсии бывших ответственных работников правоохранительных органов (НКВД-КГБ-МВД), напрямую причастных к массовым репрессиям против чеченцев, на порядок превышали средний уровень пенсий по республике. Согласиться с такой дифференциацией было трудно, но она имела место.

Когда я доложил в правительстве об этих и других аномалиях, выявленных в результате тщательного анализа, Дудаев, привыкший, как военный человек, к единообразию, приказал разработать новую систему оплаты труда на основе привязки заработной платы рядового работника к заработной плате его прямых и непосредственных начальников. Это была уже другая крайность, которая могла поставить заработную плату, скажем, известного и посещаемого артиста государственного театра, в зависимость от заработной платы директора театра или министра культуры. После долгих споров пришли к выводу, что в сложившихся условиях единственным способом правильного регулирования заработной платы работников являются не тарифные ставки или директивные ограничения, а обоснованный подоходный налог, построенный таким образом, чтобы его тяжесть возрастала по мере роста дохода. В противном случае правительству пришлось бы заморозить не только заработную плату, но и цены, что было ему явно не под силу.

Однако ломать в середине года налоговую систему было бы неразумно. Поэтому было принято решение в текущем бюджетном году пересмотреть лишь ставки окладов чиновников государственного аппарата всех уровней, начиная от президента и заканчивая районным инспектором образования, а со следующего бюджетного года ввести налоговые регуляторы заработной платы. Оклады государственных чиновников в 1993-1994 бюджетном году были установлены по регрессивной шкале от президентского оклада, равного 100 долларам в месяц. Оклад

министра, к примеру, был установлен в размере 75 долларов. В проекте правительственного постановления фигурировали и другие, более высокие ставки окладов (для президента 300 долларов), но Дудаев, как всегда, заподозрил «неладное». Он заявил, что министр финансов специально завысил заработную плату президенту, чтобы, отталкиваясь от нее, повысить оклады и членам правительства, и сам установил себе оклад в 100 долларов. Мои доводы, что низкооплачиваемый чиновник это приманка для коррупционеров, президент парировал короткой репликой: «Твоя зарплата будет в этом году в 25 раз выше минимальной зарплаты. Разве это низкая зарплата?» На первый взгляд все так и было. Президент забыл только, что сравнение наших окладов с минимальной заработной платой не совсем корректно в том смысле, что минимум это был лишь расчетной базой, а не реальной заработной платой. За такой мизер не то, что работать, разговаривать бы не стали. Дудаев смотрел на все скорее с политической точки зрения. Как же, он публично одернул нескромного министра экономики и финансов, призванного рачительно расходовать средства казны, и показал, что не потерпит вокруг себя расточительство и нескромность!

В действительности и собственное финансовое положение президента было, кажется, не из лучших. Во всяком случае, Алла Дудаева иногда названивала мне, намекая на то, что администрация президента опять осталась без заработной платы. Обыватель, конечно, учует здесь лукавство, но я то знаю, что президентская семья не шикovala.

Зато президент с ходу поддержал мою идею доплачивать из бюджета работникам науки и вузов в пределах 75-100 долларов ежемесячно в зависимости от уровня квалификации, то есть речь шла об удвоении окладов. Думаю, что Чеченская Республика была единственной, где ученым уделялось такое внимание. На соответствующей докладной записке Дудаев наложил резолюцию: «Согласен. Давно пора. Удивляюсь, что ученые терпят нас. В будущем надо создать спецфонд для поддержки тех ученых, которые работают по целевым программам переустройства республики. Возьми этот вопрос на проработку.»

Одновременно правительство пошло на серьезную структурную перестройку внутри самих министерств и ведомств, а также в администрации президента и в аппарате правительства, имея в виду сокращение численности управленцев. Президент взял этот вопрос под личный контроль, утверждая или, напротив, не утверждая

структуру и штатное расписание отдельных органов власти. За относительно короткое время (май-сентябрь 1993 года) управленческий аппарат республики сократился почти на 40 процентов, что более или менее соответствовало реальной экономической конъюнктуре. Под нож сокращений попали не только сами управленцы, но и обслуживающий их персонал, в частности водительский состав. Этому вопросу был посвящен президентский указ №1 за 1993 год. По нему чиновникам запрещалось иметь персональных водителей, оплачиваемых за государственный счет. Половина средств, сэкономленных на сокращении штатов, была направлена на повышение окладов штатных работников.

Сокращение штатов — это всегда и всюду болезненный процесс, а в наших условиях оно приобрело вдобавок и политический оттенок, ибо протекал на фоне только что закончившегося противостояния с оппозицией. Речь шла, в частности, о секретном списке лиц, состоявших на государственной службе и подозреваемых в связях с оппозицией. Эти люди подлежали увольнению в первую очередь. Недемократичность такой процедуры кадровых решений была настолько явной, что ее авторы предпочли остаться инкогнито, хотя нетрудно было догадаться, откуда дует ветер. Наряду с чиновниками, которых трудно было заподозрить в каких-либо политических пристрастиях, в списке оказалось немало таких, кто использовал служебное положение для распространения клеветы о существующей власти, волокиты и других форм саботажа нормальной работы.

Признаюсь, я не сразу и не очень-то поверил в существование элементов организованности в таких делах, но один случай убедил меня в обратном. Начальником канцелярии у меня в министерстве работал бывший партаппаратчик. Увольняясь с работы, он сообщил мне, что ему и еще нескольким сотрудникам министерства представители оппозиции предлагали большие деньги за копии документов, содержащих информацию для служебного пользования, особенно если она касалась президента и меня, как министра финансов. Канцеляриста пришлось отпустить, но на освободившееся место я назначил на всякий случай сотрудника службы национальной безопасности.

Другим важным направлением работы по наведению порядка в сфере оплаты труда и пенсионного обеспечения стала подушная ревизия занятых в народном хозяйстве и пенсионеров. Подозрения, что у нас завелись мертвые души, были давно, но только фронтальная проверка могла установить истинный

масштаб явления. Результаты этой работы повергли нас в шок. Выяснилось, что в целом по республике фактическая численность занятых на 30-40 тыс. человек меньше отчетной, что открывало широчайшие возможности для злоупотреблений. Руководители предприятий объясняли это несоответствие стремлением сохранить квалифицированные кадры в условиях неполной загрузки предприятий. В это можно было бы поверить, если бы уволенным работникам начислялась частичная, а не полная заработная плата. Особенно много мертвых душ оказалось в сельском хозяйстве, строительной индустрии, в многочисленных лабораториях и конструкторских бюро из породы «рога и копыта».

Не лучше выглядели пенсионные дела. В 1990 году в Чечено-Ингушетии проживало порядка 200 тыс. пенсионеров. Через три года, до основания потрясших республику, численность их осталась практически на том же уровне, что невозможно объяснить иначе как мошенничеством со стороны чиновников, поставленных решать пенсионный вопрос и решавших его, по мнению Дудаева, с погрешностями криминального характера.

По материалам ревизии было возбуждено два десятка уголовных дел. Многие руководители лишились своих должностей. Часть учреждений была переподчинена и реорганизована, включая службу социального обеспечения и пенсионный фонд. Обе структуры были слиты воедино и временно, до наведения относительного порядка, подчинены министерству экономики и финансов. Руководителей этих органов Дудаев освободил от должностей, обвинив их в нецелевом использовании пенсионных средств.

Аналогичную процедуру Дудаев намеревался провести и с департаментом труда, но внял моим просьбам и отложил решение вопроса до получения им материалов ревизии фонда занятости, образованного в 1992 году.

Денежная разверстка

Порядок с оплатой труда и в организации пенсионного дела являлся лишь достаточным условием своевременного погашения финансовых обязательств правительства перед населением. Необходимым же условием решения данной проблемы была такая постановка денежного обращения, которая, с одной стороны, сузила бы возможность неконтролируемого оттока наличных денег из банковской системы республики, а с другой — делала бы минимальной саму потребность в массе наличных денег. Задача

была если не уникальной, то, во всяком случае трудной, так как ее решение осложнялась банковской блокадой и отсутствием собственного печатного станка.

План правительства состоял в следующем: определить на территории России уполномоченные банки из числа тех, чьи филиалы имеются в Чечне, привязать эти филиалы к Национальному банку посредством резервирования на его корреспондентских счетах части их средств, сосредоточение расчетных счетов ведущих чеченских предприятий в указанных уполномоченных банках и проведение всех финансовых операций только через эти счета. Цель схемы заключалась в том, чтобы сконцентрировать в 2-3 крупных банках всю внешнюю дебиторскую задолженность наших предприятий, что дало бы возможность наладить регулярные выплаты заработной платы, пенсий и пособий и открыло бы доступ к кредитным ресурсам российских банков.

Первым уполномоченным банком чеченского правительства был определен «Кредо-банк», как имеющий опыт работы в Чеченской Республике. Однако из-за разногласий, возникших между руководством филиала «Кредо-банка» и Национального банка по ряду вопросов, реализовать вышеназванный план в полном объеме не удалось. Правда, осенью 1994 года с филиалом «Кредо-банка» был заключен договор о порядке и условиях хранения государственных средств, но из-за начавшейся войны реализация этого договора была сорвана, хотя кое-какие финансовые обязательства «Кредо-банка» перед чеченским правительством сохраняют силу.

Провал идеи с уполномоченными банками, обусловленный, на мой взгляд, нежеланием председателя Национального банка У.Имаева делить с кем либо контроль за денежными ресурсами чеченских предприятий, привел к необходимости действовать по чрезвычайной и примитивной схеме организации своевременных выплат заработной платы, пенсий и пособий. Речь идет о налично-денежной разверстке, то есть о директивном планировании для предприятий всех форм собственности объема выручки налично-денежной массы в расчете на неделю, месяц и квартал. Всю вырученную наличность предприятия обязаны были инкассировать в отделениях Национального банка в порядке, установленном президентским указом от 4 июля 1992 года. С еженедельным отчетом о ходе выполнения правительственных заданий выступал председатель Национального банка или его заместитель. Такая процедура позволяла держать вопрос

под постоянным контролем. Благодаря принятым мерам правительству удалось существенно сократить задолженность по заработной плате, пенсиям и пособиям, доведя ее по срокам до 2-3 месяцев, а в абсолютной величине до 10-15 млрд. рублей.

Подспорьем в этой работе стали меры правительства, связанные с удовлетворением потребительского спроса пенсионеров через специальные магазины, открытые во всех районах республики, благодаря в основном деловой хватке министра внутренней и внешней торговли Р.Джабраиловой. Отоваривание в магазинах производилось в пределах минимальной потребительской корзины, состоявшей из 19-20 товарно-продуктовых наименований. Средством платежа выступали чеки Сбербанка на суммы равновеликие накопленным пенсионным сбережениям граждан. Однако потенциал данной схемы был исчерпан уже через год, ибо рост цен и минимальной заработной платы приводили к необходимости планирования наличной денежной, а также товарной массы по нарастающей, что, в свою очередь, сильно ударило по интересам предприятий-доноров, лишая их возможности поддерживать в норме оборотный капитал. Кроме того, далеко не вся денежная наличность, инкассированная предприятиями в Национальном банке, использовалась последним для выплат населению. Так, один из заместителей У.Имаева выдал коммерческой структуре кредит в размере 1 млрд. рублей наличными. Вернувшись из командировки, председатель Национального банка ограничился увольнением своего провинившегося заместителя вместо того, чтобы отдать его под суд. Такие «проколы» приводили часто к тому, что предприятия, выполнившие план инкассации, не могли потом добиться от банка средств, необходимых для оплаты труда собственных работников. В сущности Национальный банк занимался тем, что перераспределял денежные средства своих подневольных клиентов, не оказывая им практически никаких банковских услуг. Поэтому попытки предприятий избавиться от опеки Национального банка стали столь частыми и откровенными, что конфликт их руководителей с У.Имаевым превратился в фактор постоянной напряженности.

Вспоминается период, когда директор грозненского завода по производству и реализации нефтепродуктов А.Албаков, ответственный за 80 процентов республиканского плана инкассации денежной выручки и ставший в какой-то момент объектом критики №1 со стороны Национального банка, от безысходности занялся

распространением среди членов правительства информации о том, будто бы главный банкир республики занимается вредительством, являясь ни много, ни мало — секретным агентом КГБ-ФСК по кличке «Феникс». Конечно, это не метод для выяснения отношений между должностными лицами, входившими формально в одну команду. Однако о проблемах А.Албакова никто слышать не хотел. Каждый рассуждал примерно так: сидишь на «черном золоте» — давай деньги или уходи. Между тем «главный нефтяник» был поставлен в довольно жесткие рамки. С одной стороны, он должен был обеспечивать еженедельно не менее 1 млрд. рублей наличными, не нарушая при этом правил ценообразования, а с другой — основное средство транспортировки нефтепродуктов — железная дорога — находилось в руках группы ростовских начальников, которые вместо 1 тыс. вагонов в сутки, необходимых для нормального функционирования нефтяного комплекса, подавали в лучшем случае 100 вагонов, то есть в десять раз меньше. Сознательно сдерживая производство, они добивались от наших руководителей за свои «уступки» щедрого вознаграждения в валюте или в виде нефтепродуктов.

Существовала негласная такса, установленная некоторыми российских железнодорожными чиновниками за каждую тонну горючего — от 1 до 3 долларов. Заложить этот «налог» в цену продукта нефтяникам не позволяли законы рынка, а соответственно снизить цену не позволяли законы республики. Поэтому нарушения были отчасти предопределены самой ситуацией, но это мало кого интересовало, особенно У.Имаева. Обвинения в свой адрес он категорически отверг, обвинив в сотрудничестве с российскими спецслужбами самого А.Албакова. Забавная, но весьма показательная перепалка!

Впрочем, слухи о том, что тот или иной деятель правительства связан с зарубежными спецслужбами, распространялись в окружении Дудаева постоянно. При этом никто не утруждал себя доказательной стороной дела, что превращало слухи о шпионах в предмет дежурных разговоров, рассчитанных на обывателя.

Вышеназванные меры по решению проблемы несвоевременных денежных выплат населению были обусловлены чрезвычайным характером ситуации и не годились для условий стабильно функционирующей экономики. Вместе с тем, оценивая ситуацию по заработной плате, пенсиям и пособиям, сложившуюся в России, которая для наших оппонентов являлась как бы негласным эталоном, можно смело и без всяких там комплексов утверждать,

что чеченское правительство, оказавшись по воле обстоятельств в замкнутых условиях, действовало адекватно и с несравненно большей пользой для населения, чем российское правительство, работающее в обстановке, практически не стесненной никакими ограничениями, кроме тех, что вызваны его собственной некомпетентностью и беспочвенной заносчивостью.

ФИНАНСОВЫЕ «ТАЙНЫ» ЧЕЧНИ

О «чеченском следе» в российских банковских махинациях

Финансовое положение дудаевской Чечни — тема настолько избитая, что кажется, ничего нового и сказать невозможно. И что удивительно, независимо от уровня образования и политических пристрастий пишущей братии из под ее пера выходит один и тот же пасквиль на заданную тему. Чего стоят, к примеру, расхожие домыслы об источниках финансового благополучия Чеченской Республики. Вот один их типичных образчиков «просвещенной» писанины, которую напечатала такая, вроде бы, демократическая газета, как «Общее дело» (15-17 мая 1997 года): «В течение 1992-1994 годов в различные учреждения России только от имени 9 банков ЧР поступило 485 фиктивных кредитовых авизо на общую сумму свыше 1 триллиона рублей.» Газета утверждает далее, что по этим фактам в России возбуждено более полутора тысяч уголовных дел. Материал, как и следовало ожидать, напечатан в разделе «судебная хроника». Казалось бы, газета должна рассказать читателям о результатах судебных разбирательств и привести для солидности названия чеченских банков, а также фамилии чеченских уголовников, замешанных в банковских махинациях. Ничуть не бывало! Вернее, в статье названы две фамилии: некоего Костюченко, укравшего из «Уникомбанка» с помощью сотрудников МВД РФ и пушкинской преступной группировки 3,5 млрд. рублей, а также русского уголовного авторитета Иванькова (Япончика), осужденного в США к длительному сроку заключения за вымогательство. Чем же объяснить, что из 9 чеченских банков, каждый из которых, если верить газете, ежемесячно крал из российских банков примерно столько же, сколько вся специализированная костюченковская банда, не назван ни один?

Ответ очевиден — нет у газеты ни фактов, ни фамилий чеченского происхождения, причастных к банковским махинациям, и

не могло их быть, так как в 1992-1994 годах вся банковская система Чеченской Республики была полностью блокирована решением Совета директоров Центрального банка Российской Федерации, что начисто исключало хождение платежных документов между банками упомянутых сторон. Это общеизвестный факт. Однако демократические средства массовой информации России, не говоря уже о реакционных, упорно закрывали на него глаза, продолжая искать в темной комнате «черную кошку», которой нет, не останавливаясь даже перед, чтобы списать аферы реальных «черных котов» на чеченцев. Вот как это делала, например, солидная газета «Известия» в номере от 12 июля 1996 года. В статье А.Тарасова, посвященной криминализации братьями Черными, гражданами Израиля, алюминиевого бизнеса России, после подробного описания того, как эти аферисты посредством фальшивых авизовок сколачивали первоначальный капитал, утверждалось, что «...следы многих фальшивых авизо вели в Грозный», — то есть не в столицу Израиля, где обитают герои статьи, а почему-то в столицу Чечни, не имеющей никакого отношения ни к Израилю, ни к братьям Черным, ни к алюминиевому бизнесу вообще. Поистине, если бы Чечня отсутствовала на карте мира, то ее следовало бы придумать!

Допустим, однако, на минуту, что искатели «чеченского следа» в банковских преступлениях правы. Что из этого следует? Одно из двух: либо чеченцы являются признанными гениями (авторитетами) финансовых проделок и тогда непонятно, почему не они господствуют в финансовых структурах России, либо они действительно заправляют российскими финансами, но делают это при попустительстве или соучастии правоохранительных органов. И в том, и в другом случае говорить о собственно «чеченском следе» можно так же уверенно, как и о существовании русского или еврейского следа, отрицание чего и является главной задачей тех, кто манипулирует сегодня общественным мнением в России.

Что касается Дудаева и его правительства, то они имели к банковским махинациям такое же отношение, какое имеет к ним Б.Ельцин и его правительство. Это в худшем случае, а в действительности именно Дудаев был первым должностным лицом, кто еще в начале 1992 года откликнулся на появившиеся в печати материалы о причастности чеченцев к банковским махинациям. Он командировал несколько офицеров министерства внутренних дел Чеченской Республики в Москву для налаживания контактов

с их российскими коллегами и организации взаимодействия в борьбе с фальшивоавизовщиками. Тогдашнее руководство министерства внутренних дел России не только отвергло этот план, но и дало указание задержать на несколько дней чеченских офицеров для ... установления их личностей, то есть бросило, хотя и не по делу, вызов Дудаеву, который усмотрел в неадекватном поведении российских милиционеров корыстные мотивы и заинтересованность в процветании банковского мошенничества в России.

Через полгода, а точнее 18 июня 1992 года, президент и Национальный банк Чеченской Республики получили правительственную телеграмму из Москвы, в которой сообщалось, что Центральный банк Российской Федерации отключает чеченские банки от межфилиального оборота за несанкционированные действия дудаевской стороны, а именно: за переименование чечено-ингушского республиканского управления Госбанка РФ в Национальный банк Чеченской Республики и смену руководства последнего. Если принять во внимание, что Банк России находился в то время в ведении Верховного Совета РФ, то нетрудно догадаться, кто именно приложил руку к тому, чтобы экономически задушить Чеченскую Республику. Во всяком случае, когда мы с председателем Национального Банка Чеченской Республики А.-Р.Закаевым были на приеме у председателя Банка России В.Геращенко на предмет снятия банковской блокады, то наш российский визави отказался от достигнутой накануне договоренности, сославшись на запрет именно Верховного Совета РФ, и, указав пальцем на прямой телефон с Р.Хасбулатовым, сказал, что его предупредили с утра не делать для нас никаких уступок. В противном случае, заключил глава Банка России, меня просто вышвырнут из этого кресла. Поэтому всякие пересуды о банковских махинациях, проведенных якобы с территории Чечни, являются преднамеренной клеветой, что без труда можно доказать в судебном порядке, если к нам будет официально предъявлен хотя бы один иск. Думаю, однако, что этого не случится — одно дело клеветать и другое — отвечать за это перед судом.

Если говорить серьезно, то махинации с банковскими авизо процветали в России еще в те времена, когда чеченцы об авизо и понятия не имели. В российских судебных архивах на этот счет, надо полагать, имеется немало уголовных дел, заведенных на лиц известной национальности нечеченского происхождения.

Советские деньги от балтийских друзей

Российские средства массовой информации приводят часто еще один пример, призванный бросить тень на дудаевское правительство. Речь идет о надуманных фактах о поставках в Чечню из стран Балтии советских денег старого образца. Единственный «доказательный» аргумент в пользу этого обвинения сводится к тому, что в период обмена старых денег на новые в аэропортах столиц балтийских стран были замечены чеченские самолеты ТУ-134. Не скрою: кое-какие деньги из Литвы мы действительно завезли. В частности, по контракту между тамошней фирмой «Агроимпекс» и министерством сельского хозяйства Чеченской Республики еще в 1992 году к нам поступило 700 млн. рублей наличными и сливочное масло на сумму порядка 30 млн. рублей в обмен на соответствующее по выручке количество мазута и дизельного топлива. Неясно только, в чем тут криминал? Это законная коммерческая сделка, не затрагивающая никого, кроме ее участников. Кстати, этот факт в средствах массовой информации не упоминается вовсе, — вероятно, не знают или не видят в нем криминала. Зато упорно муссируются слухи о сбросе в Чечню из балтийских стран гигантских сумм денег советского образца. И никому невдомек было поставить простенький вопрос: зачем Чечне вообще нужны были деньги, изымаемые из оборота на всем постсоветском пространстве, да еще с оплатой в валюте? Сдавать их в музей нумизматики мы не собирались (были задачи поважнее), а купить за валюту (если в этом есть хоть какой-то смысл) можно было и новые деньги, причем не где-нибудь, а в самой России. Поэтому попытки уличить нас в привязанности к каким-либо денежным суррогатам выглядят по крайней мере глупо. Что-что, но отличать настоящие деньги от липовых в Грозном научились раньше, чем в Москве.

Вместе с тем я не собираюсь отрицать факты причастности отдельных чеченских дельцов к банковским и финансовым махинациям, которые они осуществляли на территории самой России, вступая для этого в преступный сговор с соответствующими российскими структурами. В самой Чечне нам удалось искоренить это явление, несмотря на активное сопротивление всего российского преступного мира, процветающего, как известно, при явном или скрытом попустительстве государственных структур. В конце концов правопорядок в Чечне, как

и в России, определялся не наличием преступников, а органами правосудия на основе закона.

Не существует ни одного факта использования дудаевским правительством криминальных денег в какой бы то ни было сфере деятельности, в том числе и в экономической. Поэтому нет и никаких тайн, которые мне надо было бы скрывать.

В первые месяцы войны средства массовой информации частенько навязывали обывателю мысль о существовании криминальных связей между дудаевскими и российскими правящими кругами. В качестве доказательства они использовали тот факт, что российская авиация, свои первые ракетно-бомбовые удары нанесла по Национальному банку и министерству экономики и финансов для того якобы, чтобы уничтожить находившийся там компромат на российских деятелей. Больше глупости трудно было бы придумать, хотя исходит она от, казалось бы, немолоденьких журналистов, в частности от Ю.Щекочихина и того же А.Тарасова в его упомянутой выше статье. Ларчик на самом деле открывался просто. Во-первых, Национальный банк и министерство экономики и финансов располагались тогда не в разных концах города, а в одном переулке и даже в соседних зданиях под одной крышей. Поэтому любой удар авиации приходился бы на оба объекта сразу. Во-вторых, и это самое важное, рядом с Национальным банком и названным министерством с 26 ноября по 31 декабря 1994 года дислоцировались несколько танков и мобильных зенитных установок сил чеченского Сопrotивления, а под самими зданиями был оборудован еще в советское время командно-штабной бункер. Именно эти объекты, а вовсе не финансовые структуры являлись целью нанесения воздушных ударов.

ФИНАНСЫ «ПОЮТ РОМАНСЫ»

Кому финансы, кому романсы

Финансовые источники дудаевского правления находились не в России, а в самой Чечне. Обстоятельный разговор на эту тему кажется мне более актуальным и полезным, чем бесплодное препирательство по поводу мифических чеченских триллионов. Дудаев пришел к власти в момент, когда государственная казна Чечено-Ингушетии была полностью опустошена. Денег катастрофически не хватало. К концу 1991 года поступления в бюджеты всех уровней сократились до нуля. Что республика охвачена не только политическим, но и финансовым кризисом было очевидно уже в 1990 году. Я работал тогда первым проректором республиканского государственного университета и по долгу службы курировал некоторые вопросы, связанные с открытием медицинского факультета. Помню, что весной 1991 года университету понадобилась сверх установленного годового лимита 5 млн. рублей для срочной закупки на медицинский факультет базового оборудования. Несмотря на личное участие в решении этой проблемы председателя Верховного Совета Чечено-Ингушской Республики Д.Завгаева, решить ее в самой республике не удалось, так как ни в бюджете, ни в других финансовых структурах республики таких денег не нашлось даже в складчину. Пришлось ехать в Москву и выбивать эти деньги в российском минфине. Однако в руководящих кругах республики не принято было говорить об экономическом и финансовом кризисе. Разговор на эту тему старательно обходили.

Перейдя на работу в правительство Чечено-Ингушетии, когда вопрос о независимости активно еще не поднимался, я предпринял попытку разобраться детально в причинах финансового кризиса, включая хронический бюджетный дефицит и взаимные неплатежи хозяйствующих субъектов. Мой порыв не одобрили. Руководители тогдашнего правительства вообще не могли взять в толк, о каком это таком финансовом кризисе я говорю. Более привычными для них были понятия «плановые убытки», «плановый дефицит», «сверхнормативные расходы» и т.д.

В середине августа 1991 года мне как новоиспеченному министру пришлось поехать в Москву для согласования плана экономического и социального развития Чечено-Ингушской Республики на 1992 год. Теоретически я представлял себе, что это за процедура, но практика разочаровала меня совершенно — планирование экономических и бюд-

жетных показателей увязывалось не с задачей оздоровления экономики и социальной сферы, а с размерами подношений для многочисленных бюрократов, охамевших настолько, что не скрывали своего брезгливого отношения к нам и понятию служебного долга. Думаю, что с тех пор российский бюрократ лучше не стал. Другим откровением явилось для меня прогнозное заявление министерства экономики России о том, что к 2000 году Чечено-Ингушская Республика окончательно перейдет в разряд регионов-паразитов, живущих исключительно за счет дотаций центра. В 1990–1991 годах размер всех дотаций достигал 75–80 процентов от уровня ежегодных совокупных расходов. Такие вот прогнозы, но тогда никто не знал, что будет война и они окажутся пророческими. При таком раскладе не имело значения, хорошо или плохо будет функционировать умирающая экономика. Главным становился фактор политических и межличностных отношений. Поэтому тогдашнее отношение Москвы к Грозному сводилось к короткой фразе — не рыпаться! Чечня же поступила с точностью до наоборот.

Длительное существование директивно-торгового механизма планирования привело к тому, что в Чечне, как и в других регионах, выросло целое поколение госплановских и минфиновских работников, специализировавшихся на выбивании денег из центра независимо от реальных достижений в данном году. В советской системе экономических и федеративных отношений это было нормальное явление. Не удивительно поэтому, что после 1 ноября 1991 года, когда Чечня заявила о своем выходе из России, а через два месяца — о национализации всех предприятий союзно-российского подчинения и прекращении в одностороннем порядке платежных отношений с российским бюджетом, многих руководителей и специалистов охватила легкая паника и было от чего — республика впервые переходила на полное финансовое самообеспечение. Отныне сотни предприятий и учреждений, находившихся ранее под союзной и российской юрисдикцией и финансировавшихся из Москвы, повисли на скромном бюджете республики, резко усилив груз нашей ответственности за их настоящее и будущее.

Директорский заговор

Решение о переводе всех предприятий союзно-республиканского подчинения под юрисдикцию Чечни Дудаев принял без ведома назначенного им временного правительства — Комитета по оперативному управлению народным хозяйством. Нас, членов этого комитета, попытавшихся было выяснить обстоятельства и мотивы принятия такого далеко не рядового решения, президент упрекнул в политической

близорукости и неповоротливости. Он опасался тогда, что предприятия союзно-российского подчинения могут стать проводниками античеченской политики Кремля. Кое-какие основания для такого беспокойства действительно имелись. В частности, руководители крупнейших промышленных предприятий занимались тем, что под шумок революционных событий тайком демонтировали и вывозили за пределы республики самое ценное оборудование, а также готовую продукцию, включая научно-технические разработки. Они же всякими посулами и нагнетанием страхов провоцировали отъезд квалифицированных специалистов из числа представителей русскоязычного населения. Особенно большое рвение в этом проявили Г.Опришко (НПО «Промавтоматика»), Ю.Спиридонов (грозненское отделение Северо-кавказской железной дороги), Е.Пучков (объединение «Чечингнефтепродукт»), Г.Мусалимов (завод «Красный молот») и В.Баев (объединение Северокавказских магистральных нефтепроводов). Последний пытался даже весь аппарат управления передислоцировать из Грозного в Тихорецк. В феврале 1992 года Дудаев освободил этого руководителя от занимаемой должности, а прокуратура возбудила против него уголовное дело и заключила под стражу. Через месяц по ходатайству трудового коллектива он был выпущен на свободу и вскоре покинул республику.

Директор завода «Красный молот» Г.Мусалимов попал в республику на волне горбачевских экспериментов, связанных с перестройкой и демократизацией, и был избран на свою должность по конкурсу с участием нескольких кандидатур. В целях обновления производства он, еще до избрания Дудаева президентом, стал занимать огромные деньги, в том числе и непосредственно у населения, обещая вернуть долги легковыми автомобилями (чем не прообраз будущих российских финансовых пирамид?). Резко изменившаяся с 1992 года политическая и экономическая конъюнктура похоронила грандиозные планы директора, но это не помешало ему влезть в доверие к Дудаеву и даже занять в первом чеченском правительстве пост министра промышленности и энергетики. Однако раскрутить производство и выплатить долги ему никак не удавалось и под давлением кредиторов он прибег к незаконной распродаже имущества завода, за что в конце концов и оказался в тюрьме, где, к сожалению, без проведения необходимых следственных действий просидел около года, а накануне штурма Грозного российскими войсками, был отпущен на свободу. Сожаление вызывает не его освобождение, а то, что отдельные представители наших следственных органов добивались от подследственного не столько правдивых показаний по рассматриваемому делу, сколько откупного, соразмерного с его кредитными обязательствами.

Дорого обошлись Чечне и «художества» Е.Пучкова. Являясь руководителем крупнейшего на Северном Кавказе предприятия по оптовой торговле нефтепродуктами «Чечингнефтепродукт», он отличился тем, что по разнарядкам Госплана и Госснаба СССР, скоростно скончавшихся вместе с Союзом, отправил в 1992 году за пределы республики по так называемым прямым договорам не менее 5 млн. тонн нефтепродуктов без предоплаты. Более 100 тыс. тонн дизельного топлива он закачал в магистральный трубопровод, находившийся в ведении упомянутого выше В.Баева. Однако российские грузополучатели в Армавире наотрез отказались оплатить топливо на том основании, что на чеченском отрезке происходили якобы систематические хищения нефтепродуктов. Хищения, безусловно, имели место, в том числе и на армавирском участке трубопровода, но доказать что-либо и вытащить свои деньги нам не удалось. Не помог даже дружеский визит в Армавир правительственной делегации во главе с М.Мугадаевым, имевшего давние дружеские отношения с мэром этого города. Так бесследно исчезли 15-16 млн. долларов (в пересчете продукта в магистральном трубопроводе на мировые цены).

Надо сказать, что действовал Е.Пучков весьма изобретательно, выбирая, как правило, из многочисленных и противоречивых правительственных распоряжений только те, которые совпадали с его собственными интересами. На их основе он заключал сомнительные договоры, ответственность за которые относил потом на счет правительства. Так, нашумевший некогда в республике договор о реализации через СП «Майджест» 90 тыс. тонн мазута на сумму свыше 3 млн. долларов был подписан и исполнен именно Е.Пучковым, но «шишки» достались М.Мамодаеву, спровоцировавшему эту сделку. Вернуть деньги государству до войны также не удалось. К сожалению, власти не сразу разгадали пучковские приемы, но, когда картина прояснилась, над главным продавцом нефтепродуктов сгустились тучи. Я.Мамодаев освободил Е.Пучкова от занимаемой должности и потребовал от республиканского генерального прокурора возбудить по установленным фактам уголовное дело. Однако из-за внутренних противоречий во властных структурах расследовать это дело и довести его до суда не смогли.

С уходом Е.Пучкова энергия главных действующих лиц тут же переключилась на борьбу за вакантное место. Расторопнее всех оказался Я.Мамодаев. Под формальным предлогом — распад Чечено-Ингушской Республики — он ликвидировал объединение «Чечингнефтепродукт» и создал в структуре аппарата правитель-

ства специальный комитет по реализации нефтепродуктов. Дудаев с таким решением не согласился и отменил его. Президент объединил «Чечингнефтепродукт» с производственно-товарной конторой и во главе образовавшегося, таким образом, грозненского арендного завода по производству и реализации нефтепродуктов поставил А.Албакова, сделав его членом правительства и подчинив лично себе. Вопрос о том, почему завод стал называться арендным, кто арендодатель и кто арендатор, никогда не обсуждался. Во всяком случае среди платежей этого завода в государственный бюджет арендная плата не значилась.

Нам стало известно также, что некоторые из названных выше руководителей предприятий, являясь по долгу службы распорядителями валютных счетов подведомственных предприятий во Внешэкономбанке СССР (впоследствии в одноименном банке под юрисдикцией России), использовали валютные ресурсы далеко не в интересах производства. Попытки выяснить, кто и как использовал деньги с этих счетов в период после 25 августа 1991 года и до момента, когда решением правительства России, счета эти были заморожены, успеха не имели. Упомянутый Банк под предлогом соблюдения тайны коммерческих операций не представлял требуемую информацию, хотя закона на сей счет тогда еще не было. Тем не менее различными путями нам удалось кое-что выяснить. Было установлено, в частности, что общая сумма валютных средств чеченских предприятий на счетах указанного Внешэкономбанка составляет порядка 9 млн. долларов. С началом российских реформ эти средства были временно заморожены, а впоследствии переоформлены в валютные облигации министерства финансов России. Некоторые организации («Промавтоматика», государственный концерн нефтяной промышленности Чеченской Республики — правопреемник объединения «Грознефть») успели до войны заполучить небольшую часть этих облигаций, но толково распорядиться ими не сумели. Облигации «Промавтоматики» накануне войны были украдены неизвестными лицами, совершившими для этого разбойный налет на бухгалтерию предприятия, а облигации, принадлежавшие «Грознефти» хранились в грозненском филиале московского «Кредо-банка» и, по сообщениям средств массовой информации, были обнаружены в России у офицеров федеральных войск, участвовавших в наведении в Чечне «конституционного порядка». Впрочем, «Грознефть» имела право и на другие валютные средства, о существовании коих нам

стало известно осенью 1993 года. Речь идет о 5 млн. долларах, вырученных от реализации нефти по контракту с фирмой «Файбор», находящейся в Австрии. С нашей стороны контракт был подписан бывшим генеральным директором «Грознефти» Р.Хачатуровым. Эти деньги ни в Чечню, ни в Россию официально не переводились и использовались руководством названной фирмы по собственному усмотрению. Требования чеченского правительства вернуть деньги республике были молча отвергнуты. Дудаев принял решение подключить к решению проблемы чеченские спецслужбы. В результате оперативно-розыскных мер, предпринятых ими, был задержан и доставлен в республику один из возможных руководителей фирмы «Файбор» некто Ажарсанов. Пробыв под стражей около месяца, он сбежал прямо из тюремной камеры. Вместе с ним исчезли приставленные к нему охранники. Преступный сговор был налицо. Дудаев негодовал. Руководство департамента по борьбе с организованной преступностью было разжаловано, а против участников сговора завели уголовное дело.

Злоупотреблением служебным положением против интересов Чечни занимались не только перечисленные выше руководители предприятий. Такие встречались практически во всех отраслях хозяйства. Разница заключалась лишь в том, что одни руководители стремились перевезти побольше народного добра из вверенных им хозяйств в Россию, а затем его присвоить, а другие — предпочитали растаскивать его прямо на месте.

Итак, совершенно очевидно, что решение Дудаева национализировать предприятия и учреждения союзно-российского подчинения было не спонтанным, а вынужденным. Если бы он не сделал этого, то ущерб от разбазаривания государственного имущества был бы сравним разве что с ущербом от войны. Вместе с тем перевод многих предприятий под чеченскую юрисдикцию был сопряжен с ростом нагрузки на республиканский бюджет, так как большинство национализированных предприятий находилось на дотационном обеспечении соответствующих министерств и ведомств России.

«Борз» на «Красном молоте»

Что за польза могла быть для бюджета республики от перевода под ее юрисдикцию, скажем, завода «Красный молот», сидевшего на картотеке еще с 1986 года? Неудивительно, что за годы дудаевского правления завод этот не заплатил бюджету ни ко-

пейки. Напротив, прямые и косвенные выплаты ему из бюджета составили к 1994 году порядка 2 млрд. рублей. Вот такая была цена национализации и вот почему после каждой моей докладной записки о положении дел на заводе Дудаев приезжал туда, чтобы «снять стружку» с руководителей, но снимать с самого завода было уже нечего. Впрочем, по моим прогнозам такая участь ожидала данный завод в любом случае. Ведь он специализировался на производстве тяжелого нефтепромыслового оборудования для всего бывшего Союза. С распадом последнего и катастрофическим падением добычи нефти в России платежеспособный спрос на продукцию завода упал бы в сопоставимых масштабах. Поэтому я настаивал на акционировании завода, что могло бы привлечь инвестиции, обеспечить многотысячный коллектив работой, а бюджет республики — постоянными доходами. Дудаев, поддержанный некоторыми министрами, отказался от такого плана, что было, на мой взгляд, явной ошибкой.

Президент вынашивал другой план, связанный с производством на заводе «Красный молот» мобильных установок по переработке нефти. Одна такая установка действительно была изготовлена и испытана накануне войны, но по режиму работы и качеству получаемого конечного продукта получила неудовлетворительную оценку со стороны наших стационарных нефтепереработчиков и была отправлена на доработку. Другим новшеством стало производство на этом заводе опытного образца чеченского автомата «Борз». С точки зрения военно-политического «самолюбия» это имело весьма ощутимый резонанс, но с экономической точки зрения данная акция имела нулевой эффект — уровень рентабельного производства автомата начинался с выпуска 1 млн. штук в год, что в условиях республики было нереально из-за отсутствия инвестиций для перепрофилирование завода и возможностей завоевания рынка сбыта в борьбе с мировыми гигантами оружейного бизнеса.

Ситуация с заводом «Красный молот» рассмотрена мной по причине ее типичности. В подобных условиях оказалось абсолютное большинство наших предприятий, включая предприятия нефтехимического комплекса. Химический комбинат им. 50-летия СССР — флагман советской химической промышленности — начал давать сбои уже с 1985 года, а к середине 1993 года остановился и вовсе из-за нехватки первичного сырья.

Между тем затраты на поддержку комбината в рабочем режиме

росли из года в год и достигли в 1994 году 8 млрд. рублей, то есть завод простаивал, но тратил огромные деньги на самосохранение. Такими деньгами завод не располагал и существовал за счет невозвращения долгов кредиторам, которые, в свою очередь, выходили из аналогичного положения путем пропорциональных недоплат в бюджет. В итоге один из главных столпов чеченской экономики оказался на бюджетном финансировании, истощая и без того скудные финансовые ресурсы республики.

ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА ДУДАЕВА

Независимость и национальная валюта

Вопрос о финансовой стабилизации в контексте вышесказанного стал предметом особого внимания правительства Чечни. Вопрос для нас, надо сказать, далеко не простой ни в теоретическом, ни в практическом плане. И в самом деле, как можно было бы достичь финансовой стабилизации, не имея собственной денежно-кредитной системы, основанной на единой национальной валюте? Первым на этот вопрос реагировал чеченский парламент. В постановлении «О порядке вступления в силу Конституции Чеченской Республики» от 12 марта 1992 года сказано буквально следующее: «впредь до создания собственной денежной и кредитной системы или объединения ее с такими системами других государств в Чеченской Республике действует денежная и кредитная система бывшего СССР». На самом же деле денежно-кредитная система бывшего Союза умерла вместе с ним и не могла долго функционировать в отдельно взятой республике.

В реальной жизни приходилось заниматься приспособлением отживающей советской денежно-кредитной системы к нарождающейся российской рыночной денежно-кредитной системе. Функционирование в пределах ограниченного пространства двух взаимоисключающих денежно-кредитных систем должно было привести к появлению по крайней мере еще одной системы. И она появилась — на базе американского доллара. Другими словами, мы не только не имели своей финансовой системы, но и чужой не могли пользоваться в полной мере.

Здесь, я думаю, кроется одна из объективных причин той спешки, с какой президент намеревался провести денежную

реформу по-чеченски. Дудаев исходил из того, что кризис в России, на которую Чечня была исторически «завязана», особенно в период строительства единого социалистического народно-хозяйственного комплекса, носит непреходящий характер и вообще является неотъемлемым признаком российской истории. Поэтому, считал он, надо отгородиться от России, размежеваться с ней, обеспечить себе достаточную степень национальной безопасности, а затем уж ставить вопрос об интеграции, консолидации, кооперации и прочих формах экономического и социального сближения с Россией. В свете осуществления этой позиции российский рубль Дудаев рассматривал в качестве главного переносчика экономических неурядиц России на чеченскую землю и инструмента дестабилизации чеченского общества. Более того, свое нежелание проводить реформу собственности он также объяснял неустойчивостью российской денежной системы. Таким образом, президент считал, что только денежная реформа, то есть введение собственной национальной валюты, обеспечит экономическую независимость республики. Теоретически он был прав, ибо ничего не придумывал, а лишь обобщал до уровня конкретной политики то, что на самом деле происходило и происходит в России. Спорить с ним по данному вопросу не имело смысла. Другое дело, что теория без практики, как говорится, мертва. Теория, оторванная от реального экономического потенциала республики и ее места в системе международного разделения труда и современных геополитических интересов, может способствовать формулировке таких положений, которые на первый взгляд кажутся как бы рациональными, а на самом деле нацелены лишь на ускорение процесса суверенизации. Приходилось доказывать президенту, что одно дело напечатать деньги и совсем другое — их эмиссия. И то, и другое было ошибочно, но не вообще, а в конкретных условиях тогдашней Чечни. Напечатать деньги, а потом долгие годы держать их в банковских хранилищах, не пуская в оборот, — это было бы слишком дорогим удовольствием ценой в более 3 млн. долларов. Такую крупную сумму можно было использовать на другие цели и с большей эффективностью, например, во время войны.

Однако ни президент, ни председатель Национального банка и не собирались замораживать напечатанные деньги в хранилищах. Они планировали их незамедлительную эмиссию, что, с моей точки зрения, было недопустимо, так как Национальный банк, не

имевший никаких золото-валютных резервов и не способный контролировать инфляционные процессы, не смог бы поддерживать устойчивый курс национальной валюты даже в течение одного года, не говоря уже о более продолжительных сроках.

Банк Ичкерии как гарант стабильности национальной валюты

О возможностях Национального банка и взглядах его председателя свидетельствует такой факт. Бюджет республики в 1993 году был утвержден в объеме 46 млрд. рублей. В сентябре, то есть уже на исходе бюджетного года, У.Имаев тайком от правительства убедил президента подписать распоряжение, согласно которому из бюджета на пополнение уставного фонда Национального банка следовало выделить до конца года 50 млрд. рублей, что на 4 млрд. рублей превышало весь республиканский бюджет того года. Национальный банк, который должен был в принципе выступать гарантом кредитов для правительства, сам вознамерился запустить руки в правительственный карман, то есть в бюджет, причем на безвозвратной основе. Невозможно было согласиться с такой политикой главного банкира. Поэтому я пригрозил отставкой и вопрос был снят с повестки дня. Спрашивается, мог ли Национальный банк, сидевший на голодном пайке и вообще являвшийся таковым по чисто формальным признакам, обеспечить устойчивость национальной валюты? Ясно, что нет. Тем не менее президент и главный банкир под большим секретом, в том числе и от меня, запустили сложный механизм печатания национальной валюты. Я был введен в курс дела осенью 1994 года случайно, когда на проекте денежных купюр понадобилась моя подпись как министра финансов. Кстати говоря, первоначальные надписи на образцах чеченских денег повторяли буквальный перевод на чеченский язык надписей на старых советских деньгах, что лишало наши сомы (в шутку их называли еще «джахариками» или «дудариками») национального колорита. Надо было отказываться от неудачных заимствований и вместе с новым председателем Национального банка Н.Увайсаевым пришлось убедить президента в приемлемости другой, более емкой по смыслу и значимости надписи: «Все будет по воле Аллаха». Завершающий этап работы по печатанию чеченской национальной валюты пришелся на ноябрь-декабрь 1994 года, то есть на начало войны.

Мои опасения оказались не напрасными: деньги были напечатаны, валютные средства на это затрачены, а эмиссии, как я и предполагал, не было и в обозримом будущем вряд ли будет. Пишу об этом, чтобы сказать о принципиальной невозможности финансовой стабилизации путем введения в оборот денежных знаков, не выполняющих объективно ни одну из пяти классических функций денег. Если бы даже удалось осуществить в 1995 году эмиссию чеченских денежных знаков, то это все равно не привело бы к оздоровлению финансовой ситуации, ибо в обстановке бессилия правительства перед черным рынком инвалюты наши сомы, несмотря на высокое качество изготовления и прекрасный дизайн, не смогли бы стать полноценным международным платежным средством и в лучшем случае перекочевали бы за бесценок в карманы валютных спекулянтов, а в худшем — превратились бы в никому ненужный хлам. Попытка У.Имаева вытеснить черный валютный рынок окончилась тем, что вооруженные лабазановцы прорвались в кабинет председателя Национального банка, выволокли его хозяина на улицу и подвергли публичному избиению. Ни одна из наших спецслужб не взялась за расследование этого дела и У.Имаеву самому пришлось выяснять отношения с преступниками в рамках обычного чеченского права.

Что национальная валюта не является панацеей от всех бед, свидетельствует опыт стран СНГ, каждая из которых обладает не меньшим экономическим потенциалом, чем Чечня. Словом, денежная реформа — мера эффективная, но лишь при строгом соблюдении определенных условий. В противном случае вместо эффективной денежной системы можно получить эффектную, но бесполезную денежную систему. Однако это уже отдельная тема и говорить о ней подробно будет иметь смысл лишь тогда, когда необходимые условия будут реальными, а не воображаемыми. Скажу только одно — моя личная позиция в этом сложнейшем вопросе сводилась к тому, чтобы склонить президента и правительство к эволюционному способу его решения, не перепрыгивая через естественные ступени развития и не ускоряя «пинками» процесс финансово-экономической суверенизации. К сожалению, убедить их в своей правоте мне ни тогда, ни позже не удалось, но это, конечно, не значит, что я был неправ.

Вместе с тем представлялись бесперспективными и попытки улучшить финансовую ситуацию на базе российского рубля. Во-

первых, он пока еще крайне неустойчив — достаточно вспомнить «черный» октябрьский вторник 1994 года. Во-вторых, в условиях банковской блокады Чечни попытки стабилизировать финансовую ситуацию в ней при помощи российского рубля свелись бы объективно к безуспешным мерам по его укреплению без всякой признательности за это со стороны России, которая на словах якобы втягивала нас в рублевую зону, а на самом же деле выталкивала из нее. Что подобные рассуждения не лишены смысла, об этом говорит, хотя бы тот факт, что соотношение ценности безналичного и наличного российского рубля во внутреннем обороте республики менялось практически ежедневно в ущерб безналичному рублю. В июле 1992 года, то есть через месяц после объявления банковской блокады, стихийный рыночный курс безналичного рубля к наличному составлял 1:0,80, а в декабре 1993 года — 1:0,40. Иначе говоря, если в середине 1992 года один безналичный рубль равнялся на черном рынке 80 живым копейкам, то через полтора года курс упал в два раза — до 40 копеек. Падение курса безналичного рубля — яркое свидетельство финансового кризиса, корни которого уходили в пореформенную Россию.

Сом с рублем или доллар?

Задача финансовой стабилизации республики не поддавалась решению путем проведения денежной реформы или за счет укрепления нами российского рубля. Что оставалось делать? Одно из трех: либо выходить на заключение межбанковского и платежного соглашения с Банком России и минфином РФ, либо утвердить в качестве основной денежной единицы американский доллар или немецкую марку, либо пустить все на самотек. Последняя возможность существует всегда и поэтому не представляет интереса. Что касается выбора между двумя другими вариантами поведения, то свой выбор я сделал сразу — надо идти на заключение соглашения с Россией. И это с особой силой было подчеркнуто в программе правительства. В последней, кстати сказать, не было ни слова о денежной реформе.

Очень привлекательной казалась также идея перевода финансовой системы на долларовую основу. Отрезвляющим фактором была угроза «посадить» нас при взаиморасчетах на уровень мировых цен. Угроза серьезная, ибо в случае ее осуществления финансовый баланс республики сводился бы с огромным дефи-

цитом. И в самом деле. Республика закупала до 2 млрд. куб. метров природного газа в год. Его мировая цена составляла тогда около 80 долларов за 1 тыс. куб. метров. Следовательно, за весь объем потребляемого газа мы должны были бы платить ежегодно по 160 млн. долларов, а платили (когда вообще платили) в десять раз меньше. Где же было взять такие деньги? Ответ очевиден — за счет продажи нефти, так как другой конкурентной на мировом рынке продукции наша экономика не производила. Из 2-3 млн. тонн ежегодно добываемой нефти на внешний рынок без особого ущерба для удовлетворения внутренних потребностей можно было поставлять не более 1 млн. тонн на сумму порядка 100 млн. долларов. Даже если и пустить всю эту выручку на оплату газа, то и в таком случае проблема не решалась — оставался долг в 60 млн. долларов в год. Статей же, по которым нам пришлось бы рассчитываться по мировым ценам, было куда больше. Здесь и электроэнергия, которую мы всегда покупали в пределах до 35-40 процентов объема потребления, здесь и зерно в количестве не менее 100 тыс. тонн в год, здесь и возмещение затрат в нефтяной промышленности, и еще много чего другого.

Теоретически рассуждая, конечно, можно было бы урезать до критического минимума объем закупок по мировым ценам путем введения жестких лимитов потребления, но тогда население было бы вправе задать резонный вопрос: «Почему же вы, пообещав нам молочко из золотых краников, отключаете газ, электроэнергию, воду, тепло? И вообще, почему стало хуже, чем при коммунистах?» И что бы мы тогда ответили? Сказать, что, мол, это плата за суверенитет, что надо затянуть потуже пояса, что все образуется и т. д.? Мы такое, кстати, и говорили, но при том, что ни газ, ни электроэнергию, ни воду, ни тепло мы не лимитировали ни разу. И все равно недовольных хватало. Можно себе представить реакцию довоенного населения на политику ограниченного потребления жизненных ресурсов...

Когда я изложил президенту такого рода раскладки, то он согласно своим преувеличенным представлениям о потенциале Чечни стал убеждать меня в том, что, во-первых, республика имеет немало другой продукции помимо нефти, которую и можно поставлять на мировой рынок, хотя и не назвал о чем идет речь, а во-вторых, никто не посмеет сократить нам поставки газа и электроэнергии, ибо и газопроводы, и линии электропередач являются транзитными. Пришлось сказать президенту, что подобным способом мы мало чего добьемся, так как реальное посягательство на транзитные

коммуникации обернулось бы для нас резким сокращением валютной выручки за нефть, в частности из-за повышения таможенных, транспортных и иных тарифов. Силовой способ неэффективен не только в политике, но и в экономике. При любом раскладе выгоднее было договариваться с Россией. И такую точку зрения я и еще несколько членов правительства систематически внушали Дудаеву.

Однако далеко не все зависело от сторонников эволюционного способа движения к независимости. Небольшой пример. Осенью 1993 года Банк России в соответствии с достигнутой договоренностью прислал в адрес Национального банка Чеченской Республики (заметим — находившегося в то время в блокадном режиме) телеграмму о готовности выделить республике для проведения осенне-полевых работ кредит в 700 млн. рублей. Сумма довольно скромная, но не в ней было дело. Важен был сам факт состоявшегося обращения. За это следовало «зацепиться» и развить ситуацию дальше. Однако У.Имаев неожиданно стал в ура-патриотическую позу и гордо отказался от предложенного кредита, посоветовав Банку России в ответной телеграмме использовать эти деньги для выплаты российским гражданам пенсий и пособий. И что удивительно, вопреки моим ожиданиям, президент поддержал У.Имаева, хотя до этого случая сам советовал мне искать и находить для республики законные деньги. Таких фактов, когда в угоду превратно понятым национальным интересам принимались неправильные решения, было более чем достаточно.

Между тем складывающееся социально-экономическое и финансовое положение республики требовало безотлагательного принятия качественно иных решений, причем в очень узком диапазоне времени. И не потому только, что вопреки усилиям правительства (регулирование цен, размещение госзаказа, снижение налогового бремени и т.д.) не удавалось остановить падение производства. Само по себе падение производства, если оно происходит за счет отсталых и одновременно ресурсоемких отраслей, не является причиной возникновения чрезвычайной ситуации. Снижение производства продукции, которая дальше заводского склада не идет, опасно не столько с экономической, сколько с социальной точки зрения, так как ведет к росту технологической безработицы без видимых перспектив ее преодоления. Экономический ущерб сводится здесь в конечном счете к затратам на консервацию производства. Другое дело, если падение производства происходит за счет базовых и конкурентных отраслей. Когда в валовом внутреннем продукте соотно-

шение нефтяного и всех других неконкурентных секторов экономики вместе взятых составляет 3:1, то ясно, что именно нефтяной сектор должен был стать той лошадкой, которая вытащит весь обоз, но лошадка сама нуждалась в серьезном лечении и уходе.

ДУДАЕВ И НЕФТЯНОЙ ВОПРОС

Нефтяная арифметика

Вокруг нефтяного вопроса накручено столько невероятных слухов и домыслов, что несведущему человеку невозможно разобраться, где ложь, а где правда. Не думаю, что требуется подробный отчет о работе промышленности, в том числе и нефтяной, — это проблема конкретных руководителей, назначенных Дудаевым, но пояснить некоторые моменты считаю нужным.

Прежде всего, следует определиться с качеством приводимых нашими критиками цифр и фактов. С арифметикой у критиков, несмотря на то, что среди них были и образованные люди, к примеру Р.Хасбулатов и А.Аслаханов, было туговато, что и неудивительно — ведь нефть интересовала их не только сама по себе (ею они интересовались больше, чем правами человека), но и из-за желания уличить Дудаева и его окружение в хищении нефтепродуктов. Отдельные, наиболее «сведущие» критики в своей злобе к первому чеченскому президенту заходят так далеко, что вообще теряют чувство меры и реальности, утверждая, что личное состояние Дудаева будто бы оценивается в сотни млн. нефтедолларов. Что ж, попытаемся разобраться в этом. Для убедительности специально буду оперировать не действительными, а предельно завышенными цифрами. Предположим, что за три довоенных года, вызывающих всеобщий интерес, объем добычи нефти в республике составил 10 млн. тонн. Это существенно выше реальных объемов, но примем за исходную именно эту цифру. Если бы удалось реализовать по мировым ценам всю эту нефть, то максимальный валовый доход составил бы 1 млрд. долларов. Если верно то, что эти деньги присвоил себе Дудаев, то возникает законный вопрос: за счет каких доходов существовала республика в эти годы? Ведь мы не прерывали закупки хлеба (300 тыс. тонн), газа (6 млрд. куб. метров), электроэнергии (350 млн.квт-часов), угля (500 тыс. тонн), а также медикаментов, специального оборудования (медицинско-

го, дорожно-строительного, бурового, электротехнического). Нерегулярно, но все-таки так выплачивались заработная плата, пенсии и пособия, в том числе и нефтепродуктами по их себестоимости. И, наконец, как могла бы функционировать сама нефтяная промышленность, если ее лишали всех доходов начисто? Ответы на поставленные вопросы могут быть тройкими: либо Чечня питалась все эти три года святым духом без света, газа, воды, тепла, хлеба и много еще чего другого; либо все эти блага поступали в республику, но не в порядке закупок, а в виде подарков от наших исторических друзей и недругов; либо слухи о сказочных богатствах президента и его окружения не имеют под собой никаких оснований и запускаются в жизнь с примитивной, но, к счастью, недостижимой целью — опорочить имя Дудаева и дело которому он служил.

Нет необходимости доказывать, что до войны республика обеспечивалась всеми жизненно важными ресурсами. Сбои бывали, но они приходились часто именно на те периоды, когда наши критики переходили от слов к диверсиям и террористическим актам. Нет, скажем, секрета в том, что как раз представители антидудаевской оппозиции положили в республике начало такому позорному явлению, как похищения людей с целью получения выкупа. Более того, некоторые «именитые» лидеры оппозиции, прибывшие в Чечню из российских тюремных застенков публично провоцировали своих сторонников к подобного рода деяниям. Ущерб, нанесенный этой компанией экономике и социальной сфере республики, оценивался до войны в 45 млн. долларов. О моральном ущербе и говорить не приходится. Интересно было бы узнать, сколько заплатили антидудаевской оппозиции за все это?

Любой здравомыслящий человек поймет, что ни о какой реальной иностранной помощи довоенной Чечне не было и речи, а нездравомыслящему вообще бесполезно что-либо доказывать — все равно не поверит. Если бы подобная помощь и в скольконибудь значительных размерах имела бы место, война у нас не случилось бы. Зная это, но не желая правды, наши наиболее непримиримые критики подбрасывают своим правоверным «сенсационные» данные о том, что на грозненских заводах перерабатывалась не только чеченская, но и российская нефть. Не спорю, что все так, но где же сенсация — ведь российская нефть поступала в Грозный последние 25 лет и этот факт ни у кого, кроме «зеленых», реакции не вызывал. Действительно,

грозненские заводы брали на переработку так называемую давальческую нефть, которая поставлялась по контрактам с коммерческими фирмами. Что же в этом плохого, если 70 процентов полученных нефтепродуктов поступали в собственность этих фирм, а 30 процентов оставались в собственности нефтепереработчиков? На более выгодных условиях в те годы давальческую нефть не поставляли. По моим данным, на грозненских заводах в период правления Дудаева было переработано около 1 млн. тонн давальческой нефти, что в мировых ценах (по условиям поставки давальческой нефти) эквивалентно 30 млн. долларов валового дохода — сумма, которая не меняет порядок нижнего предела инкриминируемых нам краж в 1 млрд. долларов. Что касается слухов, будто бы на грозненских заводах ежегодно перерабатывалось 10-12 млн. тонн российской нефти, то они распускаются, как правило, политиками весьма далекими от реальной экономики. Ведь при таких объемах переработки нефти должен был резко подскочить уровень потребления электрической и тепловой энергии. На самом же деле потребление всех видов энергии в 1992-1994 годах оставалось в республике строго в пределах необходимых для переработки 2-3 млн. тонн нефти в год. Эти факты можно легко проверить.

И все же в вопросе о поставках в Чечню российской нефти есть нюансы, требующие пояснений, в частности по 1992 году. Известно, что директивное планирование, как основной способ ведения хозяйственной деятельности, существовал в СССР и РСФСР до начала 1992 года, когда начались гайдаровские реформы. Планы же на 1992 год, в том числе и по нефти, были составлены как минимум за год вперед и распад Союза на их выполнение принципиально не повлиял. Напротив, руководители объединений «Грознефть», «Грознефтеоргсинтез», «Чечингнефтепродукт» и их российские смежники получали в том году десятки правительственных телеграмм с требованием не допустить пересмотра утвержденных планов добычи, переработки и поставок нефти и нефтепродуктов. Надо сказать, что тогдашние руководители нефтяной отрасли республики приняли к исполнению эти директивы и без санкций правительства отправили в 1992 году за пределы Чечни в адрес традиционных потребителей несколько млн. тонн нефтепродуктов, полученных как раз из российской нефти, включая и чеченскую нефть.

Нефтяной вопрос глазами «дудаевца»

Наши критики, среди которых было немало и работников нефтяной отрасли, приводили упомянутый факт, не давая ему, на всякий случай, никакой оценки — они-то прекрасно знали плановую систему и понимали на каких условиях поставлялась эта нефть на переработку. Сложнее с теми, кто незнание вопроса пытался подменить откровенным популизмом. И таких, к сожалению, большинство. Вот один из примеров популистской «критики»: «Средняя цена реализованных продуктов (речь идет о поставках 1992 года. — *авт.*) была ниже среднемировой на 20-25 долларов... Ни сельхозтехника, ни продукты питания, ни новейшая технология..., ни одежда в счет поставок нефтепродуктов в Чечню не поступали. Безусловно, в этом нефтяном «эльдорадо» были замешаны определенные круги из высших управленческих структур в России, поскольку российская нефть еще в 1994 году поступала в Чечню, однако уходила транзитом, не поступая на перерабатывающие заводы. В государственный бюджет от ее реализации никаких отчислений не было. Между тем перекачка «российско-чеченских» нефтепродуктов... в Новороссийск и Туапсе, для вывоза в дальнее зарубежье, достигала десятки миллионов тонн, оцениваемые в совокупности в сотни миллиарды долларов»³. По утверждению автора, эти выводы сделаны им на основе реальных фактов. В таком случае ему будет легко опровергнуть мой взгляд, который, в части касающейся экономики и финансов, имеет не меньше оснований также называться взглядом изнутри. Итак, первое скрытое обвинение в адрес чеченского правительства, выдвинутое бывшим дудаевским сподвижником, сводится к утверждению о том, будто бы реализация нефтепродуктов происходила по заниженным ценам. Я, естественно, не могу опровергнуть данное утверждение документально и в деталях, так как не располагаю сотнями контрактов, согласно которым отгружались нефтепродукты. Более того, я скорее соглашусь с тем, что реализация нефтепродуктов происходила по более низким ценам, чем мировые. Вопрос в другом — как это объяснить? Дело в том, что поставки 1992 года осуществлялись, как я уже сказал,

³ Ю.Сосламбеков. «Чечня (Нохчийчоь)-взгляд изнутри», без выходных данных, стр. 33.

в рамках прямых договоров и по утвержденным планам. Если нефть поступала в Чечню по среднероссийским ценам, то и реализация нефтепродуктов должна была осуществляться по таким же ценам, а не по мировым. Если бы поставки нефти осуществлялись по мировым ценам, то и нефтепродукты отгружались бы по мировым ценам. Среднероссийские же цены на нефть и нефтепродукты вплоть до последнего времени были существенно ниже мировых. Теперь они сравнялись. Поэтому нет оснований подозревать нас в занижении цен.

Кроме того, тезис о занижении цен не вписывается в общую логику обвинений. Ведь если правительство, как намекает наш оппонент, присваивало доходы от реализации нефтепродуктов, то зачем, спрашивается, оно занижало цены, нанося, тем самым, ущерб своему карману? Никто не обвинял еще дудаевцев в попрании ими собственных интересов! Обвиняют то как раз в игнорировании народных интересов, хотя и бездоказательно, голословно. В процитированном тексте его автор утверждает, в частности, что в счет поставок нефтепродуктов республика ничего не получала, а затем идет перечисление того, что она не получила. На этот счет нами все уже сказано. По-видимому, огромное разнообразие товарного мира сводится для нашего оппонента к 3-4 позициям, а такого специфического товара как деньги он вообще не признает, раз исключает их из обменного перечня.

На самом же деле до середины 1992 года, то есть до введения банковской блокады, все взаиморасчеты за нефть и нефтепродукты производились именно на основе денежного эквивалента. Бартерные операции начались в связи с этой блокадой, а не потому, что представляли самостоятельный интерес. Более того, они были вредны для республики, ибо вносили неразбериху в работу по налогообложению и налогоизъятию. Возьмем, однако, главный тезис обвинения, гласящий, что российская нефть поступала в Чечню, не поступая на перерабатывающие заводы, и миллионами тонн на сотни миллиарды долларов уходила в дальнее зарубежье. Короче говоря, утверждается, что Чечня была транзитной территорией. Но если это так, то откуда миллионы и миллиарды? Пропускная способность чеченского отрезка нефтепровода (5 млн. тонн) и современная цена транзита — 10-12 долларов за тонну — таковы, что не позволяют вести речь не только о сотнях миллиардах долларов, но даже и о ста миллионах! Впрочем, наших оппонентов можно понять — ведь они имеют дело не с обычной, а с политической арифметикой, где дважды два не всегда равно четырем. Разве

не так же обстоит дело и тогда, когда оппонент утверждает, что бюджет республики от нефти ничего не имел? На самом же деле 65-70 процентов доходов республиканского бюджета поступали именно от нефтяной промышленности. В отличие от оппонентов я всегда смогу доказать объективность своих данных. Что касается продажи нефтепродуктов на мировой рынок, то мы никогда не скрывали имеющиеся факты, а точнее — один-единственный факт. Речь идет о реализации в 1992 году 200 тыс. тонн сибирской нефти и 100 тыс. тонн дизельного топлива по контракту между объединением «Грознефтеоргсинтез» и германской торговой фирмой «Штиннес интеройл», который принес республике 36 млн. долларов валового и около 24 млн. долларов чистого дохода. Разница между валовым и чистым доходом образовывалась в то время в размере до одной трети валового дохода за счет вычета таможенных расходов, а также расходов на транспортировку, хранение, перевалку, банковские услуги. 4 млн. долларов, то есть 16, 6 процентов, поступили непосредственно в республиканский бюджет и были использованы строго по бюджетному назначению. Еще 4 млн. долларов поступили на заграничный счет Национального банка Чеченской Республики и расходовались на печатание национальной валюты, паспортов, почтовых марок и на иные мероприятия государственного характера. Оставшиеся 16 млн. долларов были использованы нефтяниками на свои производственные нужды. Часть этих средств ушла на закупку дорожно-строительной техники у германской фирмы «Виртген», бурового оборудования у американской фирмы «Энфорс Энеджи», американского оборудования связи через фирму «ФАДИ». Конкретные затраты на эти цели мне неизвестны, так как по поручению Дудаева они осуществлялись отраслевыми ведомствами и Национальным банком Чеченской Республики через разных людей и в разное время. Во всяком случае почти все они, кроме Р.Удиева, живы и здоровы и могут рассказать то, что им известно. От себя могу сказать, что после трагической гибели дудаевского советника возникла реальная угроза потерять правительственный контроль за указанными валютными ресурсами, так как они стали предметом пристального внимания зарубежных спецслужб. Контроль этот по заданию Дудаева восстановил в полном объеме У.Имаев.

Другие поставки нефти и нефтепродуктов на мировой рынок в рамках взаимодействия между чеченским и российским правительствами мне лично неизвестны. Думаю, что их и не было. Во-первых, после названной сделки отношения между

Грозным и Москвой резко ухудшился. Дело в том, что в то время действовала определенная российским правительством схема поставок на мировой рынок стратегической продукции. Министерство внешнеэкономических связей России устанавливало круг предприятий, имеющих право на экспорт (так называемые спецэкспортеры), а министерство топлива и энергетики России выделяло для этих предприятий экспортные квоты. Ни одного грозненского предприятия в российском реестре спецэкспортеров не оказалось. Причина заключалась в том, что Москва не признавала созданное Дудаевым на базе объединений «Грознефтеоргсинтез» и «Грознефть» министерство нефтяной и химической промышленности и требовала от него восстановить прежнюю структуру нефтяной промышленности. Дудаев эти требования отвергал, считая их вмешательством во внутренние дела Чечни. Я тоже пытался переубедить президента, но ничего из этого не вышло. По моим подсчетам, неговорчивость сторон обошлась нам в 250-300 млн. долларов, которые гипотетически мы могли бы получить за счет ежегодного экспорта в дальнее зарубежье до 1 млн. тонн нефтепродуктов, но не получили. Знаю только, что президент направил в соответствующие российские структуры телеграмму, в которой содержалось предупреждение о недопустимости выдачи квот и лицензий на экспорт стратегической продукции в обход чеченского правительства. Предупреждение, не лишённое смысла, если иметь в виду, что в российских властных коридорах пребывало немало аферистов, которые, прикрываясь разговорами о тяжелом положении в дудаевской Чечне и рекомендациями депутатов Верховного Совета РСФСР от бывшей Чечено-Ингушской Республики, пытались проворачивать свои темные дела, в том числе и в экспортной сфере.

Во-вторых, кремлевские чиновники почувствовали опасность усиления Дудаева и всячески противодействовали ему, в том числе и путем отсечения Чечни от свободного выхода на мировой рынок. И, наконец, в третьих, реагируя на бесконечные обвинения в транзитном экспорте российской нефти, чеченское правительство обратилось с соответствующим запросом в российские ведомства, в частности в корпорацию «Транснефть» и получило официальный ответ, что кроме нефтяной квоты 1992 года, проданной названной выше германской фирме, других поставок на экспорт за счет Чеченской Республики или иных квот в 1992-1994 годах не было. Об этом документе до войны

сообщали средства массовой информации и любопытствующие всегда могут познакомиться с ним в ведомствах России, ответственных за внешнеэкономическую деятельность.

Означает ли все это, что чеченские нефтепродукты не могли попадать на мировой рынок в обход Грозного? Нет, не означает. С 1993 года грозненские нефтяники не были связаны, как бывало прежде, с так называемыми договорами прямых поставок, а на самом деле — с госплановскими и госнабовскими разнарядками. Они получили право самостоятельно решать вопросы реализации сверх установленной правительством квоты поставок на внутри-республиканские нужды. Известно, что грозненские нефтезаводы не экспортировали напрямую свою продукцию в зарубежье, так как у них не было такой возможности. Другое дело, что этим могли заниматься коммерческие фирмы, имеющие статус российских спецэкспортеров и квоты на экспорт. Они могли покупать нефтепродукты на наших заводах по государственной цене и даже расплачиваться за них наличными, а затем, пользуясь российскими квотами и лицензиями, перепродавать их на мировом рынке. Это их законное право.

У чеченского правительства были две возможности перекрыть такой канал. Первая была связана с тем, чтобы самим выходить на мировой рынок без посредников, но сделать это без известных уступок российским требованиям не удавалось, а уступать не позволял Дудаев. Вторая могла быть связана с повышением государственных цен на нефтепродукты до уровня цен мирового рынка, но тогда пришлось бы останавливать заводы, так как сбыт в этом случае прекратился бы вообще. Цены мирового рынка устанавливаются не в Грозном и даже не в Москве, а на двух-трех оптовых рынках мирового значения. Цены мирового рынка можно получить, доставив продукцию на мировой рынок, и больше нигде.

К сожалению, об этой тонкости не знают многие и из тех, кто берется судить о ценовой политике дудаевского правительства. Часто их рассуждения кажутся специалистам просто дикими и невольно задаешься вопросом: а стоит ли обижаться на московских оппонентов, если наши даже доморощенные критики, причем входившие в ближайшее окружение Дудаева и обязанные знать реальное положение вещей, занимаются искажением одних фактов и выдумыванием других? Почему, к примеру, они никогда не обвиняют нас в том, в чем мы действительно были «повинны», включая вопросы ценообразования? За годы дудаевского правления населению на хозяйственные нужды практически по се-

бестоимости было отпущено не менее 500 тыс. тонн нефтепродуктов, несмотря на мое несогласие — ведь такая политика вела к подрыву бюджетного процесса и действительно способствовала разного рода махинациям. Но нет, такую «провинность» не замечал ни один из наших оппонентов. Причина была ясна — политических очков на этом не заработаешь, а где нет политики, там нашим оппонентам и неинтересно.

Квота для Гантамирова

Относительно правительства скажу, что оно было открыто для разговора на любую важную для республики тему, в том числе и по нефтепродуктам. Так, в мае 1993 года руководителям оппозиции по прямому указанию Дудаева был представлен отчет правительственной нефтяной комиссии, созданной по его распоряжению еще до начала активных выступлений антидудаевцев. Отчет содержал подробнейшую информацию о добыче, переработке и поставках нефти и нефтепродуктов за полтора года дудаевского правления. Кстати, многие конкретные цифры, использовавшиеся против нас, были позаимствованы именно из этого отчета, но интерпретировались тенденциозно с грязным политическим подтекстом. В то же время замалчивались сведения, которые касаются непосредственно самих оппозиционеров. Так, в упомянутом отчете правительственной комиссии отмечалось, что целый ряд структур, включая парламент, грозненскую мэрию и министерство сельского хозяйства, не отчитались перед комиссией об использовании нефтяных квот, выделенных для решения неотложных экономических и социальных вопросов.

Апрельское 1992 года постановление правительства о выделении для грозненской мэрии квоты в размере 200 тыс. тонн дизельного топлива по поручению президента подписывал я, как временно исполнявший обязанности первого вице-премьера. Грозненский мэр Б.Гантамиров в своем обращении в правительство просил более 1 млн. тонн нефтепродуктов. Примечательно, что Дудаев долго не визировал это прошение. Видимо предчувствовал, что ничего хорошего от мэра ждать не приходится. Возможно Дудаев руководствовался и другими соображениями (я давно заметил, что он страшно не любил подписывать нефте-финансовые документы, а если и подписывал, то в исключительных случаях). В конце концов грозненский градоначальник принес мне свое прошение с визой президента: «Рассмотреть и внести мотивированное предложение».

Резолюцию можно было понимать в двояком смысле: либо президент не хочет связываться с мэром по нефтяным делам, но, не желая обострять с ним отношения, запустил, как говорил райкинский герой, «дурочку», либо он просто сомневался в запрашиваемых объемах нефтепродуктов. Узнать, что к чему можно было только у самого президента, но тогда он вряд ли стал бы раскрывать карты.

Свое мнение по этому вопросу я высказал непосредственно мэру. Квотная система была опасна тем, что могла привести к подрыву государственной монополии на торговлю нефтепродуктами и нанести вред бюджету республики. Поэтому я попытался перевести разговор на тему межбюджетных отношений, имея в виду отрегулировать отношения между бюджетами республики и ее столицы. В принципе мэр согласился с моим предложением, но продолжал настаивать на выделении запрашиваемой им квоты, напоминая на необходимость срочного пополнения пустой городской казны. К единому мнению мы тогда не пришли и отложили разговор до обстоятельной проработки вопроса специалистами министерства экономики и финансов. Я решил пойти, что называется, по варианту «дурочки». Однако после подавления мартовского 1992 года выступления оппозиции, когда грозненский мэр проявил себя как активный сторонник президента, ситуация несколько изменилась. Мэр поведал президенту, что министерство экономики и финансов специально волокитит вопрос о выделении квоты и что если бы этот вопрос был решен своевременно, то мэрия смогла бы выставить против оппозиционеров подразделение, специально оснащенное и подготовленное для такого рода действий, и т.д. После такого разговора Дудаев потребовал от меня ускорить решение данного вопроса, что и было сделано. Я подготовил проект постановления правительства о выделении в рамках бюджета на нужды грозненской мэрии 200 тыс. тонн дизельного топлива и предложил Б.Гантамирову завизировать этот документ, но он стал в позу обиженного и отказался, заявив, что сам решит вопрос о квоте непосредственно с президентом. Вопреки ожиданиям, Дудаев не подписал городскую квоту даже после ее пятикратного сокращения, но дал понять, что не будет возражать, если соответствующее постановление будет принято правительством и подписано мной, как первым заместителем председателя правительства. Такая осторожность свидетельствовала не только о нежелании президента связываться с нефтяными делами, но и о том, что он действительно не до конца доверяет своему фавориту. В середине

апреля 1992 года правительство рассмотрело просьбу грозненской мэрии и приняло решение выделить для городских нужд 200 тыс. тонн дизельного топлива, но с условием, что мэр отчитается об использовании дохода, полученного от реализации такой квоты.

Однако жизнь распорядилась так, что Дудаеву пришлось-таки лично подписать правительственное решение по этому затянувшемуся вопросу. Дело в том, что Я.Мамодаев, назначенный вместо меня на должность первого вице-премьера, отменил, как уже отмечалось выше, практически все исполнительно-распорядительные документы правительства в период с 1 марта по 11 мая 1992 года. В их число попало, естественно, и постановление о выделении квоты для грозненской мэрии. К тому же новый первый вице-премьер и грозненский мэр в тот период не совсем ладили друг с другом. Словом, Дудаев вынужден был вмешаться в это дело и санкционировать отгрузку дизельного топлива. На том же самом постановлении правительства, где стояла моя подпись, он размашисто написал: «Подтверждаю. Отгрузить». В том же году было отгружено 205 тыс. тонн дизельного топлива, то есть на 5 тыс. тонн больше, чем следовало по разрешению правительства. Вырученные деньги в сумме 5 млн. долларов наличными поступили на счет грозненской мэрии в коммерческом банке «Терек», входившего в систему московского банка «Югорский», и были использованы для финансирования социальных проектов, но не только их.

Значительная часть денег была затрачена на создание независимой от республиканского министерства внутренних дел грозненской муниципальной полиции, в обязанности которой Б.Гантамиров самолично вменил борьбу с любыми правонарушениями на территории столицы. Костяк этой полиции участвовал потом во всех антиправительственных баталиях, инициируемых оппозицией. Несложно теперь подсчитать, что за каждую тонну дизельного топлива мэрия выручила приблизительно 24 доллара, хотя теоретически могла получить и в 7 раз больше. Спрашивается, где остальные деньги и почему оппозиционеры не интересуются этим вопросом? Нас обвиняют в занижении цен в среднем на 20-25 долларов за тонну, а тут цена занижена в 7 раз, но почему-то не слышно не только никаких истерик, а и даже легкого порицания.

Думаю не случайно Б.Гантамиров отказывался представить правительству отчет по данной сделке и решительно пошел против Дудаева именно в тот момент, когда следственная группа

Генпрокуратуры и министерства внутренних дел республики вплотную заинтересовалась ею. Вместе с тем я хорошо знаю, что не было у мэрии никакой возможности самостоятельно экспортировать нефтепродукты по мировой цене в дальнее зарубежье. За нее это сделала какая-нибудь посредническая фирма, имевшая законные российские экспортные лицензии и квоты. Мэр продал данной фирме городскую квоту по среднероссийским оптовым ценам промышленности, не нарушив никаких чеченских законов. Однако нельзя исключить, что при этом он мог сговориться с посреднической фирмой и получить за счет разницы между среднероссийской ценой и мировой ценой валютную премию, размер которой ведом, вероятно, только самим участникам сделки. Примерно по такой же схеме могла происходить поставка на мировой рынок грозненских нефтепродуктов и другими обладателями республиканских квот, включая и специальную парламентскую комиссию, которая была создана как бы в пику правительству, чтобы продемонстрировать ему возможность быстрого и честного решения проблемы несвоевременных выплат населению.

Не являясь даже юридическим лицом, парламентская комиссия (того самого парламента, который весной 1993 года пытался выступить против Дудаева и его правительства в союзе с Б.Гантамировым и иными оппозиционерами) реализовала через «Русское промышленное общество» в дальнее зарубежье 300 тыс. тонн мазута, заплатив за это в бюджет около 2 млн. долларов вместо предполагавшихся 12 млн. долларов. Однако прежний парламент раскололся и результат работы его комиссии так и остался без последствий, хотя Дудаев имел в виду заняться этим вопросом.

В аналогичной ситуации оказалось и министерство сельского хозяйства. Правительственная нефтяная комиссия не смогла добиться от министра Р.Бисултанова отчета об использовании им квоты более чем на 100 тыс. тонн нефтепродуктов, выделенных на производственные нужды. Единственное, что продемонстрировал министр, так это голландская технология выращивания некоторых овощей, в частности моркови, за которую он якобы должен был заплатить 1 млн. долларов. Проверить это утверждение тогда не удалось, так как правительство ушло в отставку и часть бывших министров, включая Р.Бисултанова, оказались вскоре за границей. В 1994 году он был арестован дудаевскими спецслужбами, но потом освобожден. Ходили слухи, что его освободили под залог в 100 млн.

рублей, но думаю, что это связано с амнистией по случаю трехлетия независимости Чеченской Республики. Хочу подчеркнуть, что для меня в данном конкретном случае значение имеет не столько политический или гражданский облик грозненского мэра, министра сельского хозяйства, членов парламентской комиссии и других моих бывших коллег по совместной службе в государственных структурах, сколько реальная обстановка, которая существенно ограничивала возможности органов власти для законного и полноценного участия в сфере международной экономической деятельности. Были ограничения — их обходили, не нарушая установленных в Чечне правил, доставляя ей даже валютные ресурсы, но далеко не в том объеме, который мог бы иметь место при наших нормальных межгосударственных отношениях с Россией. И чем быстрее эти отношения будут налаживаться, тем скорее Чечня будет восставать из пепла.

Вместе с тем ни Дудаев, ни кто-либо другой из его окружения никогда не утверждали, что дела в нефтехимическом комплексе и вокруг него обстояли совершенно благополучно. Для таких заявлений не было, к сожалению, никаких оснований. Достаточно здесь вспомнить убийство в 1992 году бывшего начальника промышленного отдела аппарата правительства Г.Санько, занимавшегося как раз изучением географии и условий поставок чеченских нефтепродуктов.

Нефть — достояние расхитителей

Нефтяной вопрос оказался в зоне повышенного общественного внимания еще до Дудаева, когда в период якобы демократизации советского общества стали известны некоторые подробности лоббирования завгаевскими чиновниками международных бартерных контрактов, в том числе и через российскую корпорацию «Росвнешторг». Реализовав через эту корпорацию в Турцию 100 тыс. тонн мазута на сумму порядка 4 млн. долларов, представители бывшей завгаевской администрации под нажимом дудаевской власти поставили в республику сахара и подсолнечного масла максимум на 1 млн. долларов. Судьба остальных денег неизвестна.

Нефть вообще была одним из главных политических аргументов в борьбе против советской власти: считалось, что при рациональной постановке нефтяного дела республика не только не тащилась бы в хвосте российского государственного обоза,

но и давно могла бы обставить даже ближневосточные страны, не говоря уже об исторических соседях. Взращенный этим нефтяной максимализм стал со временем важнейшей составляющей веры как политиков, так и простых людей в возможность одновременного достижения экономического процветания и политической независимости Чечни. Причем правильные с политэкономической и юридической точек зрения постулаты типа «нефть — это достояние всего народа» трактовались нередко в узко эгоистическом смысле. Мне часто на работе приходилось сталкиваться с этим. Наиболее яркое впечатление произвела незапланированная встреча в моем служебном кабинете с многочисленной, стихийно возникшей делегацией жителей одного из районов республики. Делегация явилась выразить протест по поводу очередного повышения отпускных цен на жидкое печное топливо, но в качестве главного аргумента против такой меры ходоки выставили не низкую зарплату или ее нерегулярную выплату, а свое неотъемлемое право на нефтяные ресурсы, которые, по их мнению, они должны приобретать бесплатно и с доставкой на дом. Я долго убеждал их в ошибочности подобных взглядов, но думаю, что мне это не удалось — после меня они пошли осаждать кабинеты более высокого начальства.

Если при советской власти общенародное достояние на бытовом уровне понималось как ничейное, то при дудаевской власти оно понималось скорее как мое, чем наше. Однажды, выступая на очередном Съезде чеченского народа, Дудаев отметил в шутливой форме эту перемену в частнособственнической психологии чеченцев. Он сказал тогда: «Мы, чеченцы — народ особый. Если власть дает ему работу и хорошо за нее платит, он будет вкалывать без сна и отдыха, если этого нет, тогда он пойдет и сам возьмет, что ему полагается.» Не исключаю, что эта «особенность» трансформировалась для части населения в самостоятельную идеологию поведения. Сегодня массовые хищения нефти и нефтепродуктов можно объяснять и объясняются в республике послевоенной разрухой и бедностью, но хищения имели место и до войны. Еще продолжалась августовская 1991 года революция, когда мне воочию пришлось убедиться в этом на одном из участков магистрального нефтепродуктопровода близ поселка Долинский. Два десятка человек под освещение автомобильных фар, стоя в громадной бензиновой луже, наполняли ведра из хлещущего искусственного фонтана и, пере-

давая полные ведра по цепочке друг другу, заполняли большую нестандартную емкость, взгроможденную на «Камаз». На мой глупый вопрос, зачем они это делают, последовал ответ: «Как зачем? Чтобы заправлять наши машины!» Между прочим, тогда литр бензина стоил 40 коп. Со временем хищение нефтепродуктов стало приобретать черты хорошо организованного бизнеса.

Летом 1994 года при помощи контрольных прокачек от комбината им. Ленина до грозненского арендного завода по производству и реализации нефтепродуктов было установлено, что только на одной этой ветке нефтепродуктопровода исчезает в сутки до 600 тонн светлых нефтепродуктов, а по всему его периметру — до 1,5 тыс. тонн в сутки, то есть один железнодорожный эшелон за двое суток! Громадный экономический ущерб был очевиден, а сколько было человеческих жертв! Люди при хищениях гибли почти каждый день. Могут спросить: «Куда власть смотрела, почему не принимались меры?» Меры принимались, но желаемого результата не давали.

Как отгружалась чеченская нефть

Понимая исключительную важность нормального функционирования нефтехимического комплекса, Дудаев еще в декабре 1991 года издал указ, по которому все предприятия, имеющие отношение к стратегической продукции, были переподчинены от Комитета по оперативному управлению народным хозяйством непосредственно президенту республики, а все сделки с такой продукцией подлежали письменному согласованию с ним. Однако в условиях массового постреволюционного брожения, бесконечных передеряг в правительстве и всеобщей нефтяной лихорадки реализовать данный указ в полном объеме не удавалось.

Большинство отгрузок производилось в 1992 году без письменного разрешения президента. Правда, получить его согласие было исключительно трудно — эта процедура превращалась в сущее наказание. За четыре месяца (с ноября 1991 года по февраль 1992 года) он выдал всего одно или два разрешения. Не успевая отбиваться от осаждавших его днем и ночью ходоков со всех концов бывшего Союза, Дудаев, вынужден был либо, не глядя, подписывать представленные ему документы на отгрузку стратегической продукции (в противном случае срывался тех-

нологический процесс производства), либо, также не глядя, заворачивать их обратно, что в действительности он и делал, развязывая, тем самым, инициативу руководителей для принятия самостоятельных решений. Я объяснил президенту эту ситуацию и попросил обеспечить действие указа в полном объеме или отменить его совсем. Отменять указ он не захотел, а контроль за его исполнением с 18 марта 1992 года возложил временно на меня, как исполнявшего обязанности первого вице-премьера. Через два месяца 11 мая 1992 года мои полномочия закончились и перешли почти на целый год к вновь назначенному первому вице-премьеру Я.Мамодаеву, который перечеркнул все решения правительства, принятые до него. С апреля 1993 года контроль за исполнением указа президента Дудаев взял лично на себя.

Контроль этот осуществлялся по следующей схеме. Дирекция грозненского арендного завода по производству и реализации нефтепродуктов составляла ежемесячный график их отгрузки с указанием формы сделки (продажа, бартер), реквизитов получателя, количества продукта, подлежащего отгрузке, формы и сроков оплаты и т.д. График поступал на утверждение президента за неделю до окончания текущего месяца и без его утверждения не мог быть принят к исполнению железнодорожным и автомобильным транспортом. За этим строго следили таможенники. Однако на изучение графика, включавшего сотни позиций, уходила уйма времени, что приводило часто к срыву запланированных отгрузок. По этой причине, а также имея в виду данные спецслужб о существовании некоего сговора между железнодорожниками и нефтяниками о хищении нефтепродуктов (однажды департамент госбезопасности даже арестовал и несколько суток держал в заточении начальника департамента железнодорожного транспорта) и не желая больше подставляться, Дудаев расширил круг работников, ответственных за составление графика и контроль его исполнения. В число этих работников помимо директора грозненского арендного завода по производству и реализации нефтепродуктов он включил вице-премьеров, министра экономики и финансов, председателя Национального банка, начальника департамента стратегических ресурсов и руководителя лицензионного комитета. В таком составе работа над указанным графиком началась где-то с января 1994 года.

График, как и прежде, представлялся президенту на утверждение, но уже с «кучей» виз. Если кто-либо не соглашался с

графиком в целом или с его отдельными позициями (что также случалось), то президент, выслушав несогласного, принимал окончательное решение. Причем график на следующий месяц он не подписывал до тех пор, пока ему не клали на стол документированный отчет об исполнении графика за предыдущий месяц. Такая система взаимного контроля за движением нефтепродуктов практически исключала их хищение на стадии заключения контрактов. Однако перекрыть все каналы потери правительству до войны все же не удалось, включая и «узаконенные». Речь идет, в частности, о так называемых технологических потерях, составлявших 2-3 процента от общего объема конечного продукта. В абсолютном выражении эти потери выливались в сотни тысяч тонн нефтепродуктов на миллионы долларов. Установить, какая часть действительно являлась неизбежной потерей, а какая выдавалась за таковую и становилась объектом хищений — было крайне сложно. При отсталой технологии потерь нельзя было избежать, но по поводу их реального размера всегда возникали большие сомнения. Поэтому при формировании очередного бюджета цифра потерь подвергалась многократному пересмотру, но всегда в сторону снижения. Часть хищений происходила из-за пересортицы продукта, когда в график отгрузки записывался, скажем, мазут, а отгружался бензин. Таможенники не всегда контролировали такие факты. Иной раз в состав эшелона, составленного в точном соответствии с графиком, «неизвестные» включали с запасных путей внеплановые вагоны, в которых оказывался конфискованный ранее продукт. Я рассказал здесь только о тех формах хищений, которые были выявлены нашими спецслужбами и стали предметом специального рассмотрения в правительстве.

Однако самые большие экономические, экологические и нравственные потери наносили республике систематические и массовые хищения нефтепродуктов, обставленные с таким размахом, что стали реальной угрозой для национальной безопасности Чечни. Решить эту проблему взыванием к совести расхитителей оказалось невозможно. Не помогали и меры экономического характера, связанные, например, с ценообразованием. Ворованный продукт при любом уровне цены приносил баснословные доходы, так как по сравнению с ними издержки по организации хищений были ничтожно малы. Мало пользы приносила и замена подразделений, призванных охранять нефтяные коммуникации.

На каком-то этапе Дудаев заподозрил (и не без оснований),

что хищения происходят при содействии или даже прямом участии самих охранников. Чашу его терпения переполнил один случай. Члены правительства, несшие ночное дежурство на территории Заводского района (приходилось прибегать и к таким мерам) в составе вице-премьера М. Мугадаева, министра внутренних дел М. Эльдиева (погибшего, кстати сказать, весной 1994 года в результате террористического акта, направленного против Дудаева) и меня, натолкнулись на работников министерства внутренних дел, которые вместо того, чтобы организовать охрану вверенного им объекта, занимались прикрытием расхитителей. Когда последних задержала сопровождавшая нас охрана, милицейские работники ринулись с оружием в руках вызволять своих неудачливых поделщиков. Не обращая внимание на присутствие самого министра внутренних дел, они в жесткой форме потребовали отпустить задержанных лиц. Такая откровенная наглость подчиненных вывела их начальника из состояния равновесия и он сорвал с одного из наглицев офицерские погоны, что чуть было не привело к кровавой развязке, но все закончилось компромиссом: два «Камаза», груженных нефтепродуктами, конфисковали, а их владельцев на первый раз отпустили. Когда мы доложили Дудаеву об этом происшествии, он приказал периодически менять охранников. Такая мера привела лишь к внутренним разборкам в охранных структурах, а проблема осталась.

Особый план для особого района Грозного

Правительство приняло решение бороться с хищениями нефтепродуктов путем сочетания экономических и административных мер. К мерам экономического характера я бы отнес план изменения технологической схемы нефтеперерабатывающего комплекса и структуры его управления. Замысел состоял в том, чтобы постепенно сосредоточить всю нефтепереработку на комбинате им. Ленина. Его мощности позволяли перерабатывать в 2,5-3 раза больше нефти, чем ее добывалось тогда в республике, и обеспечить выход всех основных фракций на достаточно высоком качественном уровне. Что касается остальных заводов, то они подлежали постепенной консервации.

Конечно, указанное решение было сопряжено с немалыми издержками, в том числе и социальными: рост безработицы, перекалфикация высвобождаемой рабочей силы и т. д. Вместе с тем новая схема позволяла существенно снизить удельные затраты

на единицу продукции за счет более рационального использования производственного потенциала, а главное — она позволяла оптимизировать состав и протяженность коммуникаций, что должно было свести к минимуму хищения и прочие потери нефтепродуктов. С экономической точки зрения это было в то время единственно верное решение. Было даже предложение вообще свернуть переработку нефти и перенести центр тяжести на ее добычу, так как в этом случае суммарные издержки на производство единицы конечного продукта снижались почти наполовину. Однако к такому радикализму мы не были готовы. Президент поддержал принципиальную схему преобразований и неожиданно дополнил ее предложением упразднить арендный завод по производству и реализации нефтепродуктов как самостоятельную юридическую структуру, подчинив его комбинату им. Ленина.

Наряду с реализацией экономического проекта правительство приступило к разработке административно-организационных мер против расхитителей. В соответствии с установкой президента территория Заводского района столицы была объявлена режимной зоной. По всему его периметру и на узловых транспортных развязках началось строительство контрольно-пропускных постов, оснащенных всеми необходимыми средствами и удобствами. Въезд и выезд с режимной территории осуществлялся по спецпропускам. Перед особым подразделением вооруженных сил Чеченской Республики во главе с Р.Гелаевым была поставлена задача пресечь хищения нефтепродуктов и иных товарно-материальных ценностей всеми мерами, вплоть до применения оружия на поражение. Надо сказать, что предпринятые меры существенно повлияли в сторону снижения массовых хищений и в какой-то степени помогли правительству в его усилиях по финансовой стабилизации.

Однако искоренить зло в принципе не удалось, так как с осени 1994 года подразделение Р.Гелаева было снято с охраны для решения других не менее важных задач, возникших в связи с резкой активизацией в республике пророссийских сил. Последовавшие за этим боевые действия отодвинули на второй план проблему охраны нефтехимического комплекса и повальные хищения возобновились скоро с новой силой. Рассказываю об этих мерах не для того, чтобы выгораживать правительство. Просто люди должны знать, что Дудаев не сидел сложа руки, но не все было в его силах. Вероятно, должно пройти какое-то время, чтобы народ осознал себя настоящим хозяином своей

земли и помогал власти оберегать ее богатства, в том числе и от самой власти, если надо, а не просто кивать на президента, правительство или местное начальство. Иначе народ будет сам по себе, власть сама по себе, а преступники сами по себе. Все будет как бы при деле, а в целом может получиться пшик.

НАЛОГИ И БЮДЖЕТ В ИЧКЕРИИ

Экономика чеченская, налоги российские

На рубеже 1993-1994 годов стали определяться контуры правительственной стратегии по стабилизации финансового положения республики. С одной стороны, постепенное сворачивание нерентабельного производства, временная консервация избыточных мощностей, обеспечение сохранности товарно-материальных ценностей. Строго говоря, назвать эти меры стабилизационными можно лишь условно, так как они были нацелены не на рост производства, а на общее уменьшение непроизводительных затрат всех видов ресурсов, что должно было привести к существенной их экономии. С другой стороны, правительство не могло больше надеяться на эклектический финансовый механизм, вбравший в себя элементы старой советской и новой российской модели — механизм пассивного приспособления к внешним переменам. Справедливости ради скажу, что диапазон возможностей у правительства был небольшой. Так, мы не могли влиять на структуру и размер основных налогов, в частности налога на добавленную стоимость. Отказаться от этого налога или снизить величину его ставки, установленную в России, — означало бы наказать самих себя, ибо это привело бы к занижению «экспортных» цен и потере валовых доходов. К аналогичному результату могло бы привести и увеличение ставки данного налога: неизбежный рост цен стал бы причиной сокращения сбыта и доходов. Словом, главные налоговые рычаги финансовой политики находились в руках Москвы, а не Грозного — ситуация столь же неприятная, сколь и реальная. В этом смысле политическая определенность, связанная с признанием Чеченской Республики как независимого государства, получила бы свое логическое завершение в виде самостоятельного чеченского экономического пространства. Мы же три года занимались в сущности

тем, что приспособляли скелет российской налоговой политики к чеченским условиям.

Или другой пример. Внешние дебиторы наших предприятий всячески уклонялись от уплаты долгов, а это усиливало взаимные неплатежи внутри Чечни. На наши требования в Москве заученно отвечали, что всему виной банковская блокада. В такой обстановке выправить финансовое положение в полном объеме за счет локальных мероприятий было невозможно. Поэтому задача заключалась в частичной финансовой стабилизации. Анализ условий ее решения показал, что надо, во-первых, провести внутренний взаимозачет между предприятиями и организациями с целью выявления их реального финансового положения, а, во-вторых, пересмотреть базисные принципы бюджетной политики.

Взаимозачет не чеченское изобретение — он практиковался и при советской власти. Механизм взаимозачета был обкатан хорошо, но нельзя было применять его в чистом виде к нашим условиям. Дело в том, что при проведении взаимозачета практически всегда образуется разница между дебиторской и кредиторской задолженностью, которая покрывается, как правило, за счет краткосрочных банковских кредитов. В эти-то кредиты у нас все и упиралось, так как Национальный банк необходимыми кредитными ресурсами не располагал, а кредиты коммерческих банков под непомерно высокие проценты (до 200 процентов годовых) могли свести к нулю позитивные аспекты взаимозачета и даже обострить стоящую проблему. Оставался один источник для покрытия взаимных долгов — государственный бюджет. Впервые я оказался перед дилеммой: как министр экономики должен был согласиться на проведение взаимозачета, а как министр финансов выступить против того, чтобы это делалось за счет бюджета. Деваться было некуда, пришлось согласиться с необходимостью подключения бюджетных средств. Это была цена, которую государство, как собственник предприятий, должно было заплатить за неважную их работу, а также за собственную политику социализации экономики.

Взаимозачет был проведен по состоянию на 1 декабря 1993 года, то есть накануне очередного бюджетного года. Общая сумма дебитового сальдо, зачисленного на спецсчет правительства, составила 54 млрд. рублей. Бюджет 1993 года был на 8 млрд. рублей меньше этой суммы и не мог стать источником для покрытия суммы общего долга. Решить проблему предстояло за счет бюджета

1994 года путем реоформления выявленного долга в льготные бюджетные ссуды и объявления налоговых амнистий.

Забегая вперед, могу сказать, что в результате жестких мер по отношению к предприятиям должникам последние уже к октябрю 1994 года вернули бюджету две трети долгов, выявленных в ходе взаимозачета. Правда, Национальный банк и здесь пытался нажиться за счет бюджета, зачисляя возвращаемые долги не на бюджетный, а на свой счет. Дело дошло даже до судебного разбирательства, но в ходе предварительных слушаний Национальный банк отказался от своих претензий. Была, однако, отрасль, которую не могли спасти никакие ссуды. Речь о сельском хозяйстве. По итогам взаимозачета общий долг аграриев составил почти 15 млрд. рублей, из них 11 млрд. рублей составили многолетние долги за горюче-смазочные материалы. Мы как-то подсчитали, что сельское хозяйство потребляло ресурсы, достаточные для удвоения объемов производства или закупок продукции на внешнем рынке. На самом деле производство сокращалось при одновременном росте затрат.

Если в Чечне и были когда-нибудь «черные дыры», то сельское хозяйство, было несомненно самой большой дырой. Руководители аграрного сектора по старой привычке винили во всем кого угодно, но только не себя. Так, правительство обвинялось в неправильной ценовой политике, приводившей якобы к диспаритету цен на продукцию сельского хозяйства и промышленности. Разность в ценах действительно была, но не такого масштаба и не там, где ее видели аграрии. Во-первых, государственные закупочные цены на основные виды сельхозпродукции регулярно подтягивались до уровня цен на промышленную продукцию. В 1992-1994 годах закупочные цены в сельском хозяйстве устанавливались на уровне реальных рыночных цен и были несколько выше, чем в России, хотя государственные розничные цены были ниже. Вот где на самом деле возникали «ножницы цен», пожирившие огромные бюджетные дотации. Во-вторых, закупленная в государственные ресурсы продукция своевременно оплачивалась, а не конфисковывалась под видом закупок, как это часто делали коммунисты. Достаточно вспомнить их трюкачество с чеками «Урожай-90». В-третьих, задолженность сельского хозяйства по кредитам, возникшая до 1 января 1992 года, была попросту аннулирована, как образовавшаяся за счет привлеченных кредитов союзного Агробанка.

Однако указанные и другие меры либерального толка не привели

к улучшению дел в сельском хозяйстве. Экономика республики оказалась во многом заложницей ее аграрного сектора, что и показали итоги взаимозачета. Если учесть, что агропромышленный комплекс был к тому же освобожден от уплаты многих налогов, а сохраненные налоги устанавливались в щадящем режиме (налог на гектар сельскохозяйственных угодий, например, равнялся цене одного килограмма помидор), то становится очевидным, что проблемы сельского хозяйства имели более сложную природу, несводимую к отдельным недоработкам правительства в рамках стереотипного «совершенствования социалистических производственных отношений».

Ошибка правительства была глубже и масштабнее таких недоработок. Она заключалась в фактическом отказе от проведения аграрной реформы, как единственного способа достижения продовольственной независимости Чечни. Вместо этого правительство занималось поддержкой сельского хозяйства за счет дорогостоящих, но мало эффективных мер, не способных в принципе избавить республику от импорта продовольствия. В стратегическом плане необходимость аграрной реформы объяснялась не просто желанием выправить текущее финансовое положение за счет сокращения или оптимизации государственных расходов на сельское хозяйство. Речь шла о большем — о постепенном превращении аграрного сектора во второй по важности (после нефтехимического комплекса) источник валютных поступлений путем наращивания экспортного потенциала сельского хозяйства. Экономическое будущее республики зависит от создания конкурентных, устойчиво функционирующих экспортных отраслей. Сельское хозяйство в этом смысле является реальным и наиболее перспективным направлением работы. Ее успех будет зависеть не столько от внешних инвестиций, сколько от умения задействовать частный интерес конкретного товаропроизводителя. Мы же по старинке пытались опереться на коллективный интерес ассоциированного товаропроизводителя.

Таким образом, оказалось, что проблема финансовой стабилизации была неотделима от структурных экономических преобразований, имеющих стратегическое значение. Новые задачи требовали соответствующих способов их решения. Между тем возможности правительства, отстраненного фактически от проведения экономических реформ и выработки внешнеполитической доктрины, ограничивались принятием таких

мер, которые не могли оказать существенного воздействия на общую ситуацию. Экспериментирование не возбранялось, но только в пределах, установленных президентом. Поэтому вместо поиска и реализации глобальных решений приходилось заниматься приспособлением, подгонкой реальной финансово-экономической системы к быстро меняющимся требованиям внешней среды.

В таком контексте следует рассматривать многие шаги дудаевского правительства, в том числе и связанные с модернизацией бюджетной политики. Хочу заметить, что с точки зрения цивилизованных рыночных отношений новые подходы к проблеме финансовой стабилизации может быть выглядят крайне архаично, но с позиции тех реальных возможностей, которыми располагало чеченское правительство они не кажутся столь уж тривиальными.

Дружба дружбой, но денежки врозь

Бюджет занимал особое место в финансовой политике чеченского руководства. Плохая это была политика или хорошая, но она была. Ни разу в довоенный период Чеченская Республика не вступала в новый финансовый год без утвержденного в законном порядке бюджета. За этим президент строго следил. Меня, признаюсь, удивило его поручение, данное в дни январских 1995 года боев за Грозный и состоявшее в пересмотре государственного бюджета на 1995 год с учетом войны. Сейчас это, может быть звучит и обыденно, но тогда мы жили в совершенно иной психологической обстановке и такие «мирные» задачи казались просто запредельными. Очевидно, что подобные поручения могли исходить только от человека очень уверенного в своих силах.

Бюджетная дисциплина чеченского правительства дает мне моральное право отвергать любые критиканские наскоки со стороны правительства России, которое в течение четырех лет (1992-1995 годы) функционировало с бюджетами такого низкого качества и плохой исполняемости, что создавалось поле для российских финансовых «чудес», известных всему миру. Но даже и федеральные бюджеты за 1996-1998 годы не выказывают высокого профессионализма их составителей. О каком профессионализме может идти речь, если основополагающий финансовый документ государства подвергается пересмотру (секвестру) чуть ли не на следующий день после его утверждения высшими органами власти?

Ничего подобного в практике дудаевского правительства не случилось, хотя закон нам тоже не запрещал процедуру секвестрации. Мы, разумеется, ошибались, в том числе и я, нас часто принуждали к ошибкам, но это были именно ошибки, а не системные провалы, как у наших кремлевских критиков.

Об отношении Дудаева к бюджетной политике говорит хотя бы тот факт, что мне, как министру финансов, предписывалось не реже одного раза в квартал докладывать президенту в письменной форме обо всех проблемах, связанных с исполнением бюджета. До апреля 1993 года контроль за бюджетом в соответствии с законом «О бюджете и бюджетном процессе в Чеченской Республике» осуществлял также парламент в лице соответствующего его комитета. Парламентский контроль штука неприятная, но крайне полезная. Противоречие между конституционным всеилием парламента и финансовой независимостью правительства может быть разрешено разными способами, но парламентский контроль за состоянием государственного бюджета относится к числу самых эффективных.

Взаимодействие правительства и парламента в вопросе о бюджете давалось нелегко. Одна из главных проблем заключалась в определении степени автономности государственного бюджета. Сначала в правительстве, а затем и в парламенте мне пришлось отстаивать умеренную бюджетную позицию. О чем идет речь? Прежде всего о нашем чрезмерном увлечении внешней стороной суверенизации республики, когда политические веления чуть ли не автоматически переносятся в сферу финансово-экономических отношений, обладающих по природе своей большей инерционностью, нежели сфера социальных отношений. В результате на свет появлялись директивы, которые скорее обособляли, отсекали республику от внешнего мира, чем давали ей реальную экономическую независимость. Таких решений было немало. Так, 29 января 1992 года, то есть через три месяца после своего избрания президентом, Дудаев подписал два важнейших документа, разработанных в недрах его администрации анонимными авторами, а именно: распоряжение №10 и указ №25. В первом документе он приказывал прекратить все платежи в российский бюджет, а платежи, поступающие с территории бывшей Чечено-Ингушской Республики, включая, вероятно, и ингушскую территорию, зачислять в бюджет Чеченской Республики. Во втором документе устанавливались перечень и ставки основных налогов, взимаемых в Чеченской Республике. Если перечень налогов совпадал с российским, то ставки налогов были

выше российских, в частности по налогам на прибыль и на имущество. Выше были и ставки акцизов на вино-водочную продукцию. Обе директивы взаимно дополняли друг друга и в этом смысле были связаны определенной внутренней логикой.

И в самом деле. Если прекращаются межбюджетные отношения и исключается возможность получения российских дотаций, то сохранить контрольную цифру по доходам бюджета Чечни можно было либо за счет посторонней безвозмездной помощи, либо путем усиления налогового бремени внутри республики. Говорить о внешней помощи, а тем более о сокращении государственных расходов не приходилось — ведь чеченская революция исходила во многом из той предпосылки, что независимость начнет приносить такие дивиденды, что их хватит не только для решения внутренних проблем, но даже и для внешней финансовой экспансии. Следовательно, усиление налогового пресса оставалось на короткое время единственно реальным инструментом получения запланированных доходов.

Данным инструментом советчики Дудаева и постарались воспользоваться в полной мере. Поскольку новые директивы президента оказались в явном противоречии с проектом первого государственного бюджета Чеченской Республики, подписанным им же днями раньше, то я обратился к нему за разъяснениями. На мой вопрос о том, какие из подписанных им за последнее время экономических директив, включая и проект государственного бюджета, являются законными и сохраняют силу, Дудаев ответил, что законными являются все директивы, так как незаконные он не подписывает вообще, а в силе останется, как принято в армии, последнее решение командира. Иначе говоря, проект бюджета, разработанный с привлечением десятков учреждений, сотен людей, оказался вмиг устаревшим и ненужным, но именно этого и добивались от президента его тайные советчики. Последних не устраивала общая концепция построения бюджета.

Я же, напротив, исходил из того, что экономический суверенитет несводим к декларациям о национализации, бюджетной автономии и т.п., а нуждается в реальном строительстве путем привлечения всех доступных средств, в том числе и российских. Однако решить эту проблему легче, если находишься в согласованных пределах экономического пространства того государства, от которого собираешься отделяться, а не вне его границ. Вот почему в 1992 году из 11 млрд. рублей планируемого дохода в государственный бюджет Чечни около 6 млрд. рублей должны были поступить в виде прямых дотаций из российского

бюджета, не считая иных финансовых инъекций (отраслевые инвестиции, дотации пенсионному фонду, фонду социального страхования, фонду дорожного строительства и т.д.). На этот счет имелась договоренность с правительством России.

Указанные аргументы были хорошо известны Дудаеву, но казались ему неубедительными. Тогда я решил «зайти с другого конца», сыграв на имевшемся противоречии между предвыборным обещанием президента скостить налоги и реальным их повышением. «Нет никакого противоречия, — парировал он мой обличительный упрек. — Советская власть забирала всю прибыль предприятий, а я только 40 процентов. Разве это не снижение? Ты говоришь, что наши налоги выше российских, но забываешь, что я отменил горбачевские налоги. Я сдержал свои обещания.» Президент имел в виду указ № 25 от 16 декабря 1991 года, согласно которому в Чеченской Республике действительно отменялись налоги с продаж, прозванные в народе горбачевскими или президентскими налогами. Короче говоря, Дудаев стоял на своем, попрекая меня в политической близорукости. «Поверь мне, — убеждал он меня, — как только в Москве узнают о моих указах, тут же посыпятся угрозы: это отключим, того не дадим и т.д. А почему? Потому, что они от наших доходов зависят больше, чем мы от их дотаций. Так что давай мне настоящий государственный бюджет и не поддавайся на хитроумный план по перекачке чеченских денег в российский бюджет».

Президент предугадал реакцию Москвы. Узнав о его решениях, российское правительство потребовало отменить незаконные директивы, пригрозив в противном случае отключить Чечню от всех источников финансирования, что оно и сделало. Таким образом, наш бюджетный демарш обернулся бюджетной блокадой и стал прологом банковской блокады. Дудаев ничуть не расстроился. Напротив, он заметно воодушевился, по крайней мере внешне, полагая, что все идет к признанию независимости Чечни. В политике кремлевских деятелей действительно прослеживались признаки, если и не признания независимости Чечни, то отделения ее от России. Так закончилась первая попытка построить межбюджетные отношения с Россией в пределах ее экономического пространства.

Во всяком случае наш поспешный уход из данного пространства, поддержанный в Кремле, нанес республике куда больший ущерб, чем гипотетические потери от нахождения в нем. Именно такие прагматические соображения двигали мной,

а вовсе не «промосковская болезнь», как выражался Дудаев. Не буду спорить о первичности политического или экономического суверенитета, но уверен, что без прочного экономического фундамента политическая независимость на самом деле будет иллюзорной. Другой вопрос: можно ли построить такой фундамент в обстановке непрекращающегося противостояния с Россией? Думаю, что нет. В этом смысле Татарстан, к примеру, не доводя дело до войны, уже сегодня стал экономически и политически более независимым от России, чем Чечня. Оставаясь в российском экономическом пространстве, методически нащупывая бреши в федеральном законодательстве, Татарстан сумел расширить свое политическое пространство до таких пределов, что дружить с ним для России выгоднее, чем воевать.

Бюджетный дефицит и бюджетное равновесие

Первый государственный бюджет Чечни с самого начала подвергся политической секвестрации, а это не могло не сказаться на его качестве. Контрольные цифры по доходам и расходам оставались на прежнем уровне, трогать их президент не позволял. Ему важно было доказать всем, а может быть и самому себе, что экономический потенциал, созданный в республике, достаточен для формирования полностью автономного бюджета. Причем на разговоры о дефиците бюджета было наложено негласное табу. Оно и понятно — в замкнутом экономическом пространстве величина максимального дохода, подлежащего изъятию в бюджет, зависит от многих факторов, но в первую очередь от размеров валового и чистого продукта. От них в конечном счете зависит и объем реальных расходов. Что касается дефицитного бюджетного финансирования, то оно в условиях блокады и отсутствия собственной национальной валюты было невозможно. Другими словами, ситуация требовала линейной увязки расходной и доходной частей бюджета. Идея бездефицитного бюджета (бюджетного равновесия) была естественным следствием «чеченской экономической робинзонады». Однако в условиях экономического спада и отрицательного сальдо внешнеторгового оборота данная идея приходила в противоречие с механизмом ее реализации, построенном на российской налоговой системе, серьезно подтачивавшей общие

финансовые ресурсы, а, стало быть, возможности обеспечения бюджетного равновесия.

Сказанным в значительной мере объясняется недостаточная эффективность мер, направленных на выполнение плана по доходам. В 1992 году он был выполнен на 77 процентов (8,5 млрд. рублей против 11 млрд. рублей по плану), а в 1993 году и за 10 месяцев 1994 года — на 80 процентов (37 млрд. рублей против 46 млрд. рублей по плану и 300 млрд. рублей против 368 млрд. рублей по плану). План доходов на 1994 год был составлен с учетом возможных недоимок. Справедливости ради надо отметить, что благодаря усилиям правительства бюджетные поступления становились из года в год все более плавными. Если в 1992-1993 годах две трети поступлений пришлось на последний квартал года, то уже в 1994 году доходы поступали значительно равномернее, несмотря на огромные трудности, вызванные эскалацией политической напряженности.

Другая серьезная причина срыва плановых заданий по доходам заключалась в распространении специфической формы недоимок, основанной на бартерных операциях, не вписывавшихся в традиционную систему учета и отчетности. И в самом деле — нельзя же требовать, чтобы налоговые службы взимали в бюджет взамен денег их натуральный эквивалент полученный предприятиями по бартеру. Своего апогея бартер в Чечне достиг в 1992-1993 годах — до 30 процентов стоимости внешнеторгового оборота. В 1994 году в результате мер, принятых правительством в рамках обновленной бюджетной политики, названная цифра уменьшилась, но в условиях банковской блокады довести бартер до нуля было невозможно. Между тем постепенно усиливающийся бюджетный дефицит требовал принятия таких мер, которые привели бы к остановке экономического спада и сокращению реального дефицита бюджета, превышавшего допустимые нормы по отношению к стоимости валового продукта. Комплекс таких мер был предусмотрен в государственном бюджете на 1994 год.

Единый чеченский налог

Главная особенность бюджета 1994 года заключалась в новом способе получения доходов посредством так называемого единого налога, вводимого в трех наиболее рентабельных отраслях чеченской экономики (в нефтяной, цементной и вино-

водочной) вместо усложненной, многоступенчатой налоговой системы. Дело в том, что российская налоговая схема, принятая в республике, не соответствовала ни структуре, ни природе чеченской экономики. В России данная схема являлась составной частью экономических реформ, их естественным продолжением, а в Чечне, где реформы были заморожены и банки «выключены» из российской банковской жизни она смотрелась неестественно. Низкая собираемость налогов как бы детерминировалась искусственной и потому нерациональной для наших условий налоговой системой.

Вместе с тем финансовое положение большинства чеченских предприятий было таким, что одними налоговыми ухищрениями правительства невозможно было выправить ситуацию. Поэтому согласно бюджету 1994 года предприятия, несостоятельные в финансовом отношении, но перспективные в стратегическом плане, были вообще освобождены на текущий год от уплаты большинства налогов. Что касается нефтяной, цементной и виноводочной промышленности, то здесь многочисленные налоги были сведены к одному-единственному налогу, взимаемому в денежной сумме, эквивалентной определенному количеству основной и вспомогательной продукции. Необходимые для установления такого налога расчеты проводились при активном участии всех заинтересованных сторон, включая и госналогслужбу. Причем, за основу расчетов были приняты не бюджетные, а внутриотраслевые потребности, достаточные для нормального воспроизводства. Чтобы нейтрализовать влияние фактора инфляции, бюджет был составлен и в рублевом и в долларовом исчислении.

Введение единого налога сразу же сказалось на доходной части бюджета. Впервые с 1992 года правительство имело в руках реальный финансовый механизм, зависящий только от фактической выработки продукции. Влияние прочих факторов было сведено к минимуму. В центре внимания правительства были теперь не столько проблемы собственно бюджета, сколько проблемы, связанные с правильной организацией и управлением экономикой.

Бюджет и банки

Одним из серьезных препятствий в организации бюджетной работы была банковская сфера, существовавшая как бы вне экономического пространства Чечни. Не могу вспомнить ни одного банковского начинания, которое было бы проникнуто

заботой об экономическом росте республики. Банковский эгоизм проявлялся по-разному, но прежде всего в лоббировании налоговых льгот. В 1992-1993 годах ставки налогов на доходы банков были на треть ниже, чем в промышленности. По идее льготы эти должны были стимулировать приток в экономику банковского капитала. Эти ожидания, однако, не оправдались.

С одной стороны, экономика не могла выдержать откровенно ростовщическую кредитную политику банков, когда вместо одного кредитного рубля предприятия должны были возвращать через год 3-4 рубля. С другой стороны, ростовщические настроения среди банкиров объяснялись в существенной мере отказом Дудаева от экономических реформ, что закрывало банкам возможность участия их капиталов в приватизации государственного имущества. Призывы президента вкладывать частный капитал в государственную экономику должного отклика у банкиров не находили. Сращивание частного банковского капитала с государственным промышленным — явление довольно редкое. В этом смысле Чечня не стала исключением. Тем более, что не было законодательной основы для такого сращивания. Выжидательная позиция коммерческих банков, включая и филиалы российских коммерческих банков, объяснялась также никем реально неконтролируемой политикой Национального банка Чечни. Подчиняясь формально парламенту, а после приостановки его деятельности — президенту, Национальный банк проводил, строго говоря, не политику даже, а оторванные от правительственной программы мероприятия по аккумуляции наличных денежных средств с целью превращения их в кредитные ресурсы. Немало усилий им было затрачено на ограничение, а в конечном счете и на устранение с финансового поля коммерческих банков, имея в виду установление абсолютной монополии Национального банка в кредитно-денежной сфере. При этом Национальным этот банк являлся лишь по названию, а в практической работе он руководствовался исключительно инструкциями и директивами бывшего Госбанка СССР и его правопреемника Банка России. Став во главе Национального банка, У.Имаев решил устранить несоответствие между названием банка и его реальной природой, но выбрал для этого далеко не лучший способ.

Отсутствие закона о Национальном банке Чеченской Республики и специфическое представление его председателя о задачах и функциях данного учреждения привели к появлению на свет такого Устава Национального банка, который позволял У.Има-

еву единолично диктовать правила поведения на финансовом рынке. В августе 1993 года в конце очередного заседания правительства У.Имаев внес не предусмотренный повесткой дня вопрос об утверждении Устава Национального банка Чеченской Республики. Я выступил против такой процедуры принятия устава, так как никто из членов правительства не был знаком с этим документом, но меня не поддержали. Посмотрев устав буквально на ходу, я выступил уже против его содержания — настолько оно расходилось с устоявшимися в мире представлениями о месте и роли национальных банков в организации денежно-кредитной системы. Но правительство молчаливо отвергло мою критику, о чем впоследствии сильно пожалело, а президент поддержал главного банкира, заявив, не то в шутку, не то всерьез, что представленный проект устава хорош уж тем, что вызывает возражение министра финансов. Устав был утвержден без поправок и замечаний — случай, надо сказать, редкий в практике дудаевского правления.

Столь откровенная демонстрация принципа «не ради дела, а назло министру» побудила меня к тому, чтобы отныне все свои служебные записки на имя президента, касающиеся кредитно-денежной сферы, неизменно сопровождать припиской: «Имаев возражает. Прошу утвердить.» По новому Уставу Национальный банк получил не только право на лицензирование деятельности коммерческих банков, но также и на собственную коммерческую деятельность. Удар по основным коммерческим банкам был нанесен с двух сторон. С одной стороны, все предприятия, учреждения и организации независимо от формы собственности должны были иметь один расчетный банковский счет, но государственные предприятия, учреждения и организации могли иметь такой счет только в Национальном банке. Принимая во внимание доминирующую роль государственного сектора в экономике, нетрудно догадаться, что данное ограничение было для коммерческих банков смертельным. С другой стороны, целый ряд коммерческих банков (Агробанк, Сбербанк, Промстройбанк, Жилсоцбанк), которые обслуживали около 90 процентов всех юридических и физических лиц, одним росчерком пера были лишены статуса независимых и очутились в структуре Национального банка. Для прочих коммерческих банков были введены такие ограничения, включая и явно непомерные размеры уставного капитала, что они должны были отмереть сами собой. Казалось бы, министру финансов только радоваться тому,

что Национальный банк, как кассир государственного бюджета, обрел неограниченные полномочия. Радоваться, однако, было нечему, так как доходы этого банка по новому уставу налогообложению не подлежали, а статьи его расходов можно было и не раскрывать. Бюджет от таких новшеств оказался в проигрыше. Поэтому мой служебный долг обязывал меня выступить против разорительной политики Национального банка, что, однако, не понравилось ни Дудаеву, ни У.Имаеву. Противоречия по этой проблеме достигли между нами такой остроты, что У.Имаев инициировал даже вынесение мне президентом выговора за «недостатки в работе по сбору налогов и пополнению бюджета». Перед тем как протащить это предложение главный банкир Чечни, пользуясь тем, что все бюджетные счета обслуживались Национальным банком, тщательно проверил соответствие реальных расходов бюджета официально утвержденным. Не найдя здесь компромата, но горя желанием «поставить меня на место», он подsunул президенту проект выговора в названной выше формулировке, а для демонстрации своей озабоченности состоянием бюджета предложил выделить республиканскому бюджету краткосрочный льготный кредит. Абсурдность выдвинутых обвинений и предложений заставила усомниться даже Дудаева.

На самом же деле за организацию работы по сбору налогов отвечало не министерство экономики и финансов, а госналогслужба, которая в своей работе подчинялась президенту, а не мне. Что касается предложения выделить бюджету кредит, то у Национального банка был только один реальный источник, а именно: бюджетные средства. Таким образом, весь смысл имаевской заботы состоял в том, чтобы, прокредитовав бюджет за счет бюджета, получить необлагаемый налогами доход для Национального банка. В такой обстановке рассчитывать на прямую поддержку президента, а, следовательно, правительства не приходилось. Поэтому в выработке методов воздействия на Национальный банк надо было двигаться часто окольными путями, памятуя, что в политике прямая линия не всегда бывает короче кривой. Речь, в частности, шла о включении Национального банка в правительственную программу бюджетного оздоровления. Имелось в виду решить как минимум две задачи: упорядочить кредитную политику Национального банка и вывести его доходы из-под запрета на налогообложение. С 1991 года кредитная политика чеченских банков, включая и Нацио-

нальный банк, оставалась тайной за семью печатями. Мы знали, что кредиты выдаются, но не знали, за счет каких источников, на каких условиях, а, главное, кому. Поэтому в ходе разработки проекта бюджета на 1994 год министерство экономики и финансов провело небольшое исследование интересующей нас проблемы, но не со стороны банков, а со стороны их основных клиентов. Выяснилось, в частности, что за 1992-1993 годы базовые предприятия народного хозяйства кредитов от местных банков практически не получали. Это был серьезный повод для размышлений, но получить полное представление можно было только в самом Национальном банке, куда мне, к примеру, дорога была заказана по известным причинам. За содействием пришлось обратиться к вице-премьеру правительства М. Мугадаеву. В моей служебной записке содержалась просьба воздействовать через президента на Национальный банк с целью получения информации, необходимой нам в работе при подготовке проекта бюджета. К моему удивлению, на экстренном заседании правительства Дудаев буквально «наехал» на все структуры упомянутые в записке, обвинив их в саботаже работы над государственным бюджетом Чечни. Досталось и Национальному банку. Недовольство президента касалось в основном кредитной политики банков. Тут же он подписал распоряжение о создании комиссии по изучению этого вопроса. Возглавить комиссию президент предложил мне, но я отказался, так как мое согласие в данном случае могло быть истолковано превратно. Председателем комиссии президент назначил руководителя госналогслужбы М. Керимова. Комиссия работала больше месяца, подготовила соответствующую справку, с которой меня ознакомили неофициальным образом, но предметом специального обсуждения в правительстве она не стала. Причины увода справки от огласки мне неизвестны. Я же интересовался фактической, а не бюрократической стороной вопроса. Мое служебное любопытство было удовлетворено.

Сведения, содержащиеся в справке комиссии, несмотря на их явно приглаженный характер, оправдали мои опасения. Обнаружилось, что за 1990-1993 годы учреждения Национального банка выдали кредитов на сумму около 10 млрд. рублей, в том числе 4 млрд. рублей в 1992-1993 годах. Доля невозвращенных в срок кредитов находилась на уровне 42 процентов. Наибольшую недисциплинированность заемщики проявили в 1990-1991 годах, присвоив себе не менее половины полученных кредитов.

Основная часть долга приходилась на агропромышленный комплекс. В 1992-1993 годах доля кредитов, невозвращенных в установленный срок, достигла 12 процентов, то есть формально находилась в пределах допустимых норм.

Здесь, однако, надо учитывать неравнозначность одной и той же суммы полученных и возвращенных кредитов. Кредитный рубль, полученный в 1990 году и возвращенный в 1993 году, — это не одно и то же, ибо различна их покупательная способность. Кредитный рубль, выданный наличными, то есть ликвидный рубль, но возвращенный, пусть даже и в срок, в безналичной форме по местному перечислению, — это также разные рубли. Основная масса кредитов в 1992-1993 годах была выдана в наличной форме, а возвращена в безналичной. Кроме того, свыше 90 процентов кредитов в 1992-1993 годах получили негосударственные предприятия непроизводственного назначения. Эти немаловажные детали не получили в упомянутой справке должной оценки. Можно поэтому утверждать, что с учетом фактора упущенных выгод, она отражала сведения, которые существенно расходились с реальным положением дел. Мириться с этим было просто непозволительно. Необходимые, на наш взгляд, меры были предусмотрены в проекте бюджета на 1994 год.

Во-первых, надо было уходить от чеченской версии банковской монополии. Как говорил один великий большевик, «всякая монополия ведет к загниванию». От себя добавим — чеченская в особенности. Реальным финансовым институтом, который мог бы составить законную конкуренцию банкам, было само правительство в лице министерства экономики и финансов. Поэтому в число бюджетных документов был включен проект указа президента о наделении в 1994 году министерства экономики и финансов функциями государственного инвестиционного центра. Во-вторых, этот центр наделялся правом на осуществление такой инвестиционной политики, которая позволила бы устоять на ногах базовым отраслям народного хозяйства.

С этой целью в бюджет был заложен инвестиционный ресурс в виде краткосрочных, льготных и ликвидных кредитов. Речь шла о беспроцентных или низкопроцентных кредитах (25-30 процентов годовых), предоставляемых в виде ликвидной товарной продукции сроком до одного года. И последнее. Национальному банку также не возбранялось кредитовать базовые отрасли, но только на равных с вышеназванными или на более выгодных для этих отраслей условиях. В таких случаях доходы Националь-

ного банка налогообложению не подлежали. Все прочие его доходы были подведены для начала под общие условия налогообложения. В перспективе доходы банков, в случае их использования для сверхнормативного повышения окладов банковским работникам или в спекулятивно-коммерческих целях, подлежали налогообложению по предельно высокой ставке — в 90 процентов.

Социализм не за казенный счет

Коснулись изменения и расходной части бюджета. Сократилась доля так называемых социальных расходов. Правительство отказалось от одних видов дотаций (хлебных, транспортных, топливных) и значительно сократило другие непроизводительные расходы, в том числе и на жилищно-коммунальное хозяйство, традиционно съедавшее не менее одной пятой части бюджета. Дотации сохранились в сельском хозяйстве, а также в государственной розничной торговле в части обслуживания малообеспеченной категории населения, но механизм их предоставления был принципиально изменен. К примеру, в сельском хозяйстве была введена система доплат за каждую тонну продукции, закупаемой в государственные ресурсы по расчетным рыночным ценам, что помогало переориентировать товаропроизводителей со стихийного на гарантированный государственный рынок. Причем на продукцию реализуемую государству сверх установленных поставок в государственные ресурсы, размер доплат повышался примерно на 20 процентов.

Вместе с тем меры по оптимизации бюджетной политики позволили правительству усилить отдельные направления социальной защиты населения. Так, была запланирована и осуществлена реальная индексация денежных вкладов населения в учреждениях Сбербанка с 1 января 1992 года.

Все рассмотренного рода предложения после длительного обсуждения в правительстве были, наконец, одобрены президентом и в виде соответствующих бюджетных указов обрели законную силу. Возможно, что некоторые новшества выглядели со стороны несколько архаичными или смахивали на «перетягивание одеяла» между различными ведомствами, но на самом деле мы стремились к такой бюджетной политике, которая позволила бы объединить усилия всех государственных структур, прежде всего финансовых, в целях остановки спада производства

и создания реального задела для экономического роста.

Результаты проводимой политики не заставили себя ждать. Предприятия, не имевшие возможности раскрутиться из-за отсутствия или дороговизны оборотных средств, стали заметно наращивать свой потенциал. Резко возросла реальная цена бюджетных денег. Национальный банк, поставленный в жесткие рамки, вынужден был считаться с правительством и в своей деятельности вольно или невольно ориентировался на параметры государственного бюджета. Словом, впервые с момента прихода к власти в работе дудаевской администрации наметилась системность. Принимаемые решения обрели черты взвешенной государственной политики. Однако завершить начатую работу и оценить ее конечные результаты нам было уже не суждено. Война перевернула нормальный ход событий, и несмотря на наше отчаянное сопротивление, в том числе и на дипломатическом фронте, полностью перечеркнула мирные планы.

ДИПЛОМАТ ПОНЕВОЛЕ

Была ли у чеченского МИДа концепция внешней политики?

О мерах, предпринимавшихся чеченским правительством в довоенный и непосредственно в предвоенный период для предотвращения лобового столкновения с российской военной, следует сказать особо, так как о наших мирных инициативах того времени почти ничего не известно. Кроме того, я имею на это право, поскольку в 1992-1994 годах был постоянным участником чеченско-российских переговоров.

Переговорный процесс последних лет между руководством Чечни и России носит в сущности перманентный характер. Начало было положено в сентябре 1991 года, когда российский Белый Дом, поддерживавший Дудаева при демонтаже власти Верховного Совета Чечено-Ингушской Республики, понял, что последующий ход событий в республике выходит из под его контроля, и для возвращения ситуации в управляемое русло выбросил в Грозный целый десант своих высокопоставленных гражданских и военных чинов. С тех пор диалог сторон, ежегодно возобновляясь на разных уровнях, продолжается и по сей день. Основным предметом и одновременно камнем прет-

кновения на переговорах являлся вопрос о степени свободы Чеченской Республики. Взаимоисключающие позиции сторон в данном вопросе, как бы обтекаемо они не излагались, не позволяли и не позволяют им выработать единую формулу урегулирования существующих между сторонами неразрешимых пока проблем.

Объективно говоря, все прошедшие переговоры использовались не столько для поиска компромисса, сколько для очередной демонстрации непреклонности занятых сторонами позиций. Поэтому паузы между переговорами заполнялись часто действиями в русле деструктивной политики, что и привело в конце концов к войне. Конечно, причины войны лежат много глубже, но следует все же сказать, что отсутствие у дудаевской администрации выверенной концепции внешней политики, отвечающей коренным интересам чеченской национальной безопасности, также сыграло в данном случае определенную роль. Я уже говорил о том, что внешняя политика Дудаева оставалась тайной даже для его собственного правительства.

Министерство иностранных дел республики было подотчетно непосредственно президенту и о своей работе правительству ничего ровным счетом не докладывало. По правде говоря, и докладывать-то по большому счету мидовцам было нечего. Ведь если за критерий результативности их работы взять признание международным сообществом суверенитета республики или всемерное обеспечение ее безопасности, то решение обеих этих важных задач было успешно провалено. Думаю, что не случайно в довоенных переговорах с Россией ни разу не принимал участия чеченский министр иностранных дел. Ш. Бено к ним не допускался, скорее всего, по причине его либеральных взглядов. Проработав в должности министра пять месяцев, он ушел в отставку, а сменивший его Ш. Юсеф Россию не знал вообще и знать, главное, не хотел. Зато преуспел по части мелких провокаций, направленных не только против углубления чеченско-российского диалога, но и против нормализации внутречеченских отношений. Так, в феврале 1993 года в разгар московских переговоров он прислал из Грозного телеграмму в адрес руководства России, дезавуирующую полномочия чеченской делегации, чем поставил обе стороны в двусмысленное положение. Что касается деятельности министерства иностранных дел вне поля чеченско-российских отношений, то и тут она сводилась в основном к воинственной риторике,

противоречащей Конституции Чеченской Республики, провозгласившей стремление к миру и сотрудничеству со всеми странами, в том числе и с Россией, приоритетным направлением внешней политики. Именно с подачи данного ведомства Дудаев озвучивал накануне войны сведения о готовящейся якобы военной помощи Чечне силами мусульманских моджахедов численностью до 1 млн. человек. На вопрос, что мы будем делать с ними после войны, президент обещал ответить также после войны.

Поскольку социально-экономическая политика правительства во многом зависела от эффективности его внешней политики, постольку вопрос о работе нашего министерства иностранных дел рано или поздно должен был быть поставлен, что называется, ребром. Так оно и случилось. В декабре 1993 года в соответствии с правительственной программой началась проработка вопросов для очередных переговоров с руководством России. Участие мидовцев в этой работе было бы вполне естественным, но Ш.Юсеф почему-то занял странную позицию, пытаясь уже на начальной стадии, загодя принизить значение будущих переговоров. Терпеть такую ситуацию дальше не было уже никаких сил. Поэтому, предварительно согласовав свои позиции, мы с М.Мугадаевым поставили перед президентом вопрос о неудовлетворительной работе министерства иностранных дел.

Президент с ходу и довольно резко отверг постановку вопроса в нашей редакции, заявив, что работа данного ведомства имеет специфику и не поддается, следовательно, общепринятым оценкам. Тогда мы поставили вопрос несколько шире и попросили министра иностранных дел доложить правительству о концепции внешней политики Чеченской Республики, если она вообще существует. Дудаев и Ш.Юсеф в один голос стали доказывать, что концепция такая имеется, но не может в силу ее секретного характера стать предметом публичного обсуждения. Видя нашу неуступчивость и желая заодно прошупать на всякий случай позицию ведомства и его руководителя, Дудаев приказал ему принести и здесь же в кабинете президента ознакомить сомневающихся членов правительства с концепцией внешней политики республики. Министр ушел за материалами.

Ждать его пришлось довольно долго, хотя министерство иностранных дел находилось всего двумя этажами ниже президентского кабинета. Наконец, он позвонил Дудаеву по спецсвязи и сообщил, что не может выполнить его приказ из-за того якобы,

что требуемый материал находится в сейфе отсутствующего в данный момент на рабочем месте чиновника. Через пару дней после неоднократных напоминаний «материал» без названия, изложенный на полуторах машинописных страничках и подписанный начальником аналитического отдела министерства, причем без расшифровки его фамилии, попал наконец-то в наши руки. Это была не концепция внешней политики государства, а какой-то жалкий лепет на тему о внешней политике неведомого мидовского клерка! Прочитав эту галиматью, состоявшую на две трети из субъективных оценок почему-то осетино-ингушского конфликта, я тут же, по старой преподавательской привычке, сел за написание рецензии на эту «концепцию».

Однако под горячую руку вышло крайне резко и местами оскорбительно. Успокоившись, я составил более взвешенный по форме и аргументированный по содержанию документ. Главная мысль сводилась к тому, что нет у нас всесторонне выверенной концепции внешней политики Чеченской Республики, что приводит к разнобою в деятельности государственных структур, к просчетам и ошибкам. Я предлагал создать специальный совет для разработки проекта внешнеполитической доктрины с привлечением к этой работе авторитетных деятелей науки, культуры, религии и политики. Рецензия моя осталась без ответа, но вместе с тем правительство могло отныне более решительно бороться с монополией министерства иностранных дел во внешней политике, поскольку было доказано, что последней, как таковой, попросту не существует.

Готовились к встрече президентов, а вышла война

В такой обстановке мы начали готовиться к первым чеченско-российским межправительственным переговорам, инициированным нашей стороной. Все прежние переговоры проводились по инициативе России на парламентском уровне. Из всей совокупности вопросов, предложенных для включения в проект соглашения с Россией, Дудаев выбрал шесть, включая вопросы совместной обороны, системы совместного обеспечения безопасности граждан, система совместных стратегических коммуникаций (транспорт, в том числе и трубопроводный, связь, транзитные дороги), единого информационного поля, пенсионный в части выплат долгов, образовавшихся за Россией, как правопреемницей СССР, возвращение Чечне ее историко-

культурных ценностей, находящихся в российских архивах, музеях и библиотеках.

Вопросы о едином экономическом и правовом пространстве Дудаев из проекта вычеркнул. Это объяснимо: ведь к тому времени у него уже созрел план денежной реформы, а также он был намерен вводить в республике отдельные нормы шариатского права. При таких исходных посылах говорить о едином экономическом и правовом пространстве действительно не имело смысла. Еще один вопрос — об облегчении участи лефортовского узника Р.Хасбулатова — решено было поднять за скобками официальной повестки переговоров.

В состав делегации Дудаев включил М.Мугадаева (руководитель), В.Дакалова и меня. О роли М.Мугадаева в организации рассматриваемых переговоров следует сказать отдельно. Во-первых, это была его инициатива, вытекающая из правительственной программы. Во-вторых, он почти три месяца оказывал непрерывное давление на своих старых, но очень влиятельных московских друзей с тем, чтобы они помогли ему в организации встречи и переговоров с российским премьером В.Черномырдиным. И, наконец, он убедил президента в необходимости такой встречи, что далось очень нелегко, поскольку Дудаев считал потенциал переговоров почти исчерпанным.

Переговоры, занявшие в общей сложности два с половиной часа, проходили в Москве в середине января 1994 года непосредственно между М.Мугадаевым и В.Черномырдиным. Они согласовали практически все вопросы, вынесенные на обсуждение. Главным итогом встречи явилась договоренность об организации переговоров в верхах между Дудаевым и Б.Ельциным. В контексте официальной позиции российского руководства о нелегитимности власти чеченского президента достигнутый итог переговоров явился свидетельством полного успеха миссии М.Мугадаева. Не всем, однако, это пришлось по душе.

Вернувшись домой, мы сразу почувствовали, что Дудаев относится к достигнутым договоренностям с недоверием. Его занимало не столько существо переговоров, сколько формальные подробности типа: где вы жили, с кем и где общались и т.д. Мне, наконец, наскучило делать вид, что я ничего не понимаю, и поэтому попросил Дудаева высказаться конкретно по существу вопроса, а не по второстепенным деталям. Реакция президента говорила сама за себя: он достал из внутреннего кармана листок бумаги и, глядя в него, стал перечислять фамилии своих замес-

тителей и министров, которые якобы симпатизируют России и готовы сговориться с ней за его спиной. Мы с М. Мугадаевым оказались в этом загадочном списке, что сразу должно было принизить значимость прошедших переговоров. Хорошо зная президента и предвидя такой поворот, мы еще до отъезда в Москву буквально вынудили его подписать специальное распоряжение о нашей делегации с указанием ее полномочий. В данном отношении мы чувствовали себя уверенно и поэтому потребовали от президента, чтобы он раскрыл источник ложной информации или предъявил нам в установленном законом порядке конкретные обвинения. Ни того, ни другого он не сделал, ограничившись обещанием провести дополнительное изучение степени объективности информации. Впоследствии я узнал, что за нами и нашими переговорами в Москве следил не то шпик, не то доброхот президента, успевший при возвращении в Грозный опередить нашу делегацию и нашептать ему про нас всякие небылицы и гадости. К сожалению, президент не брезговал услугами таких шептунов. При очередной встрече с ним я объявил, что отказываюсь впредь участвовать в чеченско-российском диалоге.

Дело в том, что после каждого этапа переговоров, в которых принимали участие многие деятели из окружения президента, Дудаев свои претензии почти всегда адресовал мне, хотя отдельно от делегации или даже в составе ее он никогда меня персонально не заслушивал. Это невольно наводило меня на мысль о нагнетании кем-то недоверия ко мне. Я прямо заявил об этом президенту. Дудаев сказал, что недоверия ко мне не испытывает, но на переговоры обещал больше не посылать, что мне и требовалось. Однако свое обещание он не сдержал, но это уже другой разговор. Что касается переговоров между М. Мугадаевым и В. Черномырдиным, то, несмотря на их успешное завершение, им не суждено было стать переломной вехой в чеченско-российских отношениях — слишком сложным и тугим оказался узел противоречий, связанный с ними. Поначалу казалось, что все идет как нельзя лучше. По итогам московской встречи в администрацию российского президента для подготовки его переговоров с Дудаевым был командирован государственный секретарь Чеченской Республики А. Акбулатов. В средствах массовой информации, известных своей близостью к кремлевским структурам, в один голос заговорили о грядущей встрече в верхах. Однако где-то в марте-апреле 1994 года

подобные голоса, как по команде, приумолкли. Известно, что антидудаевская оппозиция затратила немало сил и средств, чтобы сорвать намечавшуюся встречу. Для них она означала бы политическую смерть. Тут все понятно.

Сложнее было разобраться с раскладкой позиций в собственном стане. Когда вопрос о встрече в верхах стал в практическую плоскость, тональность политических заявлений Дудаева заметно изменилась. Он вдруг стал утверждать, что в виду раскручиваемых в России после октября 1993 года античеченских настроений и гонений на чеченцев, общественные и религиозные организации Чечни настойчиво рекомендуют ему отложить встречу с Б.Ельциным до лучших времен. Что такие заявления не являются случайностью, подтвердилось во время международной конференции на тему «Народоубийство: теория и практика», проходившей в Грозном в апреле 1994 года. В своем выступлении на конференции Дудаев неожиданно для многих допустил несколько недипломатичных высказываний в адрес России и ее президента, что не могло пройти мимо внимания Кремля и не отразиться на перспективах двухсторонних отношений. Косвенным подтверждением тому может служить свидетельство президента Татарстана М.Шаймиева, который в своих интервью по поводу чеченской проблематики не раз говорил, что позиция Б.Ельцина к Чечне и ее президенту окончательно стала меняться в худшую сторону как раз с весны 1994 года, причем со ссылкой на дудаевские речи. С того же времени активизировалась диверсионная и прочая разрушительная работа антидудаевской оппозиции, включая и неоднократные покушения на жизнь чеченского президента. Объективно получилось так, что, двигаясь с разных сторон, Дудаев и его оппозиция сошлись в своем намерении не допустить встречи в верхах. Думаю, что одной из важнейших причин равнодушия Дудаева к намечавшейся встрече было опасение того, что она не приведет к подписанию межгосударственного договора с Россией и, следовательно, негативно скажется на его политическом рейтинге. Возможно, существуют и другие объяснения, но мне они кажутся менее правдивыми.

Владикавказские переговоры

Следующий раунд чеченско-российских переговоров относится уже к военному периоду. О необходимости их возобновления стороны заговорили начиная с 26 ноября 1994 года, когда сторонники Дудаева наголову разбили вооруженные формирования оппозиции. Как известно, указ президента России по Чечне от 1 декабря 1994 года предписывал комбинированное воздействие на Чечню — посредством военного устрашения и мирных переговоров. Во исполнение этого предписания, а вовсе не по своей доброй воле министр обороны России П. Грачев изъявил желание встретиться с Дудаевым. Эту встречу, проходившую 8 декабря 1994 года в станице «Слепцовская», генералы использовали скорее для рекогносцировки военно-политического ландшафта, нежели для поиска мира. Наивно было бы думать, что в той обстановке они могли бы договориться о мире. Похоже, что в Кремле это также понимали. Иначе как объяснить его инициативу начать переговоры по урегулированию взаимоотношений, предпринятую в те же самые дни, когда готовилась встреча двух генералов?

3 декабря 1994 года администрация чеченского президента получила из Москвы следующую телефонограмму: «Чеченская Республика. г. Грозный. Правительству Чеченской Республики. Созданная постановлением правительства Российской Федерации рабочая комиссия для проведения переговоров по проблемам урегулирования обстановки в Чеченской Республике предлагает начать переговоры по вопросам прекращения кровопролития, разоружения вооруженных формирований, восстановления нормального жизнеобеспечения на территории Чеченской Республики. Местом переговоров мог бы стать один из городов: Армавир, Кисловодск, Минеральные Воды, Пятигорск, Ставрополь. Просим о вашем отношении к предложению немедленно сообщить по адресу: 121819, Москва, Трубниковский пер., 19, Миннац России. Руководитель правительственной рабочей комиссии В. Михайлов.» На этом документе стоит виза Дудаева: «Имаеву. Выяснить юридические права. 4.12.94 г.» В тот же день в Миннац России за подписью министра юстиции — генерального прокурора Чеченской Республики — Ичкерия У. Имаева ушла ответная телефонограмма: «В связи с Вашей телефонограммой от 3 декабря 1994 года (без номера) о создании полномочной Правительственной рабочей комиссии по переговорам между

Чеченской Республикой-Ичкерия и Российской Федерацией по урегулированию отношений между двумя сторонами и в соответствии с поручением правительства ЧРИ сообщаем, что мы готовы незамедлительно начать переговоры как по вопросам, указанным в Вашей телефонограмме, так и по другим вопросам наших взаимоотношений. Местом проведения переговоров можно было бы определить г. Вильнюс или г. Владикавказ. Однако хотелось бы соблюсти юридическую формальность и в этих целях просим переслать по факсу решение правительства Российской Федерации о создании рабочей комиссии с подтверждением Ваших полномочий».

В процитированном документе обращают на себя внимание два момента. Во-первых, наша сторона готова была расширить предмет переговоров. Спрашивается, зачем и за счет каких вопросов? Думаю, что здесь речь шла о желании Дудаева сразу приступить к ведению полномасштабных переговоров для выработки проекта межгосударственного договора. Российская же сторона существенно сужала предмет переговоров, хотя в процессе их проведения она была согласна говорить на любую тему в рамках Конституции Российской Федерации. Во-вторых, неожиданным является предложение о месте переговоров. С Вильнюсом более или менее ясно, чего не скажешь о Владикавказе, находившегося в антагонизме с братской Назранью. Кстати, Назрань была предложена Р.Аушевым для этих переговоров. В таких делах случайностей не бывает.

Я объясняю это необъяснимыми симпатиями Дудаева к осетинам. В доказательство можно привести два известных эпизода. Выступая на упомянутой выше апрельской 1994 года международной конференции, Дудаев сделал неожиданное заявление о том, что лично он меньше всего винит осетин в трагедии осени 1992 года, поскольку их, мол, подталкивала к этому Россия. Такая позиция у ингушей, разумеется, восторга не вызвала. Помнится, что через пару дней я спросил у президента, в чем тут дело. Ответ свелся к тому, что если ранжировать кавказские народы по степени их близости к чеченцам, то сразу после ингушей идут осетины, которых Россия якобы из-за этого постоянно провоцирует на конфликт с вайнахами. Думаю, что существовало и другое объяснение. Дудаев не скрывал своего недоумения по поводу того, что ингуши позволяли провозить через свою территорию вооружение, предназначенное для автурхановского временного совета. Не знаю, насколько это соответствовало дейст-

вительности, но информацию такого характера ему систематически подбрасывали с разных сторон. Так или иначе, но местом переговоров с согласия осетинской стороны и в самом деле был выбран Владикавказ.

6 декабря 1994 года, Дудаев подписал распоряжение №118 «О создании Правительственной комиссии по переговорам с Российской Федерацией». Председателем комиссии, состоявшей из 9 человек, он, вопреки всем нашим предыдущим договоренностям, назначил меня, хотя предмет переговоров, обозначенный в его распоряжении — урегулирование взаимоотношений между Чеченской Республикой-Ичкерия и Российской Федерацией — совершенно не соответствовал моим служебным обязанностям министра экономики и финансов. Профильными функциями обладал прежде всего министр иностранных дел. Были и другие приближенные Дудаева, многократно участвовавшие до этого в переговорах с Россией. Более того, с конца октября 1994 года на столе у президента лежало мое заявление с просьбой об освобождении от занимаемой должности, написанное в силу стечения многих обстоятельств, в том числе из-за перепалки, возникшей между нами по поводу моей позиции в вопросах денежной реформы. Президент сказал мне тогда, что ему надоели мои постоянные угрозы об отставке и что в решении этого вопроса за ним лично дело не станет. Тем не менее заявление он не подписывал, ссылаясь то на необходимость завершения дел, связанных с денежной реформой, то на то, что мой уход будет воспринят в обществе как бегство «с тонущего корабля» и раскол в правительстве, и даже просил меня не разглашать факт подачи мною указанного заявления.

Понимая, видимо, что в сложившейся ситуации ему не удастся уговорить меня возглавить переговорную комиссию, Дудаев принял решение об этом без моего ведома в тот момент, когда мы вместе с председателем Национального банка Н.Увайсаевым находились в ответственной заграникомандировке. Самое интересное заключалось в том, что о своем назначении я узнал не от президента (хотя уже 9 декабря докладывал ему об итогах командировки), а из вечернего выпуска новостей центрального телевидения. Я кинулся к Дудаеву за разъяснениями, но не застал его. Позвонил в министерство иностранных дел, государственному секретарю, вице-преьерам — никто ничего не знал! Звоню на всякий случай У.Имаеву и попадаю в точку, хотя и он не смог объяснить толком, почему выбор пал именно на меня. Наконец,

поздно вечером 10 декабря мне удалось переговорить с президентом. Дудаев с ходу предупредил меня, что в сложившейся обстановке не намерен объясняться со мной по поводу того, как и почему он назначил меня главой правительственной делегации, что он, как президент, имеет право поручить задание любому гражданину Чеченской Республики, в том числе и мне. Ситуация и в самом деле была очень тревожная. В воздухе запахло войной. Скрепя сердце, я согласился ехать во Владикавказ, но предупредил президента, что не могу отвечать за итоги переговоров. Тут же мы обговорили с ним примерный план переговоров.

Основной упор предстояло сделать на урегулировании обстановки в республике и вокруг нее путем приостановки и полного прекращения военной агрессии и угрозы агрессии против Чечни, а также разработки механизма совместных действий официальных силовых структур Чеченской Республики и России по разоружению незаконных вооруженных формирований. Причем, незаконными должны были считаться всякие вооруженные формирования, если они не были созданы указами президента и решениями правительства Чечни для защиты ее государственных интересов, обеспечения общественного порядка и прав граждан. Таким образом, было дано определение незаконных вооруженных формирований, чего, кстати, не делала российская сторона, трактуя эту проблему всякий раз по-разному. По сути мы подводили под определение незаконных вооруженных формирований автурхановского временного совета, а также многочисленные формирования типа лабазановского отряда, сколоченные при активном содействии российских спецслужб.

Ранним утром 12 декабря 1994 года наша делегация выехала во Владикавказ. Кроме меня в состав делегации Дудаев включил А. Алиева (заместителя министра юстиции), М. Махмаева (заместителя министра внутренних дел), С. Адуева (начальника департамента железнодорожного транспорта), М. Мержоева (представителя президента в вооруженных силах), К. Музаева (главу администрации Грозного), Р. Алиева (начальника департамента воздушного транспорта), Л.-А. Хациева (начальника департамента социальной защиты населения) и Т. Гайсумова (генерального директора государственного концерна нефтяной промышленности). Как видно, состав делегации не мог располагать к ведению полномасштабных политических переговоров. К тому же они должны были проходить на фоне бесплодной встречи Дудаева с П. Грачевым в условиях начавшегося военного проти-

востояния сторон. Вероятно, формируя делегацию, Дудаев не думал всерьез, что дело может получить такой оборот.

К 11 часам указанного дня мы подъехали к ингушско-осетинской границе и здесь застряли почти на целый час. Дело в том, что с осетинской стороны навстречу нам двигалась огромная колонна российских войск, которую мы вынуждены были пропускать вперед, так как военные регулировщики и слышать не хотели ни о каких делегациях и переговорах. В какой-то миг возникло даже желание вернуться обратно в Грозный, поскольку новые обстоятельства принципиально меняли намеченный рисунок и характер предстоящих переговоров, придавая им двусмысленность. Однако ответственность за переживаемый момент заставляла двигаться навстречу переговорам, которые по договоренности с В.Михайловым были намечены на 14 часов. Прибыв на место, я первым делом заявил решительный протест по поводу двуличной политики Кремля, который под прикрытием мирных переговоров разворачивает военную агрессию и, стало быть, намеревается говорить с нами с позиции силы. В.Михайлов заверил меня, что он ничего не знал о вводе войск в Чечню и что сообщение об этом он получил в аэропорту лишь за несколько минут до вылета его делегации во Владикавказ. Он предложил, несмотря ни на что, приступить к переговорам. И тут обнаружилось, что для нас заготовлен еще один сюрприз. Представители осетинской стороны (именно они, а не В.Михайлов) сообщили мне, что в их столице находится делегация автурхановского временного совета, разместившаяся в той же гостинице «Владикавказ», что и мы. Выяснилось, что делегация эта состоит из трех функционеров временного совета, а именно: Б.Басханова (руководитель), Р.Мадиева и Б.Гантамирова. Понятно, что здесь не было случайности, что дело пахнет провокацией, но конкретную цель их приезда я не знал. Поэтому надо было выждать паузу, чтобы В.Михайлов сам рассказал обо всем, но он продолжал хранить молчание, призывая меня немедленно приступить к переговорам. Поскольку время работало не в нашу пользу, пришлось ускорить развязку ситуации и потребовать от В.Михайлова объяснений по поводу новоявленной делегации из Чечни. Он сразу стал на защиту автурхановцев и заявил, что делегация временного совета будет представлять на переговорах одну из противоборствующих сторон чеченского конфликта, а дудаевские посланцы — другую. Себе он отвел роль посредника — эдакого патрона при обсуждении вопросов об урегулировании обстанов-

ки в республике. В организационно-техническом плане такая затея должна была выглядеть следующим образом: по одну сторону стола от В.Михайлова садится наша делегация, а по другую — делегация временного совета. Итогом этих «мирных» переговоров должна была стать совместная декларация об одновременном и добровольном разоружении всех незаконных вооруженных формирований наряду с постепенным отводом (не уходом, заметьте!) подразделений российских войск и проведении свободных демократических выборов президента и парламента Чеченской Республики, а также о начале работы по разработке договора о разграничении предметов ведения и взаимного делегирования полномочий между федеральными органами власти России и органами власти и управления Чеченской Республики. Привожу эти формулировки в той редакции, в какой они были даны в российском проекте протокола «О ходе переговоров об урегулировании обстановки в Чеченской Республике (Чеченской Республике-Ичкерия) и вокруг нее». Замечу, что такой рисунок переговоров российская сторона пыталась навязать дудаевцам практически на всех последующих встречах вплоть до захвата Грозного отрядами чеченского Сопротивления в августе 1996 года.

Схема переговоров, согласно которой существовал внутричеченский конфликт, требовавший своего разрешения как внутрироссийская проблема при посредничестве федерального центра, совершенно не соответствовала ни реальному положению вещей, ни нашим взглядам, ни предварительным договоренностям с В.Михайловым. Поэтому я предложил изменить план переговоров, приблизив его к реальной, а не к надуманной ситуации. Я даже согласился на участие в переговорах автурхановских посланцев, но лишь в том случае, если последние будут официально включены в состав российской делегации. В.Михайлов не уступал и переговоры оказались под угрозой срыва. Я связался по телефону с Дудаевым и доложил ему обстановку. Он одобрил мои действия и приказал возвращаться домой, сделав соответствующее случаю заявление. В.Михайлова такая перспектива не обрадовала и, посоветовавшись со своим руководством, он согласился на проведение с дудаевской стороной двусторонних чеченско-российских переговоров по урегулированию обстановки в Чеченской Республике и вокруг нее.

Так с опозданием почти на три часа начались владикавказские переговоры. Что же касается делегации автурхановского временного совета, то она работала автономно. Подписав

заготовленный заранее текст протокола о намерении сложить оружие, если то же сделают дудаевские вооруженные формирования, автурхановские посланцы в тот же вечер покинули Владикавказ. На самих переговорах, где В.Михайлов показал себя твердым защитником территориальной целостности России, разговор шел в основном вокруг вопроса о незаконных вооруженных формированиях и механизме их разоружения. Суть разногласий сводилась к двум моментам. Во-первых, российская сторона предлагала расширительное толкование незаконных вооруженных формирований, пытаясь подвести под это понятие не только отдельные группы вооруженных людей, включая подразделения министерства внутренних дел и службы национальной безопасности, но и колхозного сторожа с берданкой. Чтобы перевести разговор в плоскость практических решений, я предложил русским предъявить нам список незаконных вооруженных формирований с указанием их названий, места дислокации, командного состава и типа вооружений. Тогда наши споры обрели бы вполне конкретный смысл, но русские, вопреки их первоначальным заявлениям, такой информацией не располагали. Поэтому они и напирали на расширительное толкование незаконных вооруженных формирований. Во-вторых, разногласия касались юридической базы разоружения. Русские предлагали провести разоружение на базе Конституции Российской Федерации, а мы, естественно, — Конституции Чеченской Республики. Выдвинутый нами компромисс провести разоружение на базе конституций обеих сторон русские отвергли, заявив, что, с точки зрения Конституции РФ, Конституция Чеченской Республики сама является неконституционным документом. В итоге трудные двухдневные переговоры зашли в тупик. Между тем боевые действия в республике разворачивались независимо от хода переговоров, нарастая с каждым часом, что вполне устраивало русских, так как по их логике наша уступчивость должна была находиться в прямой зависимости от степени военного давления с их стороны.

В том, что военное давление будет нарастать, нас убедило постановление правительства Российской Федерации «О неотложных мерах по восстановлению и развитию экономики и социальной сферы Чеченской Республики», принятое 9 декабря 1994 года. Текст этого постановления я получил от В.Михайлова 13 декабря. Несмотря на свое достаточно мирное название, документ был составлен в духе военного времени, допускающего сначала разруху и голод, а затем и меры по их прео-

долению. Кроме того, переговоры создавали вокруг русских ореол миротворцев, вынужденных отбиваться от чеченских вооруженных формирований. Фактически дело шло к срыву переговоров, но ни одна из сторон не хотела брать на себя ответственность за это. Пришлось прибегнуть к тактической уловке и заявить о необходимости временного перерыва для дополнительных консультаций с руководством. Такая мотивировка была правдивой, хотя бы потому, что связь с Грозным из-за боевых действий стала крайне неустойчивой, а потребность в консультациях все более насущной. Мы договорились, что наша делегация сделает официальное заявление и отбудет в Грозный с тем, чтобы через день-два вернуться обратно за стол переговоров. Вот полный текст такого заявления, сделанного 14 декабря 1994 года: «В течение трех лет Президент и Правительство Чеченской Республики-Ичкерия, выражая волю и неотъемлемое право чеченского народа образовать самостоятельное государство, исходя при этом из жизненной необходимости мирного урегулирования отношений между Чеченской Республикой и Российской Федерацией, неоднократно выступали инициаторами проведения полномасштабных переговоров по всему кругу вопросов, представляющих взаимный интерес. Однако руководство Российской Федерации уходило от этих переговоров, сужая в одностороннем порядке возможности политического решения проблем, связанных с Чеченской Республикой. В арсенале российского руководства не нашлось, к сожалению, иных способов и методов решения этих проблем, кроме как, комплексная изоляция Чеченской Республики от внешнего мира, дестабилизация внутренней обстановки и ввод на ее территорию вооруженных сил. Вместе с тем понимая озабоченность руководства Российской Федерации положением дел в Чеченской Республике и выражая готовность в срок до 15 декабря решить на согласованной основе вопрос разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики, Президент Чеченской Республики образовал Правительственную Рабочую комиссию для переговоров с соответствующей комиссией Российской Федерации, согласившись с предложением российской рабочей комиссии начать эти переговоры 12 декабря 1994 года. Несмотря на достигнутую договоренность о переговорах, вооруженные силы Российской Федерации начали 11 декабря вторжение на территорию Чеченской Республики.

Понимая определенную двусмысленность переговоров, проводимых в условиях военного вторжения, Президент и Прави-

тельство Чеченской Республики выразили тем не менее готовность провести эти переговоры и мирным путем решить круг обозначенных вопросов. Рабочая комиссия Чеченской Республики предлагала в качестве первого реального шага для приостановки кровопролития прекратить всякие вооруженные столкновения на период ведения настоящих переговоров. Однако это предложение не было принято российской рабочей комиссией. Два дня переговоров заметно сблизили позиции сторон по обсуждаемым вопросам. Вместе с тем основной вопрос переговоров — прекращение кровопролития на чеченской земле, происходящее в результате открытого военного вторжения России в Чеченскую Республику, — остается не решенным. Позиция рабочей комиссии Чеченской Республики честная и открытая: прежде чем приступить к разоружению и для того, чтобы разоружить незаконные формирования, необходимо отвести российские войска с территории Чеченской Республики с одновременной разработкой совместного механизма разоружения. Только таким путем возможна бескровная нормализация обстановки в Чеченской Республике и вокруг нее. За время переговоров ситуация в Чеченской Республике изменилась и требует анализа обстановки на месте. В связи с чем возникла необходимость рабочего перерыва, согласованного с рабочей комиссией Российской Федерации. Правительственная комиссия Чеченской Республики еще раз подтверждает свою приверженность решению всех вопросов, связанных с урегулированием обстановки в Чеченской Республике и вокруг нее, исключительно мирным путем.

Руководитель правительственной рабочей
комиссии Чеченской Республики -Ичкерия
Т.Абубакаров
Владикавказ, 14 декабря 1994 года.»

Во второй половине дня 14 декабря 1994 года наша делегация выехала в Грозный. Вся автотрасса от Владикавказа до Ачхой-Мартановского перекрестка была забита российскими войсками. Пришлось добираться обходными путями. По приглашению Президента Республики Ингушетия Р.Аушева делегация вернулась на часок в Назрань. Он принял нас у себя в кабинете и выразил готовность содействовать процессу мирного урегулирования конфликта. Забегая вперед, можно сказать, что себя на этом

поприще Р.Аушев не жалел. Вернувшись в Грозный, я первым делом пошел к президенту для доклада о проделанной работе. Странно, но мне показалась, что его занимали совсем другие вопросы. Во всяком случае во время аудиенции, проходившей в подвальном помещении Президентского Дворца, он меньше всего интересовался ходом переговоров, отвлекаясь на менее важные дела и поминутно перебивая меня эмоциональными высказываниями о малозначащих деталях нашего поведения на переговорах. Так, Дудаев утверждал, что российские средства массовой информации передали, что будто бы кто-то из членов нашей делегации созрел для подписания любого варианта протокола переговоров, но не смеет сказать об этом вслух. Безадресный упрек президента я отнес прежде всего на свой счет, о чем и сказал Дудаеву, обратив на всякий случай внимание на его непоследовательное отношение к российской прессе, которую он незадолго до этого всячески поносил за необъективность, а тут, вдруг, он поверил ей. С чего бы это? Разговора, соответствующего характеру момента, не получилось. Я напомнил ему о своем заявлении об отставке и его обещании отлучить меня раз и навсегда от переговорного процесса. «Не сомневайся, больше я тебя в политику не пушу», — заверил он меня недовольным тоном. На следующий день никто, кроме иностранных журналистов и простых людей, результатами моей поездки во Владикавказ не интересовался, хотя Дудаев и знал, что там в ожидании моего возвращения остался В.Михайлов. Поэтому поздно вечером я по собственной инициативе выступил по республиканскому телевидению и рассказал подробно о владикавказских переговорах. О своем видении проблемы рассказал также вице-премьер Т.Амалиев. Утром 16 декабря президент под впечатлением от нашего выступления обозвал нас «голубыми мира», желающими якобы выставить его, президента, таким «ястребом войны». Не ястребом, пошутил я, а коршуном, памятуя, что в оперативных планах российских военных каждый населенный пункт Чечни имел свое кодовое название. В те дни Грозный проходил как «коршун».

Воспользовавшись случаем, я предложил Дудаеву провести экстренное заседание правительства и с учетом сложившейся обстановки дать оценку работе нашей делегации на переговорах и определить их дальнейшую перспективу, но он никак не отреагировал. Тогда с таким же предложением я обратился к вице-премьеру М.Мугадаеву, который, зная, что своими действи-

ями я могу невольно подставить его под гнев президента, тем не менее согласился. Он распорядился организовать на вечер заседание правительства, что и было сделано. Дудаеву наша самостоятельность явно не понравилось и он всячески пытался уйти от навязываемого ему разговора об итогах работы нашей делегации. Наконец, когда он понял, что большинство кабинета поддерживает эту тему, мне было дано слово для выступления, но в такой форме, что я тут же отказался от него. Был объявлен перерыв во время которого Дудаев и М.Мугадаев пришли к согласованному мнению о дальнейшей работе. Мне пришлось-таки выступить. Правительство положительно оценило владикавказские переговоры, но по настоянию президента сочло их потенциал исчерпанным и призвало российское руководство повысить статус переговорного процесса, включив в него президентов или премьер-министров Чечни и России. От нас в любом случае главным переговорщиком становился сам Дудаев. Соответствующая телеграмма была направлена в Москву в тот же вечер. Ответ на нее пришел от Б.Ельцина через неделю. Учитывая наше желание повысить статус и уровень переговоров, российский президент пригласил Дудаева в Моздок для ведения переговоров с членами Совета Безопасности России С.Степашиным и Н.Егоровым. Совет Безопасности Чеченской Республики, заседавший 23 декабря, справедливо усмотрел в этом приглашении прямую угрозу для жизни чеченского президента и не рекомендовал ему ехать в Моздок. Еще через неделю российские войска начали бесславный штурм Грозного.

За миром в Москву

Утром 31 декабря 1994 года я зашел к президенту и поздравил его с наступающим Новым годом. Не могу сказать за других, но лично я ничего не знал о готовящемся штурме, хотя ежедневно бывал в Президентском Дворце и общался со многими ополченцами и их командирами. Помню, как накануне Дудаев интересовался у своих помощников ходом работ по установке на центральной грозненской площади Новогодней елки и подарками для детдомовцев. Вероятно он хотел воодушевить этим ополченцев и оставшихся в городе жителей.

Тему переговоров с Дудаевым мы больше не затрагивали. Удивительно, но уже 9 января 1995 года, выступая на заседании правительства, проходившего в здании профилактория в пос. Черноречье,

Дудаев, коснувшись переговорной темы, вновь предложил утвердить мою кандидатуру руководителем соответствующей комиссии с чеченской стороны. Честно говоря, в той обстановке я и не собирался пикироваться с Дудаевым, но мое лицо говорило, видимо, само за себя. «Идет война, это приказ», — отрезал он коротко. Единственное, что я сделал, так это передал ему записку, в которой просил освободить меня от должности министра экономики и финансов и назначить на какую-нибудь дипломатическую работу. Прощаясь, Дудаев обещал подумать над моей просьбой.

Наша следующая встреча с президентом произошла 14 января 1995 года в селе Самашки в доме его помощника М.Саламова и также была посвящена проблеме переговоров. Это было связано с тем, что накануне мне передали просьбу ингушского президента срочно связаться с ним по вопросу о продолжении чеченско-российских переговоров. Пойти на такой шаг без ведома Дудаева я не мог и поэтому, запросив его разрешение, отправился в Назрань. Р.Аушева на месте не оказалось, он находился в Москве, но вице-президент Ингушетии Б.Агапов кое-что прояснил. Оказывается, на имя Р.Аушева 5 января 1995 года со Старой площади поступила следующая телеграмма: «Уважаемый Руслан Султанович. Просим Вас как участника договора об общественном согласии изложить свое мнение о возможных путях решения чеченской проблемы и стабилизации положения в этом регионе, включая ваше участие в процессе стабилизации ситуации в Чеченской Республике, в том числе в оказании помощи. Председатель комиссии по реализации договора об общественном согласии».

Р.Аушев и без этой телеграммы делал все от него зависящее, но, получив ее, он высказался прежде всего за немедленное возобновление переговорного процесса с участием Дудаева и В.Черномырдина. Однако российский премьер отказался от такой встречи и предложил якобы Р.Аушеву назвать других лиц в окружении чеченского президента, с которыми можно было бы вести переговоры. Поскольку по прежним переговорам моя фамилия оставалась еще на слуху, Р.Аушев ее и озвучил. В телефонном разговоре он сообщил мне, что достигнута принципиальная договоренность о моей встрече с В.Черномырдиным и просил, не откладывая, прибыть в Москву.

Весь этот разговор я довел до сведения Дудаева, но ему очень не понравилось, что моя фамилия всплыла независимо от него. В этом он усмотрел попытку Москвы вести с некоторыми лицами сепаратные переговоры за его спиной. Поэтому Дудаев решил придержать меня на всякий случай и отправить в Москву кого-нибудь другого. Учитывая, что год назад М.Мугадаев встречался с В.Черномырдиным,

было принято решение командировать именно его на переговоры. Однако здесь была одна загвоздка. Дело в том, что после заседания правительства, на котором обсуждались итоги владикавказских переговоров, отношения между М.Мугадаевым и Дудаевым оставляли желать лучшего. До разрыва не доходило, но и прежних доверительных отношений тоже не было. Поэтому уговорить М.Мугадаева на поездку в Москву мог только сам президент и никто другой. Так поздно ночью Дудаев и я поехали через всю республику в село Бени-Котар, где тогда проживал М.Мугадаев. По пути завернули в Грозный и захватили с собой У.Имаева. Прибыв на место, Дудаев затребовал к себе еще одного вице-премьера Т.Амалиева, который вскоре подъехал к нам. Вот в таком составе плюс помощник президента М.Саламов обсуждался вопрос о том, ехать или нет в Москву и кому ехать. Против поездки принципиально никто не высказывался. Некоторые сомнения были связаны с вопросом о том, а не затеваются ли эти переговоры с целью усилить военное давление на Чечню под шумок разговоров о мирном урегулировании конфликта. В конце концов пришли к выводу, что надо использовать любую возможность для остановки кровопролития, а переговоры подходят для этого наилучшим образом.

Труднее оказалось решить вопрос о полномочном представителе Дудаева на переговорах. М.Мугадаев, как я и ожидал, от предложенной миссии отказался, сославшись на то, что в Москве хотят видеть не его, а меня. На самом же деле это была отговорка. Отказался ехать и я, припомнив президенту, что на данном поприще нам трудно найти с ним общий язык. После некоторых раздумий Дудаев объявил, что в Москву он посылает меня (руководитель делегации) и У.Имаева. Уже перед самым прощанием Дудаев отвел меня в сторону и дал задание договориться о встрече М.Мугадаева и В.Черномырдина, если встреча с ним самим будет в Москве отвергнута. Вернувшись под утро в Грозный, мы с У.Имаевым практически без передышки выехали в Назрань, а оттуда через Минеральные Воды вылетели в Москву, где нас встретили работники Миннаца России, а также офицеры Главного управления охраны Российской Федерации.

Разместившись в гостинице «Россия» (нас почему-то поселили в разных номерах и даже на разных этажах), мы поехали в Миннац России для проработки с В.Михайловым всех аспектов встречи с российским премьером. Мой визави по Владикавказу с первых же минут встречи попытался представить наш визит как результат исключительно нашей собственной инициативы. Такая позиция не только не соответствовала действительности, но и была неприемлемой для нас, так как ее можно было понимать в том смысле, что мы, чувствуя

превосходство России, приехали искать мира на любых условиях. Мы сказали В.Михайлову, что в таком контексте разговор не пойдет и довели до него цель приезда, которая была сформулирована президентом Чечни под запись и состояла в достижении договоренности по следующему алгоритму действий: прекращение огня — разъединение воюющих сторон — демилитаризация Грозного — вывод российских войск за пределы Чечни — встреча на высшем уровне — подписание полномасштабного договора. Выслушав эту программу, В.Михайлов куда-то исчез и минут через 20 пригласил нас в кабинет своего начальника Н.Егорова для продолжения беседы. Я подумал, что сейчас произойдет незапланированная встреча с одним из главных ястребов войны с Чечней. Так оно и случилось, хотя фамилия ястреба была неожиданной — С.Шахрай. Он тихо и даже как-то воровато зашел в свой бывший кабинет через заднюю дверь и тоже завел разговор о цели нашего визита и возможных изменениях в схеме переговоров. Списав нашу неуступчивость на усталость с дороги, он предложил продолжить разговор на следующий день.

16 января с утра до вечера мы провели с У.Имаевым в кабинете В.Михайлова, обсуждая второе текст совместного заявления о механизме прекращения кровопролития в Чеченской Республике. С.Шахрай в тот день не появился.

Вечером мы связались с Р.Аушевым насчет встречи с В.Черномырдиным, поскольку были очевидны попытки сорвать ее, заменив на малозначащие беседы с миннацовскими клерками. Р.Аушев подтвердил наше опасение, но призвал не торопиться и заверил, что добьется нашей встречи с российским премьером. Каково же было наше удивление, когда 17 января 1995 года было передано заявление В.Черномырдина о ситуации в Чечне и мерах по ее урегулированию, в котором не содержалось практически ни одного нашего предложения. Настроение было хуже некуда и мы направились к Р.Аушеву, чтобы решить вопрос об отъезде домой, но по его совету решили подождать. Часам к трем пополудни позвонил С.Шахрай и пригласил нас с У.Имаевым к 16 часам к себе в кабинет. Не видя в общении с этим человеком особого смысла мы хотели сначала отказаться от встречи, но по совету Р.Аушева передумали и в назначенный срок прибыли в Белый Дом, где нас, как оказалось, ждал сюрприз. Не успели мы обменяться с С.Шахраем и В.Михайловым дежурными репликами о погоде вообще и политической, в частности, как открылась дверь и в кабинет быстрым шагом вошел В.Черномырдин. Вероятно, такой метод встреч принят в Белом Доме за правило. Беседа продолжалась примерно час. За это время мы обговорили все вопросы, имеющие с нашей точки

зрения принципиальное значение, но мало в чем нашли взаимопонимание. Единственное, о чем удалось договориться, — это обоюдное и повсеместное прекращение огня, начиная с 18 часов следующего дня, имея в виду использовать передышку для организации работ, связанных с вывозом трупов в безопасную зону. Глава правительства России приказал С.Шахраю и В.Михайлову связаться с генералами Л.Рохлиным и В.Бабичевым для наших контактов с ними на предмет прекращения огня. На том и распрощались.

Спустя два-три дня, В.Черномырдин в беседе с представителями чеченской диаспоры в Москве так объяснил цель его встречи со мной и с У.Имаевым — необходим широкий диалог со всеми сторонами, втянутыми в конфликт, и не более того. Поздно ночью ко мне в номер дозвонился Дудаев и, взяв на вооружение заявление В.Черномырдина о механизме урегулирования чеченского конфликта, с ходу стал отчитывать за уступчивость и за контакты с какими-то иностранцами. Я хотел детально расписать ему ситуацию, как она развивалась, но он стал распаляться еще сильнее. Я передал трубку У.Имаеву и вышел из комнаты, не желая слышать их разговор. Потом У.Имаев поведал мне, что ему удалось убедить президента в правильности наших действий в Москве. Что касается обвинений в мнимых контактах с иностранцами, то тут вообще ничего нельзя было понять, поскольку и я, и У.Имаев ни с какими иностранцами (если не считать россиян) никак не связывались. Много позже, перелистывая подборку материалов о чеченской войне, я случайно наткнулся на любопытную публикацию в газете «Советская Россия» от 24 июня 1995 года. В статье «Прачечная долларов» некая Ж. Касьяненко утверждала: «Когда в Москву в январе приезжали из Чечни Имаев с Абубакаровым, то они здесь встречались не только с Черномырдиным, но и с ... Доном Алексом. Им было сказано: ребята, спасайтесь, как можете». Если верить автору, то Д.Алекс являлся связником между колумбийской и московской мафией. Последней-то вообще и посвящена была вся статья, а нас с У.Имаевым, по заведенной в российских средствах массовой информации традиции, притянули за уши. Возможно, что именно из «совраховской» редакции была организована «утечка» информации, предназначенная для ушей Дудаева. Срабатывали, видимо, взаимные идеологические симпатии. Для меня тот ночной президентский звонок в Москву оказался последним и в прямом, и в переносном смысле.

С утра 18 января мы занялись с У.Имаевым выяснять вопрос о том успел или нет В.Михайлов связаться с российскими генералами и поставить их в известность насчет достигнутых договоренностей. Ни С. Шахрай, ни В.Михайлов до обеда на своих рабочих местах не

появились — по крайней мере так отвечали их помощники. Пришлось оставить для В.Михайлова записку, в которой я просил его сообщить к 18 часам в канцелярию вице-президента Ингушетии Б.Агапова координаты Л.Рохлина и В.Бабичева для связи с ними. В тот же день к ровно к 18 часам мы с У.Имаевым были в Назрани, но никаких дополнительных сообщений для нас из Москвы не поступило. Мы не знали, поставлены ли названные генералы в известность или нет о том, где и как с нами связаться. Все это к моменту нашего возвращения в Назрань должны были решить С.Шахрай и В.Михайлов, но они по каким-то причинам ничего не сделали. Мы сами связались с Моздоком и от помощника российского министра обороны услышали ответ: ищите их (Л.Рохлина и В.Бабичева), если хотите, в боевых порядках, и то только для безоговорочной капитуляции. Столь оскорбительная игра с российской стороны вынудила меня, вопреки устной договоренности о недопустимости разборок через средства массовой информации, провести пресс-конференцию, на которой мы подробно рассказали об истории и содержании нашей поездки в Москву. В тот же вечер об этой пресс-конференции сообщило российское центральное телевидение в программе «Время». Что тут началось! Со всех сторон в наш адрес посыпались обвинения во всех мыслимых грехах. Первыми, конечно, отреагировали С.Шахрай и В.Михайлов. Вот текст их телефонограммы: «Вице-президенту Республики Ингушетия Б.Н.Агапову (для передачи Имаеву и Абубакарову). В соответствии с результатами беседы Черномырдина с Абубакаровым и Имаевым в г. Москве 17 января 1995 года вы заявили, что Дудаев полностью управляет полевыми командирами в г.Грозном и готов обеспечить прекращение кровопролития. По поручению Председателя правительства РФ, для контактов с целью прекращения огня военным командованием были определены генералы Рохлин и Бабичев, с которыми полевые командиры должны были встретиться непосредственно в Грозном. Предложение о встрече в Назрани не обсуждалось. То, что представители Дудаева до сих пор находятся в г. Назрани и не предприняли никаких усилий в г. Грозном по прекращению боевых действий, подтверждает наше опасение, что они абсолютно не управляют полевыми командирами и не контролируют ситуацию, либо занимаются недостойной политической игрой. Считаю также крайне опасным затягивание Республики Ингушетия и ее руководства в эскалацию военного кризиса в Чеченской Республике. По поручению Председателя Правительства РФ С.Шахрай, В.Михайлов». Этот документ являл собой типичный образец поведения российских чиновников, в обстановке их оторванности от развития

реальных событий. Главный упор сделан здесь на тезисе о неуправляемости полевых командиров. Данный тезис муссировался в России до тех пор, пока эти самые командиры не захватили в августе 1996 года Грозный и не выставили оттуда непрощенных гостей.

Однако в январе 1995 года в Грозном шли кровопролитные бои, и чтобы их остановить, нужен был соответствующий приказ по российским войскам, а не мои блуждания в их боевых порядках в поисках еще менее управляемых российских генералов. Тем не менее, получив эту телефонограмму, мы с помощью Б. Агапова еще раз связались с Моздоком и договорились о встрече наших полевых командиров с руководством российских войск в Назрани в 17 часов следующего дня. Попытки связаться с В.Черномырдиным, в том числе и со стороны находившегося в Назрани российского правозащитника С.Ковалева, ни к чему не привели.

В Москве в то время остановки войны не хотели, как не хотели и никаких мирных инициатив со стороны Дудаева. Москве нужна была победа, а нам — спасение республики от гибели. Поэтому на следующий день мы снова вернулись в Назрань вместе с начальником Главного штаба вооруженных сил Чеченской республики А.Масхадовым и до 21 часа ждали появления российских переговорщиков. Однако они не явились, но, убедившись в том, что А.Масхадов действительно находится в Назрани, обещали прислать вертолет и забрать нас якобы для переговоров в Моздок. На самом деле это была дешевая попытка заманить в ловушку А. Масхадова, ставшего к тому времени стержневой фигурой чеченского Сопротивления. Такая перспектива нас, естественно, не устраивала. Выступив на пресс-конференции с оценкой сложившейся ситуации, мы в тот же вечер выехали в Грозный. На этом моя дипломатическая миссия завершилась окончательно, а до конца войны оставалось еще целых полтора года. Все последующие переговоры с российской стороной показали, что в период войны они лишь тогда чего-нибудь да стоят, когда подкрепляются эффективными силовыми приемами, как это было в августе 1996 года. Хотелось бы верить, что с окончанием войны и подписанием договора о мире обеим сторонам хватит ума и терпения не прибегать в будущем к таким приемам, выстраивая отношения в духе доверия и взаимного уважения.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

12 мая 1997 года президент Чеченской Республики-Ичкерия А.Масхадов и президент Российской Федерации Б.Ельцин подписали в Кремле исторический Договор о мире, долженствующий положить конец 400-летнему противостоянию Чечни и России. Путь к этому договору был долгим и тяжким, временами кровавым. На нем сошлись не просто разные взгляды чеченцев и русских на историю их взаимоотношений, но и совершенно различное миропонимание, разные культуры, которые могут, наверное, сосуществовать, но определенно не могут соподчиняться. Наши народы обречены жить по соседству. Поэтому мудрость не в том, чтобы сталкивать их и разбивать, а в том, чтобы, невзирая на огромные препятствия, возделывать поля взаимного тяготения.

В настоящих записках, посвященных собственно не личности Дудаева (повести о нем ждут пера и таланта лучших литературных имен), а той многосложной обстановке, в которой проходило становление суверенной Ичкерии и вместе с тем ее первого президента, я попытался на основе лично пережитого четко обозначить возможные точки соприкосновения чеченско-российских экономических интересов, не обремененных идеологическими оковами, как бы они не назывались — социализмом, капитализмом или еще как-то. К сожалению, ни в Ичкерии, ни в России этой стороне вопроса не сумели уделить должного внимания. Дудаев добивался независимости от России, на основе обветшалых идей социализма, а в России с не меньшим упорством на останках этих идей возводили дикий капитализм. В итоге получилось так, что неодинаковые культурные установки чеченцев и русских были усилены и доведены до крайности антагонистическими экономическими концепциями, взятыми на вооружение каждой из сторон. Война явилась логическим завершением развития совокупности этих противоположностей. История не знает, как известно, сослагательного наклонения. Поэтому бессмысленны споры о причинах трагедии, если они приводят к новым трагедиям. Рассказать об этих причинах в узком, но гигантски насыщенном событиями отрезке новейшей истории чеченцев, оставаясь при этом объективным, насколько это вообще было возможно в моем положении, — вот максимум того, на что я рассчитывал, берясь за перо. Удалось мне справиться с такой задачей или нет — судить тебе, дорогой читатель!

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

А.Авторханов — всемирно известный политолог и гуманист, автор книг: «Технология власти», «Империя Кремля».

Б.Агапов — вице-президент Республики Ингушетия.

С.-А.Адизов — председатель Совета Старейшин Чеченской Республики.

С.Адуев — начальник департамента железнодорожного транспорта Чеченской Республики.

А.Айдамиров — писатель, классик чеченской литературы.

А.Акбулатов — государственный секретарь Чеченской Республики.

А.Албаков — генеральный директор грозненского арендного завода по производству и реализации нефтепродуктов, член правительства Чеченской Республики.

С.Албаков — министр безопасности Чеченской Республики.

А.Алиев — заместитель министра юстиции-генерального прокурора Чеченской Республики.

Р.Алиев — начальник департамента воздушного транспорта Чеченской Республики, президент авиакомпании «Стигл».

Г.Алиев — президент Республики Азербайджан.

М.-Х.Алсабеков — муфтий Чеченской Республики, советник президента Чеченской Республики.

У.Алсултанов — министр внутренних дел Чеченской Республики.

Т.Амалиев — заместитель председателя правительства Чеченской Республики.

И.Арсамиков — депутат парламента Чеченской Республики, близкий сподвижник Дудаева.

А.Аслаханов — бывший депутат Верховного Совета РСФСР.

Р.Аушев — президент Республики Ингушетия.

Х.Ахмадов — председатель парламента Чеченской Республики.

Ажарсанов — лицо, подозреваемое чеченскими спецслужбами в незаконном присвоении валютных средств Чеченской Республики.

Ш.Басаев — военный начальник, Национальный Герой Чеченской Республики, Национальный Герой Республики Абхазия.

В.Бабичев — русский генерал, принимавший участие в походе российских войск в Чечню.

А.Баки — религиозный и общественный деятель Иордании.

В.Баев — генеральный директор производственного объединения Северо-кавказских магистральных нефтепроводов.

Б.Басханов — исполняющий обязанности прокурора во временной автурхановско-хаджиевской администрации.

Л.Баталов — председатель Комитета по инвентаризации государственного имущества Чеченской Республики.

С.Беков — председатель Совета Министров Чечено-Ингушской Республики.

Ш.Бено — министр иностранных дел Чеченской Республики.

Р.Бисултанов — министр сельского хозяйства Чеченской Республики.

А.Бугаев — один из руководителей антидудаевской оппозиции.

Б.Гантамиров — и.о. мэра Грозного, один из руководителей антидудаевской оппозиции.

Е.Гайдар — и.о. председателя правительства Российской Федерации.

*Должности российских чиновников указаны на период, описываемый в книге.

Р.Гайрбеков — заместитель председателя правительства Чеченской Республики.

Т.Гайсумов — генеральный директор государственного концерна нефтяной промышленности Чеченской Республики.

З.Гамсахурдиа — первый президент постсоветской Грузии. Похоронен в Грозном.

Р.Гелаев — военный начальник, Национальный Герой Чеченской Республики.

В.Герашенко — председатель Центрального банка Российской Федерации.

П.Грачев — министр обороны Российской Федерации.

В.Дакалов — начальник департамента хлебопродуктов Чеченской Республики.

Р.Джабраилова — начальник департамента внутренней и внешней торговли Чеченской Республики.

М.Дошукаев — заместитель председателя правительства Чеченской Республики.

Д.Дудаев — первый президент Чеченской Республики.

Н.Егоров — вице-премьер правительства Российской Федерации. В период русско-чеченской войны координировал органы исполнительной власти России в Чечне.

Б.Ельцин — президент Российской Федерации.

А.-Р.Закаев — председатель Национального банка Чеченской Республики.

Д.Завгаев — председатель Верховного Совета Чечено-Ингушской Республики. С декабря 1995 года по август 1996 года являлся самозванным главой Чеченской Республики.

У.Имаев — председатель Национального Комитета по правовой реформе при президенте Чеченской Республики, председатель Фонда поддержки независимости Чеченской Республики, председатель Национального банка Чеченской Республики, министр юстиции-генеральный прокурор Чеченской Республики.

Ж.Касьяненко — корреспондент газеты «Советская Россия».

М.Керимов — начальник департамента налоговой полиции Чеченской Республики.

С.Ковалев — российский правозащитник, депутат Государственной Думы Российской Федерации.

Р.Кутаев — чеченский политический деятель и предприниматель.

Ш.Лорсанов — и.о. министра внутренних дел Чеченской Республики.

Г.Лучанский — австрийский предприниматель.

Р.Мааев — начальник департамента строительной индустрии Чеченской Республики.

Р.Мадиев — министр внешнеэкономических связей во временной автурхановско-хаджиевской администрации.

Т.Р.Мальтус — английский священник, автор книги «Опыт о законе народонаселения».

Я.Мамодаев — председатель Комитета по оперативному управлению народным хозяйством Чеченской Республики, первый заместитель председателя правительства Чеченской Республики.

Х.Мараев — первый заместитель председателя Комитета по оперативному управлению народным хозяйством Чеченской Республики.

А.Масхадов — начальник Главного штаба вооруженных сил Чеченской

Республики, Национальный Герой Чеченской Республики. В январе 1997 года избран президентом Чеченской Республики-Ичкерия.

М.Махмаев — заместитель министра внутренних дел Чеченской Республики.

М.Мержоев — представитель президента Чеченской Республики в Главном штабе вооруженных сил Чеченской Республики.

В.Михайлов — руководитель российской правительственной рабочей комиссии на владикавказских переговорах в декабре 1994 года.

С.Мовтаев — министр образования Чеченской Республики.

М.Мугадаев — заместитель председателя правительства Чеченской Республики.

К.Музаев — глава администрации г. Грозного.

Г.Мусалимов — министр промышленности и энергетики Чеченской Республики, генеральный директор завода «Красный молот».

Г.Опришко — генеральный директор производственного объединения «Промавтоматика».

Е.Пучков — генеральный директор производственного объединения «Чечингнефтепродукт».

Л.Рохлин — русский генерал, принимавший участие в походе российских войск в Чечню.

М.Саламов — помощник президента Чеченской Республики.

Г.Санько — заведующий отделом промышленности аппарата правительства Чеченской Республики.

М.Сатуев — руководитель кабинета предпринимателей Чеченской Республики.

Ю.Сосламбеков — депутат парламента Чеченской Республики.

Ю.Спиридонов — начальник грозненского отделения Северо-кавказской железной дороги.

С.Степашин — директор Федеральной службы контрразведки (ФСК) Российской Федерации.

А.Тарасов — корреспондент газеты «Известия»

Н.Увайсаев — председатель Национального банка Чеченской Республики.

М.Удугов — министр информации и печати Чеченской Республики, близкий сподвижник Дудаева.

Б.Умалатов — советник президента Чеченской Республики.

Р.Учиев — советник президента Чеченской Республики.

Х.Ферзаули — заместитель председателя правительства Чеченской Республики.

С.Хаджиев — лидер антидудаевской оппозиции, глава так называемого правительства национального Возрождения.

Р.Хасбулатов — Председатель Верховного Совета Российской Федерации, глава так называемой миротворческой группы.

С.Хасимиков — председатель Службы национальной безопасности Чеченской Республики.

Р.Хачатуров — генеральный директор производственного объединения «Грознефть».

Л.-А.Хациев — начальник департамента социальной защиты населения Чеченской Республики.

Д.Хожаев — начальник департамента по делам архивов Чеченской Республики.

В.Черномырдин — председатель правительства Российской Федерации.

М.Шаймиев — президент Республики Татарстан.

С.Шахрай — вице-премьер правительства Российской Федерации.

Ю.Шекочихин — корреспондент «Литературной газеты».

М.Эльдиев — министр внутренних дел Чеченской Республики.

Г.Эльмурзаева — председатель национального управления школ профессионального мастерства Чеченской Республики.

М.Эсембаев — народный артист СССР, Герой социалистического труда, первый министр культуры Чеченской Республики.

Ш.Юсеф — министр иностранных дел Чеченской Республики.

З.Яндарбиев — вице-президент Чеченской Республики, близкий сподвижник Дудаева.

А.Яндаров — министр образования Чеченской Республики.

* * * * *

Отдельные выдержки из настоящей книги были опубликованы в российских и чеченских средствах массовой информации, в том числе: «О том, как Дудаев не вписался в российский рынок» — («Коммерсант-DAILY», №155, 18 сентября 1996 года); «После Дудаева: Джохара нет, но с нами горы» — («Общая газета», №37, 19-25 сентября 1996 года); «Чечня без войны: варианты развития» — («Ичкерия», №31, 19 октября 1996 года); «Блокада или экономическая самостоятельность» — («Независимая газета», №200, 24 октября 1996 года); «Экономическое наследство Джохара Дудаева» — («Ичкерия», №35, 9 ноября 1996 года);

«Как победить двоевластие» — («Век», №45, 22-28 ноября 1996 года); «Хартия Вайнахской республиканской партии» (совместно с председателем партии А.-Х. А.Султыговым) — («Ичкерия», №42, 4 декабря 1996 года); «Блокада или экономическая самостоятельность» — («Ичкерия», №46, 18 декабря 1996 года); «Накануне столкновения с метрополией» — («Независимая газета» — «Независимое военное обозрение», №4, 1-7 февраля 1997 года); «Неизвестная экономика Республики Ичкерия» — («Ичкерия», №42, 12 июня 1997 года); «Джохар Дудаев. Штрихи к политическому портрету» — («Ичкерия», №46, 3 июля 1997 года).

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	4
Чеченский сепаратизм как следствие реального социализма	6
<i>от какого социализма избавлялись чеченцы</i>	<i>7</i>
<i>чеченские русские: беженцы или беглецы?</i>	<i>11</i>
<i>чеченцы Дудаева ждали давно</i>	<i>13</i>
Экономические и социальные симпатии Дудаева	15
<i>«чеченская робинзоада»</i>	<i>15</i>
<i>если не с Россией, то с кем?</i>	<i>19</i>
<i>кадры в условиях независимости решают все!</i>	<i>24</i>
Ичкерийский неосоциализм	26
<i>варианты независимости</i>	<i>26</i>
<i>власть и безвластие</i>	<i>29</i>
<i>от гражданского общества к имамату</i>	<i>33</i>
<i>«родимые пятна» социализма в Чечне</i>	<i>35</i>
Дудаевская приватизация	39
<i>была ли в Чечне приватизация?</i>	<i>39</i>
<i>ичкерийские «ваучеры»</i>	<i>43</i>
Дудаев как зеркало Чеченской революции	49
<i>прощайте, Советы!</i>	<i>49</i>
<i>временное правительство под Мамодаева</i>	<i>52</i>
<i>в муках рожденное... ..</i>	<i>56</i>
Новаторы и традиционалисты	62
<i>программа общая, цели разные</i>	<i>62</i>
<i>кому доверить чеченские реформы?</i>	<i>64</i>
<i>крах инвестиционных ожиданий</i>	<i>66</i>
Коллизия власти	70
<i>Дудаев или Мамодаев?</i>	<i>70</i>
<i>мир по-мамодаевски</i>	<i>73</i>
<i>секрет дудаевского долготерпения</i>	<i>75</i>
Президентское правление — новые надежды	77
<i>фавориты известные, надежды новые</i>	<i>77</i>
<i>основной вопрос экономической стабилизации</i>	<i>82</i>
<i>«новые» чеченцы о новом правительстве</i>	<i>87</i>
Дудаев и оппозиция	90
<i>как Дудаев приласкал оппозицию</i>	<i>90</i>
<i>как Дудаев усмирил оппозицию</i>	<i>92</i>
Плюсы президентского правления	97
<i>расчет по долгам</i>	<i>97</i>
<i>денежная разверстка</i>	<i>102</i>

Финансовые «тайны» Чечни	106
<i>о «чеченском следе» в российских банковских махинациях</i>	106
<i>советские деньги от балтийских друзей</i>	109
Финансы «поют романсы»	111
<i>кому финансы, кому романсы</i>	111
<i>директорский заговор</i>	112
<i>«Борз» на «Красном молоте»</i>	116
Денежная реформа Дудаева	118
<i>независимость и национальная валюта</i>	118
<i>Банк Ичкерии как гарант стабильности</i> <i>чеченской валюты</i>	120
<i>сом с рублем или доллар?</i>	120
Дудаев и нефтяной вопрос	125
<i>нефтяная арифметика</i>	125
<i>нефтяной вопрос глазами «дудаевца»</i>	128
<i>квота для Гантамирова</i>	133
<i>нефть — достояние расхитителей</i>	137
<i>как отгружалась чеченская нефть</i>	139
<i>особый план для особого района Грозного</i>	142
Налоги и бюджет в Ичкерии	144
<i>экономика чеченская, налоги российские</i>	144
<i>дружба дружбой, но денежки врозь</i>	148
<i>бюджетный дефицит и бюджетное равновесие</i>	152
<i>единый чеченский налог</i>	153
<i>бюджет и банки</i>	154
<i>социализм не за казенный счет</i>	160
Дипломат поневоле	161
<i>была ли у чеченского МИДа концепция внешней политики?</i> .	161
<i>готовились к встрече президентов, а вышла война</i>	164
<i>Владикавказские переговоры</i>	167
<i>за миром в Москву</i>	178
Послесловие	185
Именной указатель	186
Справка о публикациях	189

The book "Regime of Johar Dudaev: the Truth and Falsehood" is written by Taimaz Abubakarov, former Minister of Finance and Economics in Chechen Government headed by famous General J.Dudaev. Author describes the development and reinforcement of Dudaev's regime basing on real facts as active participant of events before and after invasion of Russian Army to Chechnya.

He gives characteristics of most important lines of Dudaev's internal and external politics especially in Finance and Economics areas.

An attempt has been made by the author to give objective analyses of events and to avoid oversimplified approach in assertion of Dudaev's politics and decision-making.

This book, wich provides a wealth of information from "first hands", will be useful for wide audience — researchers, politicians, economists, laymen, students of history — to all interested to know more about trans-Caucasion region.

~ ~ ~ ~ ~

Таймаз Абубакаров

Режим Джохара Дудаева: правда и вымысел.

*Записки дудаевского министра
экономики и финансов.*

Ответственный редактор	Я.Н. Гибадулин
Компьютерная верстка	Р.Я. Гибадулин
и редактирование	Л.Я. Овчинникова
Технический редактор	Э.Ш. Гибадулина

В книге использованы фотографии
Г.Хамельянина, А.Неменова (ИТАР-ТАСС).

Сдано в набор 02.03.98 г. Подписано в печать 10.04.98.
Формат 60х84/16. Бумага офсетная №1, Гарнитура Ньютон-ТТ.
Печать офсетная. Усл.печ.л.12. Тираж 1000 экз. Заказ №129.

Информационно-издательский центр "ИНСАН",
121019, Москва, Гоголевский б-р,6.
Изд.лицензия №030794 от 19.12.97.

АО „Астра семь”
121019, Москва, Филипповский пер., 13.

Т. Абубакаров и В. Михайлов во время переговоров 12.12.1994 г.

ВЛАДИКАВКАЗ. 12 декабря 1994 года. В столице Северной Осетии проходят переговоры по урегулированию конфликта в Чеченской Республике. В них участвуют рабочая комиссия правительства РФ, возглавляемая заместителем Министра по делам национальностей и региональной политике Вячеславом Михайловым, и делегация Чеченской Республики во главе с Министром экономики и финансов Таймазом Абубакаровым. Диалог, по данным источников правительства России, идет очень трудно. Российская делегация предлагает немедленно начать разоружение незаконных вооруженных формирований на основе Конституции России. Чеченская сторона настаивает на безусловном выводе за пределы территории Чеченской Республики сил МВД и Минобороны России, а затем предлагает на основе Конституции Чеченской Республики выработать механизм разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чечни.

(ИТАР-ТАСС 12.12.1994 г.)

Фото А. Неменова (ИТАР-ТАСС)